

Научно-теоретический и методический журнал

10
2007

ПРЕПОДАВАНИЕ **ИСТОРИИ** *в школе*

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАКом РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»

История Отечества и историография

- 3 С.В. Филатов**
Земельная геральдика в символике Русской императорской армии XVIII– начала XX в.
- 7 Е.В. Алексеев**
Отечественная историография русского пореформенного дворянства
- 16 А.Р. Психомасова**
Северокавказские просветители в истории региона и России
- 21 С.А. Жукова**
Повседневная жизнь иностранцев в Москве на рубеже XIX–XX вв.
- 25 С.М. Рязанов**
Российские консерваторы начала XX в. о рабочем вопросе
- 30 Д.М. Софьин**
Романовское самосознание: место и роль членов Российского императорского Дома по взглядам его представителей
- 35 Е.В. Львина**
Голод 1946–1948 гг. в Астраханской области
- 40 А.И. Бройдо**
Этнопсихологические факторы абхазского сопротивления в вооруженном конфликте 1992–1993 гг.
- 44 Р.М. Барцыц**
Раннехристианские сооружения в Абхазии

Культурология и педагогика

- 48 З.И. Батюкова**
Некоторые аспекты истории развития международных исследований в образовании
- 52 А.В. Маланичева**
Историческая личность и ее роль в развитии учебной мотивации учащихся
- 56 А.В. Калачев**
Феномен «вынужденной» демократизации образования в эпоху Петра I
- 60 Н.Г. Волошина**
Ф.С. Рокотов и проблема становления творческой личности в культуре России XVIII в.
- 64 М.А. Буздыгар**
Идеалы «свободного воспитания» и формирование мировоззрения С.Н. Дурьлина
- 68 О.В. Щупленков**
Патриотическое воспитание в военном образовании Российского Зарубежья
- 72 Л.П. Муромцева**
Судьба коллекций Донского музея
- 77 А.В. Васильев**
Советская интеллигенция на службе вермахту

АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ:

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.

Тел.: (495) 683-2541.

Тел\факс: (495) 683-8583.

E-mail: pishinfo@rambler.ru

www.pish.ru

Формат 70 x 100 1/16.
Тираж 3500 экз. Заказ №

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049
Отпечатано в ОАО
«Выбор-принт»

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.
Тел. (495) 683-54-52.
Факс: (495) 683-54-52.

© ООО «Преподавание истории в школе», 2007,
№ 10. Спецвыпуск
Распространяется только в розницу.

Главный редактор	<i>Э.Н. Абдулаев</i>
Заместитель главного редактора	<i>В.Б. Перхавко</i>
Редакторы отделов	<i>С.А. Абрамова, А.Ю. Морозов, А.П. Прохоров</i>
Зав. производственным отделом	<i>С.А. Голубков</i>
Компьютерная верстка	<i>С.А. Голубков</i>
Координатор номера	<i>В.Б. Перхавко</i>

Редакционный совет:

**Э.Н. Абдулаев, М.Д. Афанасьев,
В.В. Артемов, И.В. Бестужев-Лада,
О.В. Волобуев, Т.Д. Дмитриевич,
А.Б. Драхлер, А.Н. Иоффе, Г.М. Карпов,
А.Ф. Киселев, А.В. Лукутин, К.Г. Митрофанов,
В.Б. Перхавко, А.П. Прохоров, Я.В. Соловьев,
А.И. Чернов, А.П. Шевырев**

Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

С.В. Филатов

Земельная геральдика в символике Русской императорской армии XVIII — начала XX в.

В последние годы в отечественной историографии уделяется большое внимание истории военной символики Российской империи. Однако взаимосвязь территориальной (земельной) геральдики и военной символики изучена недостаточно. Целью настоящей статьи является обобщение имеющегося в нашем распоряжении объемного, но разрозненного материала об использовании земельных гербов в униформе, знаменах и знаках отличия Русской императорской армии на протяжении XVIII – начала XX в.

Традиции военной символики Русской армии были заложены в эпоху Петра Великого, в годы становления великой империи. Тогда же впервые в военной символике стали использоваться элементы земельной геральдики. Это, прежде всего, касалось знамен.

Первые известные нам стяги, на которых изображены земельные гербы – знамена лейб-гвардии Преображенского полка полученные при преобразовании его в 1695 г. из потешного в действующий. Тогда полк получил одно белое и несколько черных знамен. В 1700 г. они были заменены новыми, такого же вида, только с прибавлением, на черных образцах надписи «Anno Domini 1700», вместо прежней, означавшей 1695 г.

Белое знамя представляло собой четырехугольное полотнище, с узкой, золотой бахромой, имело высоту по древку $3 \frac{1}{2}$, а в длину $4 \frac{1}{2}$ аршина. В его центре было помещено коричневое изображение двугла-

вого орла, с коронами на головах, держащего, в правой лапе обнаженный меч, увитый лаврами и имеющий латинскую надпись: «Рах аскулата сунт Псалма 84»; на груди орла был изображен черный круг, с 26 гербами русских княжеств и городов¹. Несомненно, что в начале XVIII в., при отсутствии отечественной геральдической традиции, изображение на знамени восходит к изображению большой государственной печати. Система военной символики в это время еще формируется, и первые знамена преобразенцев стоят обособленно среди других образцов знамен петровской эпохи, в которых использование земельной геральдики имело четкую систему.

В 1708 г. Петр I, чтобы навсегда связать полки созданной им молодой регулярной армии с областями России, повелел именоваться им не по именам своих командиров, а по названиям русских земель. С этого времени гербы городов и территорий, соответствующих названиям полков, стали помещать на ротных знаменах. Причем земельные гербы помещались на ротных знаменах только армейских полков, знамена гвардии имели общероссийскую или, как это было во время Прутского похода, христианскую символику. Полковые знамена армейских полков также имели общероссийскую символику.

Первые образцы знамен с изображением земельных гербов были изготовлены в 1712 г. Они представляли собой полотнища различных цветов шириной 2 аршина 15 вершков, длиной 3 аршина 7 вершков (драгунские знамена изготовлялись меньшего размера и обшивались узкой бахромой); в крыже поме-

¹ Сергей Владимирович Филатов – аспирант историко-политологического факультета Пермского государственного университета.

шалось изображение соответствующего названию полка земельного герба².

При создании регулярной армии Петр Великий ориентировался на европейские (прежде всего шведский) образцы. В частности, при создании системы комплектования армии царь-реформатор многое позаимствовал из шведской «системы индальты» (поземельной воинской повинности). В этой связи интересно отметить, что при сравнении знамен шведской армии периода Северной войны и русских знамен образца 1712 г., явно прослеживается заимствование русскими у шведов общего принципа размещения символики общегосударственной и земельной³.

Традиция размещения на армейских знаменах земельных гербов, основанная Петром Великим, окончательно оформилась к 1731 г., когда был создан так называемый «Гербовник Миниха» и просуществовала до конца столетия. С 1727 г. земельные гербы стали изображаться и на полковых знаменах.

В течении XVIII в. были утверждены следующие образцы знамен и штандартов на которых помещались земельные гербы:

1) ротное знамя фузелерных полков образца 1712 г.;

2) ротное знамя драгунских полков образца 1712 г.;

3) ротное знамя пехотных полков образца 16 февраля 1727 г.;

4) ротное знамя драгунских полков образца 16 февраля 1727 г.;

5) полковое знамя пехотных полков образца 11 ноября 1727 г.;

6) ротное знамя пехотных полков образца 11 ноября 1727 г.;

7) полковое знамя драгунских полков образца 11 ноября 1727 г.;

8) ротное знамя драгунских полков образца 11 ноября 1727 г.;

9) полковое знамя пехотных полков образца 1731 г.;

10) ротное знамя пехотных полков образца 1731 г.;

11) полковое знамя драгунских полков образца 1731 г.;

12) ротное знамя драгунских полков образца 1731 г.;

13) полковое знамя пехотных полков образца 1763 г.;

14) ротное знамя пехотных полков образца 1763 г.;

15) полковой штандарт карабинерных полков образца 1763 г.;

16) ротный штандарт карабинерных полков образца 1763 г.;

17) полковое знамя пехотных полков образца 1780 г.;

18) ротное знамя пехотных полков образца 1780 г.

Знамена образца 1727 г. были только утверждены, но не существовали в реальности⁴. Кроме того изображения земельных гербов помещалось на фурыерских значках – флажках, обозначающих месторасположение частей⁵.

Земельные гербы исчезли со знамен регулярной армии в царствование императора Павла I, который, повысив статус знамен и, придав им, наконец-то, значение полковых святынь, а не просто амунических вещей, как то было в предыдущие царствования, заменил земельную символику на воинских регалиях общеимперской. С тех пор и до 1917 г. на знаменах императорской армии присутствовали только те земельные гербы, которые являлись неотъемлемыми атрибутами герба Российской империи, в частности московский герб на груди двуглавого орла, а на знаменах образца 1881 г. и 1900 г. – гербы земель, входивших в состав Российской империи, на крыльях орла. Исключение составляли финские части, на знаменах которых в царствование Александра II помещался герб Княжества Финляндского⁶.

В эпоху Отечественной войны 1812 г., на короткое время земельные гербы вновь появляются на боевых знаменах, но не регулярной армии, а частей ополчения, созданного для борьбы с нашествием «двунадесяти языки». Известны знамена Костромского и Нижегородского ополчений, на которых были помещены гербы земель, в которых они формировались⁷. Интересно, что знамена ополчений 1812 г. использовались дружинами государственного ополчения во время Первой мировой войны⁸.

Помимо знамен, земельная геральдика использовалась и в элементах униформы и снаряжения Русской армии. Существуют предположения, что земельные гербы изображались на офицерских знаках армейских полков еще в царствование Петра I⁹. Но наибольшее распространение это получило в период с 1731 по 1763 г. В «Гербовнике Миниха» была предложена стройная система полковых гербов, разработанных на основе земельной геральдики. Изображения полковых гербов помещались на офицерских знаках, патронных сумках и лядунках чинов Русской армии до 1763 г., когда было повелено изображать полковые гербы только на знаменах и полковых печатях¹⁰.

Со времени Павла Петровича на предметах униформы и снаряжения регулярной армии, как и на знаменах, присутствовали только те земельные гербы, которые являлись неотъемлемой частью герба империи. Исключение составляли лейб-гвардии Литовский полк в царствование Александра I и части Отдельного Литовского корпуса в период 1818 – 1831 гг., в символике которых на груди двуглавого орла помещался щит с литовским всадником (герб «Погоня»)¹¹.

Элементы земельной геральдики использовались и в униформе ополчения 1812 г. Например, на киверах офицеров Рижских биргерских рот помещалось изображение герба Риги¹². Впрочем, униформа и знамена ополчения 1812 г. разрабатывались и утверждались местным начальством. Но некоторые части ополчения создавались по инициативе отдельных лиц, которые устанавливали форму одежды и знаки различия по своему вкусу, и говорить о какой-то системе в ополченческой символике 1812 г. не имеет смысла. Наличие или отсутствие земельной геральдики в униформе и знаменах ополчения 1812 г. обусловлено различными, очень часто случайными причинами.

В XIX и начале XX в. в военной символике России господствовала общеимперская геральдика. Однако, в Русской армии всегда считались заветы ее державного основателя императора Петра Великого, и полки армии всегда чувствовали связь с теми землями, имена которых они носили. В конце XIX в.

появляется мода на различные жетоны и значки воинских частей. К началу XX в. полковые нагрудные знаки становятся официальными символами полков Русской армии. Примечательно, что рисунки знаков разрабатывались самими офицерами и только потом утверждались верховной властью. Очень часто основой полковых знаков становились земельные и городские гербы¹³.

Кавалерийские полки Русской армии имели отличительные значки, которые изготавливались из ткани и крепились на пике возле наконечника. По расцветке значка можно было определить полк, а то и номер эскадрона в полку. В начале XX в. появились неуставные значки, которые использовались на маневрах, реже в боевых условиях для определения местоположения своей части. Неуставные значки утверждались, как правило, приказом по полку. Широкое распространение такие значки получили во время Гражданской войны в возрожденных в рядах белых армий старых кавалерийских полках. Иногда в таких значках использовалась и земельная геральдика, в частности на значке Ахтырского гусарского полка был изображен герб Ахтырки, а у нарвских гусар – герб Нарвы¹⁴.

На протяжении более чем двухсотлетнего существования Русской армии на ее знаменах, предметах униформы и снаряжения, полковых знаках, фурыерских и кавалерийских значках присутствовали гербы русских земель. В зависимости от идеологических установок, вкусов царствующего монарха, военной европейской моды использование земельной геральдики в военной символике России имело различные формы, могло сводиться до минимума, но ни когда не исчезало окончательно, так как являлось продолжением традиций Петра Великого и всегда подчеркивало неразрывную связь армии и Русской земли.

Примечания

¹ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II . <http://www.listvinoleg.nm.ru>

² Историческое описание одежды и вооружения

Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II. <http://www.listvinoleg.nm.ru>

³ *Васильев А.* Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. 1992. № 1.

⁴ Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II–IV. <http://www.listvinoleg.nm.ru>

⁵ *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота 1698–1801. М., 1995.

⁶ *Леонов О., Ульянов И.* Регулярная пехота. 1855–1918. М., 1998; *Ульянов И.* Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996.

⁷ *Русская армия. 1812–1814.* М., 2000.

⁸ *Шевяков Т., Пархаев О.* Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. М., 2002.

⁹ *Васильев А.* Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. 1992. № 1.

¹⁰ *Соколов В.А.* Вексиллологический справочник по флагам Российской Империи и СССР. М., 2002. Т.1.

¹¹ *Молло Е.* Офицерские нагрудные знаки. Париж, 1959; *Ульянов И.* Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1996.

¹² *Русская армия 1812 года.* Набор открыток. Выпуск 3. М., 1989.

¹³ *Андоленко С.А.* Нагрудные знаки Русской армии. Париж, б/д.

¹⁴ *Воронов А.В.* Некоторые особенности обмундирования и полковых значков кавалерии периода Гражданской войны 1918–1920 гг. // *Добровolec.* 2004. № 1(3); *Шевяков Т., Пархаев О.* Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. М., 2002.

В мире новостей

• Сотни плакатов и растяжек с призывами уважительно относиться к другим народам и их традициям появятся в ближайшее время на улицах Москвы. Кроме того, в московских школах станут регулярно проводить внеклассные занятия, на которых детей будут учить религиозной терпимости.

Социальная реклама по замыслу градоначальников позволит создать образ Москвы как столицы многонационального государства и будет призывать москвичей быть терпимее к представителям других народностей.

Чтобы дети других национальностей чувствовали себя в московских школах комфортно, для них с этого года станут проводить специализированные уроки по социокультурной и языковой адаптации. С другой стороны, для русских школьников организуют занятия по истории религий мира, на которых расскажут также и о происхождении различных народностей.

• В Ирландии найдены фрагменты библии конца VIII в. Редкое открытие произошло во время строительных работ в ирландской местности Моор. Случайно там была обнаружена псалтырь на латыни, которой более 1200 лет.

«Находка стала сенсацией для науки и вместе с тем волнующим свидетельством того, что христианство в своем раннем периоде процветало в Ирландии», – считает директор Национального музея Ирландии Пат Уэллс. По его словам, написанные на пергаменте фрагменты Библии находятся в поразительно хорошем состоянии, на них можно без особых усилий прочитать некоторые стихи.

Эксперты подчеркивают, что со времен Средневековья это первая находка такого текста за последние 200 лет. По предварительным исследованиям, он был написан около 800 г.

Источник: NEWSru.com.

Е.В. Алексеев

Отечественная историография русского пореформенного дворянства

В настоящее время история русского дворянства пореформенного периода (1861–1904 гг.) вызывает большой интерес российских и зарубежных историков, привлекает пристальное внимание современного российского общества. Обращение к дворянской проблематике связано с актуализацией традиционных тем исследований русской дореволюционной и советской историографии, а также с распространением теории модернизации и развитием новых направлений в западной и отечественной исторической науке. Они вывели на первый план проблемы социальной стратификации российского общества конца XIX – начала XX вв. В России назревал общенациональный кризис системного характера, наблюдался процесс разрушения традиционного и становления индустриального общества. В ходе этого процесса обнажились специфические особенности российского социума, распадавшегося на антагонистические слои и группы. Дворянство же в Российской империи играло ведущую роль в политической, культурной и общественной жизни, являлось опорой русской государственности. Изучение социально-экономического и политического статуса дворянства, его взаимоотношений с органами власти и местного самоуправления необходимо для более полного анализа исторических реалий России позапрошлого и начала прошлого столетий.

Следует также отметить, что сегодня очевидна недостаточная разработанность

Евгений Валерьевич Алексеев – соискатель кафедры истории России средних веков и нового времени МГОУ, Москва.

отдельных историографических и источниковедческих аспектов темы, возможность новой постановки проблемы. Всестороннее изучение социально-политической структуры высшего сословия в рамках региональной истории, использование новых для отечественной историографии методологических подходов позволит более глубоко осмыслить различные аспекты социальной и политической истории России.

В большом комплексе отечественной литературы по проблемам дворянства можно выделить три основных компонента: дореволюционная, советская и современная историография.

Дореволюционная историческая мысль развивалась по нескольким направлениям: консервативному, либеральному и радикально-социалистическому (преимущественно марксистскому). Эти произведения носили остро публицистический характер и сегодня являются в первую очередь источниками по теме. Их авторы обсуждали два злободневных и тесно взаимосвязанных вопроса: о роли и месте высшего сословия в политической и экономической жизни России и о будущем дворянства. Лишь незначительное число данных работ носило исследовательский характер.

Представители консервативного направления по своему социальному положению принадлежали, как правило, к дворянству, причем играли значительную роль в местном управлении и корпоративных организациях. Они считали нужным говорить о необходимости нравственного и политического объединения поместного дворянства, укреплении связей правительства

с дворянством и усилении влияния дворянства в местном управлении и самоуправлении¹.

Наиболее известным представителем данного направления, уделявшим большое внимание дворянской проблематике, был князь В.П. Мещерский (1839–1914). В 1876 г. он опубликовал программную книгу «Речи консерватора». Неудача реформ, по его мнению, объяснялась отсутствием сдерживающей, умеряющей радикализм реформаторов силы. Только такая сила способна сделать реформы органичными, дать им прижиться и укорениться на русской почве. Такую «почвенную» силу Мещерский видел в поместном дворянстве, в классе землевладельцев, который в силу своей близости к народу мог лучше понимать и учитывать его истинные, а не выдуманные петербургскими бюрократами и журналистами, потребности. «Весьма вероятно, – полагал Мещерский, – что если бы вместо чиновничества и газетной печати руководителями общественного движения в духе свободы вперед явилось русское дворянство... тогда бы с первой же минуты установилось, независимо от формы нашего управления, то самое равновесие между стремлениями вперед западного прогресса и между охранительным движением чисто русских народных и государственных учреждений, во главе которых стоит наша церковь, и к числу которых принадлежит наша семья; и раз это равновесие было бы установлено, было бы нетрудно, при осуществлении дальнейших реформ, его поддерживать»². В «Речах консерватора» Мещерский отождествил патриотический дух, «русский народный дух» с «дворянским духом». «Дворянский дух» бескорыстного «служения идее» противопоставлялся эгоистическому духу нарождающейся буржуазии и мертвящему духу бюрократии, тлетворное влияние которых извратило реформы 1860-х гг.³

По мнению В.П. Мещерского, власть должна приложить все возможные усилия к возрождению поместного дворянства. Только оно в состоянии противостоять «могущественной жидовской партии банки-

ров», которым «ненавистна идея поднятия дворянства, ибо они чувствуют, что с поднятием дворянства сильнее станет Самодержавие и дальше уйдет замысел конституции, то есть жидовского полновластия»⁴.

Консерваторы выдвигали различные доводы в пользу сохранения и укрепления помещичьего землевладения⁵. Они пытались доказать необходимость принятия мер по поддержанию дворянства как главной опоры самодержавной власти. Пути его возрождения они видели в укреплении и обязательном сохранении поместного землевладения и возложении на данное сословие обязательной государственной службы. Рефреном в этих работах звучит фраза: «Дворянин без земли – это не дворянин»⁶. В качестве конкретных мер для улучшения товарности помещичьего хозяйства авторы, защищавшие дворянское землевладение, предлагали организацию сельскохозяйственных съездов из дворян-помещиков для обсуждения вопросов землевладения и землепользования; устройство государственного поземельного кредита, обязательное сохранение родовых имений, установление предела их дробимости⁷.

Представители либерального направления основное внимание уделяли земствам, соответственно, рассматривая и роль дворянства в земском движении. Бурный рост земско-либеральной фронды в начале XX в. стимулировал появление ряда работ о политической истории земства, написанного в основном непосредственными участниками этого движения⁸. Для них характерны некоторое преувеличение оппозиционности земств по отношению к самодержавию и утверждение о решающей роли земств в защите интересов народа.

Самый известный представитель либерального направления, исследовавший в дореволюционный период деятельность земств и роль дворянства в земствах – Б.Б. Веселовский, с начала XX в. напечатавший большое количество статей и работ по истории, теории и практике земского самоуправления. Одним из его наиболее серьезных и основательных трудов является «История земства за сорок лет», изданная в 4-х

томах в 1909–1911 гг. В этом фундаментальном труде Б.Б. Веселовский дал довольно полную картину истории развития земского дела в России за период с 1865 по 1910 г. и сделал исторические обзоры деятельности земств по губерниям и уездам, наполненные богатым статистическим материалом, остающимся актуальным и для современных историков. Автор отразил не только социально-экономическую сторону развития земств, но и эволюцию земских идей, значение земств в культурно-политической жизни страны и участие их в политических движениях. Он попытался выявить классовые интересы в земстве, проанализировав связи и взаимовлияние земско-либерального движения и происходившего внутри помещного дворянства политического размежевания. Веселовский показал также разногласия, возникавшие как внутри земств между дворянами-земцами и «третьим элементом», так и внешние – между дворянскими и земскими собраниями⁹.

С либеральных позиций проанализировали помещичье землевладение С.Н. Прокопович и В.В. Святловский¹⁰. Последний пришел к выводу, что в процессе перераспределения земельной собственности шел процесс дифференциации помещного дворянства.

Сторонники революционно-социалистических взглядов, оценивая российское дворянство с позиций крайней враждебности и партийной субъективности, в целом уделяли ему мало внимания. В.И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» определил дворянское землевладение как главный тормоз развития капитализма, воплощающий пережиточные формы эксплуатации, такие как отработка и кабала¹¹. Впрочем, после революции 1905–1907 гг. он признал некоторую преувеличенность определения уровня развития капитализма в российской деревне¹².

Общественно-политическая деятельность дворянства рассматривалась В.И. Лениным через призму противостояния трех главных противоборствующих лагерей: правительственного, либерального и революционного¹³. Значение этих оценок в том,

что впоследствии они стали определяющими для советской историографии.

Авторы, разделявшие неонароднические концепции аграрного развития России, полагали, что крупное дворянское землевладение не в состоянии конкурировать с мелким крестьянским хозяйством¹⁴. Весьма интересен также очерк близкого к неонародникам известного в свое время писателя и публициста С.Я. Елпатьевского, в котором он дал анализ настроений дворянства накануне и в начале первой русской революции¹⁵.

В дореволюционный период значительное развитие история дворянства получила в рамках генеалогии, что было связано с возросшим интересом дворянских обществ в конце XIX – начале XX в. к истории сословия. Наиболее известные работы были написаны В.В. Руммелем и Л.М. Савеловым, принадлежавшим к московской генеалогической школе¹⁶. История отдельных дворянских родов, этимология их фамилий и титулов рассматривалась в трудах П.Н. Петрова и Е.П. Карновича¹⁷. Для этих исследований характерны выявление, описание и упорядочивание эмпирических сведений, недостаточная внутренняя и внешняя критика первоисточников, описательный характер работ.

В трудах советских историков преимущественное внимание обращалось на явления социально-экономической истории: факты эксплуатации крестьян, организацию управления имениями, новации в экономике, позволяющие усматривать в них элементы капиталистических отношений. В сфере истории общественного сознания изучались взгляды революционно настроенных дворян, заметных лиц, причастных к государственно-реформаторской деятельности, а также тех, кто прославился в сфере литературы, искусства и науки. Повседневность жизненного уклада, обыденная культура, «родственность» взаимоотношений, типичная для дворянской среды, характерные формы взаимодействия с другими сословиями в домашней обстановке и на людях, вообще оказывались вне поля зрения историков (особенно это относится к пореформенному периоду).

В 1920-е гг. в советской исторической науке господствовала «школа М.Н. Покровского». В его трудах содержались наблюдения о разорении мелких землевладельцев-дворян, а также тезис о прогрессивности и устойчивости крупного землевладения, которое стало, по его мнению, базой для создания крупного социалистического хозяйства¹⁸. А.В. Шестаков выдвинул тезис о ведущей, прогрессивной роли помещичьего хозяйства¹⁹.

Интенсивно развивалось в 1920-е гг. усадьбоведение, которое позже подверглось гонениям²⁰.

Наиболее «гиблым» периодом для советской историографии дворянства были 1930–1950-е гг., который характеризуется узкими, директивно ограниченными рамками проблематики, абсолютным влиянием марксистской парадигмы на исследовательский процесс. По идеологическим соображениям вопросы о власти, самоуправлении, деятельности общественных организаций были преданы забвению. Актуализация истории высшего сословия произошла лишь после дискуссии о российском абсолютизме второй половины 1960-х гг. В последующие два десятилетия проблемы роли дворянства в политической системе самодержавия, основные направления правительственной политики по отношению к дворянству и некоторые другие вопросы нашли отражение в работах А.Я. Авреха, Ю.Б. Соловьева, А.П. Корелина, В.С. Дякина и ряда других исследователей.

Концепция российского самодержавия, выдвинутая А.Я. Аврехом в конце 1960-х гг., содержала ряд спорных суждений о роли дворянства в системе власти в пореформенной России²¹. Он полагал, что корпоративные организации дворян не оказывали заметного влияния на экономическую и политическую жизнь (правда, его выводы относились в основном к периоду Третьеиюньской монархии). А.Я. Аврех считал «реакционное поместное дворянство» главной социальной опорой царизма, но разлад в механизме их взаимопонимания и взаимодействия привел к ослаблению как самодержавия, так и дворянства.

П.А. Зайончковский полагал, что политика правительства в пореформенный период носила явно выраженный дворянский характер, рассчитанный на сохранение в стране феодальных пережитков²². По мнению В.С. Дякина, не только дворянство, но и буржуазия выступали в качестве классовой опоры самодержавия (особенно после 1905 г.), а политика царизма строилась на лавировании между интересами поместного дворянства, буржуазии и «крайне правой реакции». Одновременно происходила борьба указанных групп между собой за влияние на самодержавие²³.

Первой обобщающей работой о дворянстве, открывшей новое направление в отечественной историографии, стала монография А.П. Корелина²⁴. На базе обширных статистических данных автор изучил состав и численность сословия, его внутреннее расслоение, корпоративные организации дворянства, их участие в местном управлении. На основе анализа петиций дворянских собраний автор проследил изменения во взаимоотношениях поместного дворянства с властью, выявив тем самым эволюцию как дворянского сословия, так и абсолютизма. Он указал на общее укрепление позиций дворянства, однако отметил и начавшийся процесс разложения сословия. Глубокое исследование социально-экономического и политического статуса сословия позволило А.П. Корелину прийти к выводу об отставании буржуазной эволюции дворянства от темпов капиталистического развития страны.

В работы Ю.Б. Соловьева прослежена эволюция дворянства с конца XIX в. до 1914 г. В первой своей книге он подробно рассмотрел предысторию и историю Особого совещания по делам дворянства, акцентировав внимание на подробном анализе полемики С.Ю. Витте и дворянской реакции по вопросу о путях развития России²⁵. В последующих монографиях Ю.Б. Соловьев проанализировал политические аспекты взаимоотношения власти и правого крыла дворянства, прежде всего крупных землевладельцев. Он пришел к выводу о консерватизме этой группы, стремившейся превра-

тить императора в выразителя своих взглядов²⁶.

Общероссийская дискуссия дала импульс региональным исследованиям политической истории поместного дворянства. При этом доказывалась его историческая обреченность, а общественно-политическая деятельность дворянства рассматривалась через призму борьбы за сохранение экономических и политических привилегий²⁷.

Изучение дворянства также проходило в рамках исследований по истории земско-либерального движения. При этом затрагивались вопросы роли, состава и влияния дворянства в земстве. Степень участия поместного дворянства в земско-либеральном движении, его состав, программа и тактика подверглись всестороннему анализу в монографиях и статьях Н.М. Пирумовой, М.С. Симоновой, Е.Д. Черменского, К.Ф. Шацилло, Г.А. Герасименко и других ученых.²⁸

С целью изучения проблемы преобладающего типа аграрной эволюции в дореволюционной России исследовалась эволюция дворянского помещичьего хозяйства. Анализу подверглись структура и размещение дворянского землевладения, его удельный вес в системе частного и общероссийского фонда, система помещичьего землепользования и ведения хозяйства. А.М. Анфимов, изучив помещичьи латифундии, пришел к выводу о преобладании в них «крепостнически-кабальной» системы хозяйства²⁹. По мнению А.М. Анфимова и И.Ф. Макарова, «данные [об убыли дворянского землевладения] косвенно свидетельствуют о природной несовместимости унаследованных этим классом от веков крепостничества традиций потребительски-паразитических отношений с требованиями капиталистического хозяйствования... Предпринимательская немощь, неумение наладить рациональное ведение хозяйства – характерная черта большинства дворян»³⁰.

Эту же точку зрения в целом разделяла Л.П. Минарик³¹. Напротив, историки И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, Б.М. Литваков доказывали преобладание капиталистических форм производства в помещичьем хозяйстве³². Изучение эво-

люции помещичьего хозяйства проводилось и на материалах отдельных губерний³³.

Е.И. Мокряк на основе индивидуальных источников провела уникальное для советской историографии исследование социальной психологии дворянства в период 1850–1904 гг.³⁴ Она констатировала изменение быта и нравов высшего сословия, снижение престижа государственной службы, возрастание интереса к собственным имениям и предприятиям, замкнутость в своей социальной среде, а также чувство неуверенности и страха перед будущим.

В целом советской исторической наукой в 1960–1980-е гг. были сделаны большие успехи в изучении российского пореформенного дворянства. Однако некоторые темы по понятным причинам почти не привлекали внимания исследователей, а другие изучались через призму «классового подхода».

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. условия, в которых развивалась отечественная историческая наука, претерпели качественные изменения. Появились небывалая прежде творческая свобода, возможность использовать немарксистские теоретические и методологические подходы; начался интенсивный процесс пересмотра устоявшихся точек зрения и интеграции российской исторической науки в мировое научное пространство³⁵.

Важных результатов достигли историки, занимающиеся изучением политических концепций и движений. Уже в 1990-е гг. появились обобщающие труды российских ученых, в которых анализировались различные аспекты взаимоотношений власти и общества в конце XIX – начале XX в., в том числе взаимоотношений власти и дворянства³⁶. На современном этапе существенно расширилась проблематика исследований, в частности, изучаются истоки формирования русского национализма и его проявления в общественной жизни³⁷, политическая элита общества³⁸.

В исследовании социальных отношений этапным (и вызвавшим оживленную дискуссию) стал капитальный труд Б.Н. Мирнова³⁹. Автор рассмотрел эволюцию дворянского сословия как результат модернизации

российского общества и пришел к выводу, что дворянство превратилось из господствующего сословия в средний класс, а к 1917 г. утратили юридически все свои сословные права⁴⁰. Отдельная глава посвящена истории дворянских корпораций в России.

Основным этапам формирования дворянства и некоторым его особенностям посвящена интересная статья В.И. Буганова⁴¹. К.Н. Курков пришел к выводу, что дворяне, вовлеченные в промышленное предпринимательство, сохраняли черты сословной общности и были психологически были неготовы к восприятию буржуазных ценностей⁴².

Меньше, чем в советский период, изучается экономический статус дворянского сословия, но новые исследования появляются и здесь⁴³. Необходимо подчеркнуть, что те проблемы, которые были выявлены в этой сфере в советское время (и, прежде всего, проблема типологии буржуазной аграрной эволюции в России), так и остались неразрешенными⁴⁴. Вместе с тем ученые стали в большей степени акцентировать внимание на проблемах функционирования земельного рынка⁴⁵, формирования аграрного курса правительства⁴⁶, финансирования сельского хозяйства⁴⁷, в той или иной мере затрагивая при этом и проблематику дворянства.

В конце XX в. произошел всплеск общественного и научного интереса к генеалогии и геральдике русского дворянства, проблемам дворянской культуры, судьбам отдельных личностей. В 1990 г. возникла дворянская организация «Союз потомков российского дворянства», преобразованная позже в Российское дворянское собрание. Она выпустила несколько номеров альманаха «Дворянское собрание», в котором рассматривался широкий круг вопросов, связанных с историей дворянства. Журнал весьма насыщен в информационном плане, но многие оценки носят тенденциозный и апологетический характер. В 1992 г. было возрождено Общество изучения российской усадьбы, началась разработка основных подходов к комплексному исследованию дворянской усадьбы как уникального феномена⁴⁸. Предметом пристального внимания исследователей стали также пробле-

мы воспитания⁴⁹, церемониал⁵⁰, благотворительная деятельность⁵¹, быт и культура дворянского сословия⁵².

В начале 1990-х гг. историки обратились к анализу социальной психологии личности и социальных групп, проблем социального взаимодействия. Правда, наибольшее внимание уделялось анализу психологии крестьянства, что вполне естественно (крестьянство составляло около 4/5 всего населения Российской империи даже на излете ее существования). Вместе с тем в работах современных исследователей определяются факторы, влияющие на формирование психологии населения в целом, анализируется отношение к власти различных социальных групп, в том числе и поместного дворянства, причины и формы проявления социального недовольства, факторы, повлиявшие на изменение психологии поместного дворянства⁵³. Т.В. Филатова отметила подъем сословного самосознания поместного дворянства в начале XX в. и интенсивный поиск им новой самоидентификации, что проявилось в активной деятельности дворянских обществ, желании укрепить дворянское сословие, восприятию службы на местном уровне как более важной, чем служба в центральных канцеляриях⁵⁴.

В ряде трудов затрагивались важные вопросы гражданской и военной службы дворянства. Так, С.В. Волков рассмотрел как параллельный процесс снижение в конце XIX в. статуса офицера и дворянского статуса⁵⁵. Л.Е. Шепелев исследовал изменение внешних атрибутов чиновной службы⁵⁶.

Произошел настоящий всплеск исследований дворянства на региональном уровне. В.С. Кулабухов на материале Центрального Черноземья выявил постепенное разрушение традиционной системы ценностей и формирование на принципах индивидуализма нового типа личности российского дворянина⁵⁷. М.И. Лавицкая провела всестороннее исследование дворянства на материалах Орловской губернии и пришла к выводам о дифференциации сословия, упадке дворянского землевладения, снижении нравственных устоев и норм поведения, которые имели необратимый характер и вели к по-

степенной деградации дворянства⁵⁸. Региональный компонент общественно-политической деятельности дворянства нашел отражение в диссертациях В.А. Шаповалова, Е.П. Кабытовой, З.М. Кобозевой, И.В. Савицкого, Р.А. Смирнова, Д.Ю. Мурашова, Е.В. Мишаниной, О.Е. Шевниной, О.П. Пеньковой⁵⁹. Авторы отмечали политическое расслоение провинциального дворянства, рост оппозиционных настроений в его среде, рассматривали деятельность представителей высшего сословия в общественных и корпоративных организациях. В диссертации М.О. Мельцина судьба старинного русского дворянства в конце XVIII - начале XX вв. рассматривается на примере рода князей Долгоруковых⁶⁰.

В целом за последние полтора десятилетия в изучении пореформенного дворянства достигнуты большие успехи. Однако остается немало еще «белых пятен» и спорных проблем, которые ждут своих исследователей.

Примечания

¹ См.: *Пазухин А.Д.* Современное состояние России и сословный вопрос. М, 1886 [автор занимал должность помощника министра внутренних дел]; *Ярмонкин В.В.* Задача дворянства. СПб., 1895; *Семенов Н.П.* Наше дворянство. СПб., 1898; *Савелов Л.М.* Дворянское сословие в его бытовом и общественном значении: Доклад о дворянстве. М., 1906; *Снежков В.Н.* Правительство и дворянство. СПб., 1906; *Хотяинцев Д.Д.* К дворянству. Письмо I. М., 1908; *Дроздов И.Г.* Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его ликвидации. Пг., 1917.

² *Мещерский В.П.* Речи консерватора. Вып. 1. СПб., 1876. С. 99–100.

³ Там же. С. 37–42.

⁴ Цит. по: *Дронов И.* Путь консерватора // <http://sp.voskres.ru/prose/put.htm>

⁵ Исключительно подробный анализ различных взглядов на помещичье хозяйство в России исследуемого периода дан в кандидатской диссертации С.Н. Ковалева. См.: *Ковалев С.Н.* Отечественная историография помещичьего хозяйства России, 60-е годы XIX в. – 1917 г. Дисс. к. эк. наук. М., 1998.

⁶ *Хотяинцев Д.Д.* К дворянству. Письмо III. М., 1908. С. 4.

⁷ См.: *Бехтеев С.С.* Хозяйственные итоги истекшего сорокалетия и меры к хозяйственному подъему. Т.1–3. СПб., 1902–1911; *Ермолов*

А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906; *Серебряков В. К.* вопросу о движении земельной собственности в России. Саратов, 1898. Любопытно, что программа создания недробимых «родовых имений» имеет явную параллель в нашей современности: это проект «родовых имений», продвигаемый последователями В. Мегре и приверженцами культа Анастасии (см.: <http://kedrovka.ru/>).

⁸ См.: *Белоконовский И.П.* Земство и конституция. М., 1910; его же. Земское движение. СПб., 1914; *Голубев В.С.* По земским вопросам: В 2-х тт. 1901–1911. СПб., 1913–1914; *Иорданский Н.И.* Земский либерализм. М., 1905.

⁹ См.: *Веселовский Б.Б.* История земства. Т.3,4. СПб., 1911.

¹⁰ *Прокопович С.Н.* Аграрный вопрос и аграрное движение. Ростов н/Д, 1905; его же. Аграрный вопрос и мероприятия правительства. М., 1912; *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., 1911.

¹¹ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // ПСС. Т.3.

¹² *Ленин В.И.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века // ПСС. Т. 17.

¹³ *Ленин В.И.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // ПСС. Т. 16; его же. Политические партии в России и задачи пролетариата // ПСС. Т. 31.

¹⁴ *Огановский Н.П.* Закономерность аграрной эволюции. Т. I–III. СПб. – Саратов, 1909–1914; *Косинский В.А.* Основные тенденции в мобилизации земельной собственности и их социально-экономические факторы. Пг., 1917.

¹⁵ *Елпатьевский С.* Прошлое и настоящее. Дворянство и аграрные беспорядки // Современные записки. 1906. №1.

¹⁶ См.: *Руммель В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886–1887, т. 1–2; *Савелов Л.М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию русского дворянства. М., 1904; его же. Родословные записки. Вып. I–III, М., 1906, 1908, 1909.

¹⁷ *Карнович Е.П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М, 1991 [репринт издания 1886 г.]; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. М, 1991. Т. 1–2.

¹⁸ *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен // Покровский М.Н. Избранные произведения. Т. 3. Кн. 2. М., 1965. С. 98–100.

¹⁹ *Шестаков А.В.* Капитализация сельского хозяйства России. М., 1925.

²⁰ См. об этом: *Злочевский Г. Д.* «Общество изучения русской усадьбы» (1922–1930). М., 2002.

²¹ *Аврех А.Я.* Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; его же. Столыпин и третья Дума. М., 1968; его же. Царизм и IV Дума. 1912–1914 годы. М., 1981; его же. Распад третьеиюньской системы. М., 1985; его же. Царизм накануне свержения. М., 1987; его же. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

²² *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970; его же. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.

²³ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; его же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.

²⁴ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904. М., 1979.

²⁵ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1972.

²⁶ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 годах. Л., 1981; его же. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 годах. Л., 1990.

²⁷ См.: *Ниякий В.В.* Нижегородская деревня. Облик и настроения классов в первой русской революции. Горький, 1981; *Савельев П.И.* Поместное дворянство Самарской губернии накануне первой русской революции 1905–1907 гг. // Крестьянское движение в трех русских революциях: Межвуз. сб. Куйбышев, 1982; *Курсева О.А.* Поместное дворянство Поволжья в конце XIX – начале XX в. Дис. ... к. и. н. Куйбышев, 1984; *Третьякова Г.А.* Поместное дворянство Европейской России в 1917 г. Дисс. ... к.и.н. Куйбышев, 1990.

²⁸ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977; *Симонова М.С.* Земско-либеральная фронда 1902–1903 гг. // Исторические записки. Т. 91. М., 1978; ее же. Кризис аграрной политики царизма накануне первой русской революции. М., 1987; *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985; *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990; *Шлемин П.И.* Земско-либеральное движение на рубеже XIX–XX вв. Дисс. ... к.и. н. М., 1973.

²⁹ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969.

³⁰ *Анфимов А.М., Макаров И.Ф.* Новые данные о землевладении Европейской России // История СССР. 1974. №1. С. 87–88.

³¹ *Минарик Л.П.* Экономическая характеристика крупнейших землевладельцев России конца XIX – начала XX века. М., 1971.

³² *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982.

³³ См.: *Архипова Л. М.* Капиталистическая эволюция помещичьего хозяйства Ярославской и Нижегородской губернии в период империализма (середина 90-х гг. XIX в. – 1917 г.). Дисс. ... к. и. н., М., 1988; *Литувев В.Н.* Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма (опыт количественного анализа) // История СССР. 1983. №2; *Пронин Е.И.* Крестьянское и помещичье хозяйство Калужской губернии в конце XIX – начале XX в. Дис. ... к. и. н. М., 1969; *Проскуракова Н.А.* Дворянское землевладение Европейской России по материалам земельных переписей 1877–1905 г. Дисс. ... к. и. н. М., 1973.

³⁴ *Мокряк Е. П.* Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства в России II половины XIX – начала XX в. Дисс. ... к. и. н., М., 1977; ее же. Обзор дневников и мемуаров русских помещиков, живших во II половине XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. История. 1976. №4.

³⁵ См. об этом: *Берелович В.* Конференция в Париже по истории российского дворянства // Отечественная история. 1992. № 6.

³⁶ См.: *Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия.* Сб. статей / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1994; *Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия / Руководитель проекта В.В. Журавлев.* М., 1995; *Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Под ред. Б.В. Ананьича.* СПб., 1996; *Секиринский С.С., Шелохаев В.В.* Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М., 1995; *Баринова Е.П.* Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Дисс. ... д. и. н. Самара, 2002.

³⁷ *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. М., 2001.

³⁸ *Островский А.В.* Элита российского общества XIX – начала XX вв.: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3.

³⁹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1–2. СПб., 1999. В третьем издании (СПб., 2003) автор внес изменения и уточнения.

⁴⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. Т. 1. С. 95.

⁴¹ См.: *Буганов В.И.* Российское дворянство // Вопросы истории 1994. № 1.

⁴² *Курков К.Н.* Российское дворянство и торгово-промышленное предпринимательство в начале XX в. (1900–1914). Дисс. ... к. и. н., М., 1997.

⁴³ *Шаповалов В.А.* Дворянское землевладение и землепользование в Центрально-Черноземном регионе в пореформенный период. 1861–1905 гг.

Автореф. дисс. к. и. н. М., 1992; *Полх П.П.* Помещичье хозяйство Новгородской губернии в конце XIX в. Автореф. дисс. к. и. н. Новгород, 2001.

⁴⁴ См. об этом: *Анфимов А.М.* П.А.Столыпин и российское крестьянство. М., 2002; его же. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 5–9.

⁴⁵ См.: *Литувев В.Н.* Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997; *Проскуракова Н.А.* Земельный кредит, помещичье землевладение и хозяйство в начале XX века // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000.

⁴⁶ *Вронский О.Г.* Государственная власть Российской империи и проблема формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999.

⁴⁷ *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. СПб., 1997.

⁴⁸ *Иванова Л.В.* Дворянская усадьба – исторический и культурный феномен // Дворянское собрание. М., 1994. № 1; Мир русской усадьбы М., 1995; *Пушкарева И.М.* Сельская дворянская усадьба в пореформенной России (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1999. № 4; *Демина Г.В.* Мир дворянской усадьбы как зеркало жизни общества // Вестник Московского университета. Серия 8. История. М., 1996. №6; *Ершова Л.В.* Дворянская усадьба (из истории русской культуры). М., 1998; *Звягинцева М.М.* Русская усадьба как культурно-исторический феномен: Автореф. дисс. канд. культ. н. СПб., 1997; Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. М., 2001; *Ковалева Т.В.* История сельской дворянской усадьбы в губерниях Центрального Черноземья: Вторая половина XVIII–начало XX вв. Автореф. дисс. к. и. н. Курск, 2004; *Ларионова М.Б.* Дворянская усадьба на Среднем Урале: Вторая половина XVIII – начало XX в. Автореф. дисс. к. и. н. Екатеринбург, 2006.

⁴⁹ См. например: *Муравьева О.С.* Как воспитывали русского дворянина. СПб., 1998.

⁵⁰ *Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX века. М., 2001.

⁵¹ *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.

⁵² *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996; *Захарова О.Ю.* Русские балы и конные карусели. М., 2000.

⁵³ См.: *Земцов Б.Н.* Социальные и психологические процессы России начала XX в. М., 1998; *Савельев П.И.* Аграрный менталитет русского

дворянства в XIX веке // Общественно-политические движения России XVII–XX вв. Самара, 1993; *Баринаева Е.П.* Менталитет русского помещичьего дворянства // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2001. №1(19); *Хренов Н.А.* Дворянская субкультура в ракурсе исторической психологии // Мир психологии. 1998, №1.

⁵⁴ *Филатова Т.В.* Российское поместное дворянство в начале XX в.: организация, деятельность, попытки самоидентификации. Дис. ... к. и. н., М., 2000.

⁵⁵ *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993.

⁵⁶ *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России XVIII – начала XX вв. СПб., 1999.

⁵⁷ *Кулабухов В.С.* Эволюция менталитета дворянства Черноземного региона в пореформенный период. 1861–1905 г. Дисс. ... к. и. н. Белгород, 1997.

⁵⁸ *Лавицкая М.И.* Орловское потомственное дворянство второй половины XIX – начала XX вв. Происхождение, внутрисловные группы к социально-культурный облик. Дисс. ... к. и. н. Орел, 1999.

⁵⁹ *Шаповалов В.А.* Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. Дисс. ... д. и. н. М., 2002; *Кабытова Е.П.* Поместное дворянство Центрально-Черноземного района в начале XX в. Дисс. ... к. и. н. Самара, 1993; ее же. Кризис русского дворянства. Самара 1997; *Кобозева З.М.* Дворянство Центрально-Промышленного района в начале XX в. Дисс. ... к. и. н. Самара, 1995; *Савицкий И.Б.* Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX веков (По материалам Олонечкой, Вологодской и Архангельской губерний). Дисс. ... к. и. н. Петрозаводск, 1992; *Смирнов Р.А.* Социальный облик ярославского дворянства в конце XIX – начале XX вв. Дисс. ... к. и. н. Ярославль, 2003; *Мурашов Д.Ю.* Провинциальное дворянство в конце 50-х–70-х гг. XIX века: По материалам Пензенской губернии. Автореф. ... к. и. н. Саратов, 2004; *Мишина Е.В.* Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середина XVIII в. – начало XX в. Автореф. дисс. к. и. н. Самара, 2004; *Шевнина О.Е.* Облик провинциального дворянства в конце 1850-х – 1870-е гг.: На материалах губерний Среднего Поволжья: Автореф. дисс. к. и. н. Пенза, 2003; *Пенькова О.П.* Дворянство Тамбовской губернии, 1861–1906 гг. Автореф. дисс. к. и. н. Самара, 2003.

⁶⁰ *Мельцин М.О.* Судьбы старинного русского дворянства в начале XVIII – начале XX вв.: Князя Долгоруковы в системе общественных отношений. Автореф. дисс. к. и. н. СПб., 1999.

А.Р. Психомахова

Северокавказские просветители в истории региона и России

Внимание к Кавказу давняя традиция в мировой науке и политике. Нарастающий интерес к нему с конца 1980-х гг. вызван осознанием того факта, что данный регион имеет мировое значение. Он находится на пересечении торговых путей и стыке европейских и азиатских цивилизаций, где живут приверженцы всех мировых религий. Кавказ – особое, единственное в своем роде географическое, культурно-историческое и языковое пространство, на территории которого сложилось и развивается взаимодействие множества народов, языков, культур, конфессий.

В последнее время значительно ослабли, а в ряде случаев просто утрачены контакты между учеными, деятелями культуры, образования. Такая ситуация отрицательно сказывается на творческой атмосфере, снижает возможности изучения языков, культур, литератур и других ценностей народов Северного Кавказа. На сегодняшний день перед обществом и этнографической наукой стоит важная задача определения пути дальнейшего развития этнической культуры, национального самосознания, необходимостью объективного рассмотрения исторической этнографии народов Северного Кавказа второй половины XIX и начала XX в. Объективного подхода требует и рассмотрение вопроса развития духовной культуры народов исследуемого региона, ее вклад в историю России, влияние деятель-

ности просветителей на социокультурные процессы в стране. Основной проблемой на современном этапе является изучение личностного фактора в историческом процессе, так как в центре событий и явлений всегда находился человек, с его тревогами, надеждами, чаяниями, видением мира, путями решения сложных подчас и не решаемых задач. Именно они определяли и творили историю своего народа, вели своих соплеменников к сближению с русской культурой, при этом стремились сохранять свою культурную самобытность.

Просветительству в России предшествовала Великая французская революция, оказавшая влияние на развитие всех европейских государств. В самой России этот процесс начался в конце XVIII в. и был связан с обострением социальных противоречий в феодальном обществе. На формирование и развитие просветительства в регионах непосредственно влияли процессы распространения российской культуры и трансформации производственных отношений.

Автор склонен считать, что северокавказское просветительство все же является составной частью русского просветительства. Формирование мировоззрения кавказских просветителей происходило в атмосфере воздействия на них идей либеральной части русского просветительства XVIII – начале XIX в. Они так же не посягали на существующий общественный строй, видели лишь отдельные его недостатки, были уверены, что их можно устранить посредством распространения европейского просвещения, установлением справедливых и гуманных законов.

Аминат Рашидовна Психомахова (Темердашева) – преподаватель истории Отечества Московского медицинского училища № 18.

Просветительство в различных конкретных исторических условиях развивается по-разному, имеет свои хронологические рамки, связанные с особенностями национального и исторического процесса. Отсталые формы полуфеодальной системы горцев, затем затяжной характер ее распада, крайне позднее развитие буржуазных отношений, остаточные явления патриархально-феодального прошлого, неразрешенность многих проблем самобытного национального существования народа из-за противодействия царских властей – все это было причиной его несколько запоздалого (сравнительно с русским просветительством) возникновения – конец XVIII в., а затем и его временной продолжительности – вплоть до Октябрьской революции.

В своем развитии северокавказское просветительство прошло три периода. В основе каждого из них лежат исторические события в жизни народа происходившая в связи с ним эволюция мировоззрения просветителей.

Первый период длился до 60–70-х гг. XIX вв. Для него характерно усиление классовых противоречий, феодального гнета, осложненных активизацией колониальной политики царизма, приводит к народным выступлениям против феодальной верхушки и политики царизма. Просветители этого периода занимали высокие посты на военной и административной службе, принимали непосредственное участие в событиях решавших судьбу их Отечества.

Для второго периода, продолжавшегося от 70-х гг. XIX вв. до 1905 г., характерна активная работа просветителей, направленная на создание национальных алфавитов. Неудачи, вызванные применением арабского письма для национальных языков, заставляет просветителей заняться разработкой национального алфавита, основанного на русском алфавите.

Третий период (с 1905 г. до октября 1917 г.) – последний этап, на который оказали влияние революционные события в Центральной России, рост свободолобных настроений среди горских народов. Основные усилия просветителей были на-

правлены на создание системы национального образования. Каждый народ вступал в просветительское движение в соответствии со своим историко-культурным опытом, и немаловажную роль здесь играл субъективный фактор – творчество передовых людей, их знания, культура, связи с российской интеллигенцией.

В числе первых кавказских просветителей, ратовавших за социальный и культурный прогресс своего Отечества, были Хан-Гирей, Казы-Гирей, Адиль-Гирей. Они выступали за единение с Россией, в которой видели могущественное государство, способное защитить народы Кавказа от восточных завоевателей, положить конец племенным распрям, создать верные условия для их экономического и культурного процветания. Первые деятели кавказского просвещения занимались также сбором и исследованием исторических сведений о родном народе, его устно-поэтического творчества, разработкой письменности родного языка, вопросами образования, литературным творчеством. Будучи на военной и гражданской службе, они выступали с проектами по усовершенствованию общественного строя и быта кавказских народов.

Несмотря на блестящую военную карьеру Хан-Гирей решает выйти в отставку, занимается разработкой проектов «Положения об управлении горскими народами»¹, «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние краткими мерами, с возможным избеганием кровопролития».² Эти документы содержали идеи о преобразовании родного края. В них поставлен вопрос о просвещении адыгов, об открытии школ и обучении детей как дворян, так и крестьян, создании и распространении письменности.³

Появление научных трудов и художественных очерков Хан-Гирея было целым событием. Если до них публика была знакома с Кавказом со слов русских и других иностранных путешественников, офицеров и должностных лиц, то теперь в качестве автора выступал черкес, подробно знающий нравы и обычаи, историю и культуру своего народа. В его произведениях «Черкесские

предания», «Биографии знаменитых черкесов» проявляется заинтересованность в благополучии родины и глубокая симпатия к своему народу и его культуре, что, естественно, приводит автора к некоторой идеализации жизни и нравов черкесского народа, особенно когда речь идет об аристократической его части. Как писатель Хан-Гирей сформировался под влиянием русской и западноевропейской литературы, что прежде всего сказывается на его художественном стиле.

Султан Хан-Гирей вошел в историю черкесского народа как выдающийся историк, этнограф, собиратель устного народного творчества.

За семь лет научной деятельности написал 8 содержательных работ, в том числе: «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов» и «Мифология черкесского народа», которые не потеряли научной ценности по сей день. Описывая современный ему быт адыгов, их хозяйство, общественный строй, материальную и духовную культуру, Хан-Гирей постоянно обращается к историческому прошлому, показывает изменения, которые происходили в жизни адыгов под влиянием социально-экономических и политических обстоятельств. Произведения Хан-Гирея до сих пор остаются первоисточником для кавказоведов, изучающих историю и этнографию адыгов.

Для Шоры Бекмурзовича Ногмова годы пребывания в Петербурге были наиболее плодотворными в жизни и деятельности. Именно тогда, как писал он, «пробудилось давнишнее мое желание написать грамматику»⁴. Способность к изучению языков и их знания помогли ему в дальнейшем напечатать «Начальные правила кабардинской грамматики» на русской графической основе. В предисловии второго варианта грамматики он писал: «Цель моя будет достигнута, если мои соотечественники начнут изучать адыгейский язык и русский по моей грамматике и если русские, столь способные к изучению языков, обратят также внимание на наш язык, обильный, древний, европейцам неизвестный, представляющий богатую жатву для филологии и истории»⁴. Ногмов

составил «Кабардино – русский словарь» в котором содержится свыше 4 тысяч слов. Он был также страстным собирателем фольклора, записал более двадцати произведений различных жанров адыгского устного народного творчества. Ногмову принадлежит известный труд «История адыгейского народа», где рассматривается социально-экономическое развитие Кабарды, связь адыгских народов с Россией и горцами Кавказа, показана совместная борьба народов Северного Кавказа против иноземных захватчиков. Значительное внимание уделяет Ногмов в «Истории» описанию хозяйственной деятельности кабардинцев, характеристике общественного и семейного быта.

Второе поколение просветителей – Казим Атажукин, Адыль-Гирей Кешев, Умар Берсей – начали свою работу в несколько иных исторических условиях. На этом этапе просветители переходят от исторической и военно-героической тематики к изображению будничной жизни горцев. В центре их внимания бедственное положение народа, усилившееся в результате кризиса феодально-крепостнической системы и национальной политики царизма. Особый интерес просветители проявляли к историческому прошлому, культуре, этнографии, устному народному творчеству (статьи А.-Г. Кешева, публикации фольклора и книги К. Атажукина). Первый составитель черкесского алфавита Умар Хапхалович Берсей, посвятивший себя делу просвещения с энтузиазмом взялся за подготовку национальных кадров. Им был составлен черкесский алфавит из 46 знаков. Умар Берсей написал также «Букварь черкесского языка», который был одобрен в 1853 г. историко-филологическим отделением Академии наук. Одновременно он уделял много внимания изучению устного народного творчества своего народа, занимался переводом с русского и восточного оригинала. Собственные сочинения Берсея, основаны на фольклорных сюжетах, в основном сказочных⁵. Просветитель не только сам занимался литературной деятельностью, но и побуждал к ней интерес у своих учеников Ставропольской гимназии, которые записывали народные песни

и предания, декларировали пьесы на черкесском языке.

Кази Мусабиевич Атажукин посвятил себя делу просвещения своего народа. Ведущее место занимал вопрос об открытии сельских школ и введении родной письменности. Издав азбуку, Атажукин переходит к следующему этапу своего плана – открытию в Начальнике педагогической школы для подготовки учителей кабардинской грамоты. По его мнению только письменность родного языка должна распространяться в массе народа, а не в стенах учебного заведения, где обучался лишь незначительный процент горцев.

Деятельность Умара Мекерова состояла в практической организации школы и распространении грамотности. Большое значение имело составление алфавита кабардино-черкесского языка на основе арабской графики. Умар Мекеров написал также учебник для школ, который не был издан. Примечательно и то, что он, народный кадий обучал детей не только «правилам религии», но и другим предметам⁶.

Деятельность третьего поколения просветителей приходится на 90-е гг. XIX в. – первую четверть XX вв. Перед просветителями тогда с еще большей остротой встали проблемы, занимавшие их предшественников. В результате появилась «Кабардинская азбука» П. Тамбиева, составленная по образцу русских классических учебников К.Д. Ушинского, Л.Н. Толстого. Интенсивнее и на более квалифицированном уровне протекала работа по сбору и публикации фольклора (П. Тамбиев), появился ряд исторических и этнографических сочинений, значительных успехов достигла публицистика, художественная литература.

Татлустан Закиревич Табулов в 1915 г. на учительской конференции Баталпашинского отдела, состоявшейся в поселке Теберда, выступает с резкой критикой политики царизма в области народного образования. Он требовал обучать не только мальчиков – горцев, но и девочек – горянок. И не только родному, но и русскому языку.

В развитие культуры и науки адыгских народов определенный вклад внес Паго Ис-

маилович Тамбиев, любовь к устному народному творчеству и литературе ему привил русский кавказовед Л.Г. Лопатинский. Он привлек Тамбиева к сбору фольклорного материала, когда готовил к изданию кабардинский букварь на основе русского алфавита и кабардинского словаря⁷. Особенно много сил и энергии вложил Табулов в сбор и публикацию адыгского фольклора.⁸

В 1906 г. в Тифлисе вышла «Кабардинская азбука» составленная Тамбиевым при активной научной и методической помощи Л.Г. Лопатинского.⁹

Особое место в просветительстве Северного Кавказа по праву принадлежит Адиль-Гирею Кешеву. За кратковременный период работы Кешева на посту редактора «Терских вестей» им было создано немало публикаций¹⁰. В статье «Характер адыгских песен» Кешев выступает как фольклорист¹¹. Всесторонние освещая особенности адыгской песни при сравнительно – историческом их исследовании, он высказывает оригинальные научные соображения, многие из которых не утратили теоретического значения и для современной фольклористики. Тревогой проникнута статья «О незаметном вымирании горских песен», в которой он говорит о низком уровне работы по изучению исторического прошлого и культурного наследия горцев и призывает обратить на это самое серьезное внимание¹². Выступая как этнограф в очерке «Из кабардинских (адыгских) преданий»¹³, Кешев в своей литературной обработке дает возможность осознать и восстановить сложную структуру общественной и духовной жизни общества адыгов, он сумел уловить общий процесс и главное направление в развитии адыгских народов.

Нельзя также не упомянуть о поэте, художнике, общественном деятеле Исламе Крымшамхалове, который считал горцев подготовленными к восприятию научных знаний, необходимых для обретения подлинной народной культуры, для равноправного существования и развития в русле мировой культуры¹⁴.

Ислам Крымшамхалов вместе с другими прогрессивными общественными деятелями способствовал открытию в Карачае свет-

ских школ, внедрению преподавания в них родного и русского языка¹⁵. Он составил азбуку карачаевского языка на основе латинского алфавита, поскольку считал, что «арабский алфавит тормозит дело распространения грамотности» и стал одним из начинателей карачаевской письменной литературы. Некоторые его стихи были включены в книгу «Родная речь» И. Акбаева, изданную в 1915 г. и предназначенную для учащихся светских школ¹⁶.

Не менее интересна судьба балкарского просветителя Мисоста Кучуковича Абаева, придававшего исключительно важное значение собиранию памятников материальной культуры и продолжавшего большую работу по фиксации этнографических памятников карачаевцев и балкарцев.

Для северо-кавказского просветительства характерна разносторонность знаний и интересов, что было обусловлено историческими обстоятельствами, требовавшими от просветителей одновременной деятельности в различных сферах общественной и культурной жизни народа. Проявив себя как политические деятели, историки, этнографы, экономисты, филологи, фольклористы, писатели, они наряду с требованиями социально-экономического преобразования, они добивались его прав на сохранение национальной самобытности, самоуправления, развитие просвещения на национальной основе.

Список сокращений

КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории языка и культуры

ГКЧ и-к и п м-з. – Государственный Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

Приложения

¹ КЧНИИ. Ф.2.Оп.2.Д.14. Л.1.

² ГКЧ и-к и п м-з. Ф.10. Д.343. Л.2.

³ «Черкесские предания» впервые увидели свет в 1861г. Подготовка рукописи к печати и комментарии к ней с биографическим очерком об авторе принадлежит кавказоведу Ад.Берже.

³ Турчанников Г.Ф. Филологические труды Ш.Ногмова. Нальчик, 1956. Т.1. С.7. Шора Ногмов (1844–1944 гг.) Сборник документов и статей к 100летию со дня смерти. Нальчик, 1944. С.26; Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. Нальчик, 1974. С.45.

⁴ Турчанинов Г.Ф. Филологические труды Ш.Ногмова. Нальчик, 1959. Т.2. С.109.

⁵ Берсей У. Букварь черкесского языка. Тифлис, 1853. С. 36–43; Басни опубликованы. См.: Ошхамахо. Нальчик, 1903. №1; Дружба. Майкоп. 1971. №2; Хафица М. Разбросаны адыги по белому свету. Нальчик, 2000. С. 282; ЦГА КБР Ф. 6. Оп.1. Д. 860. Л. 43.

⁷ Кубанские областные ведомости. 10 августа 1891г.

⁸ Хаишхожева Р.Х. П.И. Тамбиев. Нальчик, 1984. С.45.

⁹ ГКЧ и-к и п м-з. Ф.1.Д. 83. Л. 31–37.

¹⁰ ГКЧ и-к и п м-з. Ф.1. Д. 83. Л. 23–25.

¹¹ Чикалов П.К. Страницы истории абазинской литературы. Черкесск, 1995. С.5

¹² Терские ведомости. 1869. №1 3–14.

¹³ Терские ведомости. 1871. № 20.

¹⁴ Терские ведомости. 1871. № 30.

¹⁵ ГАКК Ф.454. Оп.1.Д. 946. Л.14.

¹⁶ ГАКК Ф.454. Оп.1. Ед.хр. 1590, Л.5.

¹⁷ КЧНИИ Ф.6.Оп. 6. Д. 94. Л.5.

¹⁸ Сатунин К.А. Деятельность этнографического отдела Кавказского музея // Кавказ 1908. № 96.– 27 апреля.

С.А. Жукова

Повседневная жизнь иностранцев в Москве на рубеже XIX—XX вв.

Иностранцы, проживавшие в Москве на рубеже XIX—XX вв., составляли небольшую, но заметную прослойку городского населения. Они жили во второй столице, подстраиваясь под темп и образ жизни москвичей, но сохраняя при этом в повседневной жизни свои национальные черты, традиции, уклад.

Адреса иностранцев можно было найти по всей территории Москвы. По всей видимости, как и в прошлые времена, они старались осесть поблизости друг от друга по национальному признаку, хотя в начале XX века эта закономерность так явно уже не прослеживается, и скорее можно было наблюдать тенденция к их растворению среди коренного населения. Тем не менее, можно отметить следующие районы города, наиболее заселенные иноземцами – район Тверской улицы, Лефортово, район Лубянки, Маросейки, Мещанской части и т.д.

Защитой интересов своих соотечественников в Москве занимались иностранные консульства. Огромную роль в жизни иностранных подданных играли национальные колонии, которые были центрами общественно-культурной жизни, где решались вопросы повседневной жизни, отмечались национальные праздники и события, происходившие на далекой родине. Силами колонии устраивались обеды и банкеты, которые обычно проходили в одних и тех же излюбленных ресторанах. Например, «особенно часто снимали белый зал [Ресторана

«Эрмитаж»] для банкетов московские иностранцы»¹, в основном немцы и французы. Австро-венгерские подданные предпочитали ресторан «Альпийская Роза», принадлежавший выходцу из Сербии.

Во время своего пребывания в Москве официальные лица, делегации, знаменитые гастролеры, как правило, посещали колонии своих соотечественников.

Не менее важное значение для иностранных подданных, проживавших в Москве, имели мечеть и иноверческие храмы – Англиканская церковь, Римско-католическая французская церковь Св. Людовика, Лютеранская Первая церковь во имя Св. Михаила, Евангелическо-Лютеранская церковь Св. апостолов Петра и Павла, Евангелическо-реформатская церковь, Римско-католический храм во имя непорочного зачатия Девы Марии². Они вели широкую образовательную и благотворительную деятельность. Как правило, под их патронатом действовали приюты для престарелых и богадельни, а также школы, в которых учились дети французов, немцев, швейцарцев, англичан, бельгийцев, русских. Условия для получения образования у подданных и граждан других государств имелись не только при иностранных колониях, но и в московских учебных заведениях, в том числе и высших. Иностранцы учились, например, в Московском частном реальном училище Н.М. Урвачева³, частной женской гимназии Е.Е. Констан⁴, в женской гимназии О.А. Виноградской⁵, в частном реальном училище Н.Г. Бажанова⁶ и других учебных заведениях.

Поддержкой иностранцам на чужбине служили также различные комитеты, обще-

Софья Анатольевна Жукова – аспирантка исторического факультета Московского городского педагогического университета.

ства и кружки – Союз французских женщин, Общество «Alliance Francaise», Московское немецкое общество любителей хорового пения «Moskauer liedertafel», Нью-Йоркский институт знаний, которые также являлись просветительскими учреждениями, призванными познакомить москвичей с языком, обычаями и культурой других стран и народов.

В то же время фамилии иностранцев можно было найти практически во всех обществах, кружках и собраниях Москвы. Так, например, они являлись членами Купеческого собрания, Литературно-художественного кружка, Московского архитектурного общества, Общества акклиматизации животных и растений, Общества пивоваров Москвы, Немецкого клуба и т. д.

Иностранцы создавали в Москве свои благотворительные общества и организации: к их числу относятся Итальянское благотворительное общество, Швейцарское общество, Общество вспомоществования граждан германской национальности и др.

Иностранные подданные, временно или постоянно находившиеся во второй столице, подлежали действию российского законодательства. Правами российских подданных иностранцы пользовались с соблюдением ограничений, установленных законом. Они обладали правом свободы вероисповедания⁷, правом свободного приезда и неограниченного срока пребывания (кроме евреев)⁸; могли заключать различные договоры и обязательства⁹, вступать в наследство, усыновлять¹¹, строить фабрики и заводы и т. д.

В отношении уголовного судопроизводства иностранцы, находясь в России, подлежали общим правилам, однако для них существовало и особое наказание – высылка за границу¹².

Иностранцы проживали в различных условиях: относительно большую прослойку можно было отнести к обеспеченным или богатым людям. Некоторые «московские иностранцы» имели собственные автомобили с личными шоферами. Однако основная масса подданных и граждан других государств имела весьма скромный доста-

ток, что напрямую сказывалось на их условиях жизни и деятельности.

Большинство чужеземцев селились в съемных квартирах или даже комнатах как в частных домах, так и принадлежащих различным обществам и ведомствам. На лето, подобно многим москвичам, иностранцы снимали подмосковные дачи, или, что встречалось гораздо реже, покупали их, строя на участках богатые дома.

Приезжие останавливались в гостиницах и меблированных комнатах, таких как, например, «Англия» в доме Английского клуба на Тверской, «Ноблесс» на Б. Дмитровке, нередко задерживаясь в них на достаточно продолжительное время. У родственников и друзей гости столицы останавливались редко.

Самую заметную роль иностранцы играли в промышленности и торговле, а также в театральном мире первопрестольного города. Фабрики, основанные выходцами из Европы, продолжали работать при их наследниках и преемниках. Иностранных подданных можно было встретить среди служащих Московской городской управы и чиновников, хотя по российскому законодательству было запрещено принимать иностранцев на службу, за небольшим исключением, распространявшимся на научную и учебную сферы¹³.

Одним из популярных занятий иностранцев в Москве была преподавательская деятельность, включавшая преподавание в различных учебных заведениях, репетиторство, работу гувернанток, бонн и т. д. В обслуживающий персонал входили также наемные продавцы, кухарки, садовники, парикмахеры и прислуга.

Значительную прослойку среди иностранцев составляли представители артистического мира города. Это и драматические актеры, и цирковые артисты, оперные певцы, артисты балетной сцены; это и музыканты, певцы и певицы, танцоры и прочие, развлекавшие московскую публику во всевозможных ресторанах, трактирах, кафешантанах и парках разного ранга.

Иностранцы любили посещать московские театры, цирки, клубы, концерты, сине-

матографы. На аншлаговые спектакли они, наравне с другими москвичами, доставали билеты, отстаивая огромные очереди.

Иноземцы являлись посетителями как шикарных ресторанов, так и небольших ресторанчиков и кофеин, где они, как и простые обыватели, попадали в комичные и неприятные ситуации.

Иностранцы охотно участвовали во всевозможных выставках, чем устроители последних очень гордились. Например, московские иностранцы и приезжие являлись постоянными участниками и экспертами выставок лошадей и охотничьих собак¹⁴, птицеводства¹⁵, регулярно проводившихся в Манеже, где получали различного достоинства награды за представленные экспонаты. Свои работы иностранцы выставляли и на художественных выставках.

Относительной популярностью в Москве среди иностранной и местной публики пользовался футбол. Так, регулярно проводились футбольные матчи на поле Британского спортивного клуба¹⁶. Помимо местных московских команд, выступала и команда Британского клуба, причем превосходство англичан в этом виде спорта было общепризнанным. На футбольные матчи в Москву приезжали и другие иностранные команды, против которых выставлялась объединенная сборная из русских и английских игроков, как это было, например, в апреле 1911 г. в матче против команды Берлинской футбольной лиги. Матч привлек на поле 5 000 человек, что, однако, не помогло московским игрокам, проигравшим со счетом 4:2¹⁷.

Другим видом спорта, которым увлекались иностранцы, был лаун-теннис. На кортах сражались за призы англичане, французы и сборные команды Москвы. В Москву на помощь своим соотечественникам приезжали и мировые теннисные знаменитости того времени¹⁸.

Может создаться впечатление, что условия жизни иностранцев в Москве были безоблачными и их обходили стороной трудности и проблемы. Это не так. В их жизни чередовались как высокие взлеты, так и тяжелые падения.

Наиболее частым бедствием для иностранцев, как и для остальных москвичей, были пожары, без которых не обходилось практически ни одного дня в первопрестольной. Огненная стихия не миновала ни частных квартир, ни владений, ни мелких заведений и предприятий, ни даже таких гигантов, как торговая фирма «Мюр и Мерилиз». К обычным явлениям относились банкротство и несостоятельность.

Некоторые иностранные подданные, оказавшись в безвыходной ситуации, или считающими себя в таковой, решались на отчаянный шаг – сводили или предпринимали попытки свести счеты с жизнью. Причем, следует отметить такую особенность: если среди русского населения Москвы на подобное шли в основном совсем молодые люди, то иностранцы были достаточно зрелыми, скорее даже, пожилыми людьми. Встречались среди иностранных граждан и душевнобольные люди.

Иностранцы порой попадали в автомобильные аварии, как это, например, произошло с бельгийским подданным А.М. Нотомб, который, «проезжая на собственном автомобиле, наскочил на автомобиль, которым управлял шофер А. Валуев. При столкновении оба автомобиля были повреждены»¹⁹.

Наравне с москвичами иностранные подданные становились жертвами грабителей и воров. При этом необходимо отметить, что иностранцы часто сами вносили определенную лепту в криминальную жизнь столицы. Так, диапазон противоправной деятельности иностранцев отличалась большим разнообразием: от мошенников и авантюристов, добывавших себе средства на жизнь шулерством и другими видами обмана, до «громил», совершавших грабежи и даже убийства ради наживы.

Нередко с иностранными подданными происходили несчастные случаи. Так, в проезде Тверского бульвара пассажир вагона электрического трамвая, австрийский подданный Георгий Мерчак, 56 лет, «выходя на ходу из вагона, упал на мостовую... был отправлен в приемный покой Тверской части»²⁰.

Важнейшие события, происходившие в Москве на рубеже XIX–XX вв. отражались на повседневной жизни иностранцев также, как и на прочих москвичах. Во время Первой русской революции в Москве в октябре 1905 г. закрывались магазины и рестораны, в том числе принадлежавшие иностранцам, остановились электрические станции, бездействовали телефон и городской транспорт и т. д. Владельцы (иностранцы-концессионеры) и служащие перечисленных объектов несли огромные убытки. На многих иностранных предприятиях и фирмах, где работали и российские граждане, работу прерывали многочисленные забастовки. А на некоторых предприятиях разворачивались настоящие бои: например, «на заводе Гужона революционные дружинники напали на отряд «черной сотни», сформированный из рабочих того же предприятия, причем в ходе стычки погибли несколько человек»²¹.

Таким образом, рассматривая повседневную жизнь иностранцев в Москве на рубеже XIX–XX вв., необходимо отметить, что они играли чрезвычайно важную и заметную роль в жизни Москвы и москвичей, проявляя себя практически во всех сферах жизни города и московского общества.

Основным месторасположением иностранных фирм, предприятий и контор являлся центр Москвы в пределах Садового кольца и особенно Бульварного кольца, или поблизости от рек, что было важно для работы заводов и фабрик. Частные дома и квартиры иностранных подданных были разбросаны по всей территории первопрестольной, хотя здесь также наблюдалась тенденция тяготения к центру.

Несмотря на определенные ограничения, положение иностранцев практически не отличалось по существенным вопросам от положения прочих московских обывате-

лей, а в некоторых случаях даже приносило им больше привилегий.

Условия проживания иностранных подданных были различны и зависели от благосостояния и достатка последних. Иностранцы имели условия для работы, получения образования, досуга и отдыха. На условия жизни и деятельности подданных и граждан других государств оказывали влияние события, войны и революции, так или иначе затрагивавшие жизнь всего города и его жителей.

Приложения

- ¹ В.А. Гиляровский. Москва и москвичи. 1985. С. 153.
- ² Адрес-календарь гор. Москвы. 1904 год. М., 1904. С. 689.
- ³ Центральный исторический архив гор. Москвы (ЦИАМ). Ф. 199. Оп. 2. Д. 797. Л. 22–23.
- ⁴ Там же. Д. 629. Л. 47–48.
- ⁵ Там же. Л. 96–97.
- ⁶ Там же. Д. 797. Л. 145–146.
- ⁷ Свод законов Российской Империи. Том I. Ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб. 1906. Ст. 66–67.
- ⁸ Свод законов Российской Империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб. 1899. Ст. 818.
- ⁹ Там же. Ст. 833.
- ¹⁰ Там же. Ст. 834.
- ¹¹ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. 1. СПб. 1900. Ст. 163.
- ¹² Свод законов Российской империи. Т. XVI. Устав уголовного судопроизводства. СПб. 1892. Ст. 214–215.
- ¹³ Свод Законов Российской империи. Т. IX. Законы о состояниях. СПб. 1899. Ст. 824.
- ¹⁴ Московский листок. 10, 14 января 1901 г.
- ¹⁵ Московские ведомости. 28 февраля 1900 г. Московский листок. 14 февраля 1912 г.
- ¹⁶ Студенческая жизнь. 17 января 1910 г.
- ¹⁷ Московский листок. 19 апреля 1911 г.
- ¹⁸ Русские ведомости. 5,6 июля 1914 г.
- ¹⁹ Московский листок. 2 октября 1911 г.
- ²⁰ Московский листок. 9 февраля 1911 г.
- ²¹ История Москвы в 6-ти томах. М., 1955. Т. V. С. 97.

С.М. Рязанов

Российские консерваторы начала XX в. о рабочем вопросе

В настоящее время тема консерватизма обретает все большую популярность. В частности, как в исторической науке так и в обществе, растет интерес к русским дореволюционным консерваторам и традиционалистам. При этом работам консерваторов по социально-экономическим вопросам уделяется сравнительно мало внимания. Это отчасти объяснимо тем, что социально-экономические проблемы, и рабочий вопрос в особенности, являлись далеко не главным пунктом консервативной теории и практики. Тем не менее, целиком игнорировать этот аспект правых воззрений значит дискредитировать правых, утверждать, что их взгляды в корне не соответствовали своему времени, когда рабочий вопрос был одним из основных на повестке дня.

Так или иначе, рабочего вопроса в своих произведениях касались многие дореволюционные консерваторы: протоирей Восторгов, митрополит Владимир, Л.Н. Воронов, М.О. Меньшиков и другие. Однако ведущим специалистом по этой проблематике в консервативном лагере был Л.А. Тихомиров.

В отличие от левых деятелей консерваторы отрицали противоположность интересов труда и капитала. В своем письме премьер-министру П.А. Столыпину от 31 октября 1907 г. Л.А. Тихомиров утверждал, что «чрезмерные требования, способные разорить фабрику невыгодны для самих рабочих...» и выражал сожаление, что русские рабочие этого не осознают в отличие от своих английских собратьев¹. Эта мысль отнюдь не была изобретением самого Л.А. Ти-

¹ Сергей Михайлович Рязанов – аспирант Пермского государственного университета.

хомирова. Он заимствовал ее у западных теоретиков рабочего вопроса, так называемых «экономистов» – Л. Вигуру, В. Зомбарта, П. де Рузье, В. Кулемана и других, которые пришли к выводу, что политический переворот не является подлинной целью рабочего класса. Настоящая задача рабочих состоит в улучшении своего экономического положения на базе существующего строя. Поль де Рузье утверждал, в частности, что «предприниматель проигрывает, разгоняя низкой платой лучших рабочих с фабрики» или «убивая в зародыше покупательную способность рабочего класса», а рабочий, «высказывая чрезмерную требовательность... может нанести вред развитию промышленности, обеспечивающей ему заработок»². Разделяли эту мысль и другие консерваторы. «Разоришь хозяина – и сам нападешь без дела»³, – предостерегает русского рабочего другой правый теоретик, М.О. Меньшиков.

Отвергая штамп советской историографии о ненависти правых деятелей к рабочему классу, нужно отметить, что большинство консерваторов достаточно хорошо отзывались о рабочих. Так Тихомиров в своих «Социально-политических очерках», написанных в 1906 г., обнаруживает у европейских рабочих такие черты, как то: трудолюбие, патриотизм, религиозность, умение выдвигать лидеров из своей среды, способность самостоятельному общественному творчеству в виде создания профсоюзных организаций и т.п.⁴

Но при этом, в отличие от социалистов, консервативные теоретики не отождествляли понятия «рабочий» и «пролетарий». В экономическом отношении пролетарий

отличался от рабочего отсутствием ответственности. Но для Тихомирова наиболее важным были нравственные различия между ними. Не получая почти никаких плодов от своего труда, пролетарий не приобретает никакой любви к труду. Условия существования, как правило, не позволяют ему создать семью. Между пролетариями господствует простое сожительство. Естественно, что, не имея ни семьи, ни собственности, пролетарию нечего защищать и нечего терять. Следовательно, у пролетария нет, и не может быть Родины. Озлобленный всеми этими обстоятельствами, он теряет и веру в Бога. Развиваясь, таким образом, пролетарий «не создали ни своих людей, ни своих идей»⁵. Ни А. де Сен-Симон, ни Р. Оуэн, ни Ш. Фурье, ни, тем более К. Маркс и Ф. Энгельс не были выходцами из пролетарской среды. Тем не менее, в озлобленной среде пролетариев их идеи находили благодатную почву.

Тихомиров, конечно, не отрицал, что рабочий в силу обстоятельств на современном этапе развития производства и социальных гарантий может попасть в положение пролетария. В этой ситуации, полагал русский консерватор, наиболее разумным для рабочего будет не проникаться «пролетарской» или точнее «интеллигентской» идеей революции, а попытаться как можно скорее вновь вернуться в «рабочее сословие». В будущем же, по мере развития производства, роста потребности в квалифицированном труде, а также с развитием рабочего законодательства пролетариат совсем исчезнет. Подобные настроения встречались и в либеральной мысли того времени⁶. Другой русский консерватор М.О. Меньшиков видел в пролетариях лишь «вырожденцев». Считал, что в пролетарии попадают наиболее слабые и неприспособленные рабочие. «Мешать им вырождаться – грех перед природой»⁷, – писал М.О. Меньшиков в статье «Тирания слабых».

Еще сильнее, чем «рабочего» и «пролетария», Тихомиров пытался разграничить рабочее и социалистическое движение, которые в то время часто отождествляло как общество, так и правительство. Корень

этого «трагического» заблуждения Л.А. Тихомиров находил, прежде всего, в пропаганде социал-демократов, в софистике которых слова рабочий и социалист выступают, как синонимы. В своих листовках они зачастую выдавали свои цели и нужды за желания всего рабочего класса. «Это основной фокус Маркс-Энгельсовской «науки» и социально-демократической пропаганды»⁸, – отмечал Тихомиров в своем письме П.А. Столыпину.

Причиной, как рабочего, так и социалистического движения послужило, по мнению Л.А. Тихомирова, то, что в конце XVIII в. государства Европы отказались от своей социальной роли. Из-за отсутствия государственного вмешательства, богатства распределялись в буржуазном обществе крайне неравномерно. Тихомиров находил это несправедливым. М.О. Меньшиков, напротив, считал имущественное расслоение оправданным, потому что в ходе естественного отбора история отделяет таким образом «полновесное зерно от легкого»: «пролетариат есть воплощенная неудача нации», тогда как буржуазия «воплощенная ее удача»⁹.

Несмотря на общую причину рабочее и социалистическое движение, согласно Л.А. Тихомирову, весьма различны. Рабочее движение зародилось в недрах рабочего класса. Социалистическая идея возникла в среде интеллигенции. Основная цель социализма заключается в подготовке революции. Рабочие же стремятся лишь к созданию организации для улучшения своего экономического положения¹⁰.

Будучи последовательным сторонником корпоративного общества, Л.А. Тихомиров положительно оценивал процесс объединения не только западных рабочих, но и предпринимателей. Однако помимо достоинств этих союзов Тихомиров видел в существовании и неконтролируемом расширении обеих организаций существенную опасность: «Так вырастают... в недрах одной... страны, две громадные враждующие армии, которых столкновения несут расстройство и разорение всей стране, а окончательный бой... угрожал бы самому существованию нации и общества»¹¹.

Выход из этого тупика Тихомиров видел в консервативной реформе, которая бы касалась не только рабочего вопроса, но переустройства всей российской социально-политической жизни. 13 января 1905 г. по поводу объявления министра финансов В.Н. Коковцова и петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова он сделал следующую запись в своем дневнике: «Объявление... умно. Оно обещает рабочим реформы. Но ведь не одни рабочие есть в России. Реформы нужны общие (выделено автором – С.Р.)»¹². Все сословия существующие в России должны были быть организованы: дворяне, крестьяне, буржуазия, торговцы. В то числе и для рабочих, по мнению Тихомирова, необходимо было не только копирование западного опыта и полицейские меры, которыми злоупотребляло правительство, но прежде всего «всцелое устроение» рабочих, «как класса, как сословия, в полном комплексе его нужд, со всей сословной дисциплиной»¹³. Аналогичные воззрения пропагандировал председатель Союза русских людей кн. А.Н. Щербатов. В обращении к русским рабочим в 1907 г. он призывал их «добиваться в Государственной Думе прав отдельного самостоятельного сословного строя». Это позволит им создать собственное сословное управление, ходатайствовать перед правительством о своих нуждах на законных основаниях, получать от правительства отрезки государственной земли и даст много других преимуществ¹⁴. Однако Тихомиров шел в своей реформе дальше. Вместо системы свободных союзов, обществ, касс, третейских судов, которые пропагандировали правые партии, он предполагал создать государственно-обязательные союзы рабочих и предпринимателей. Государство выступало в этой системе в роли посредника и третейского судьи. Свободные рабочие организации он допускал лишь на подготовительном этапе, чтобы точнее выяснить, какая именно форма организации нужна народу¹⁵.

Подавляющее большинство правых деятелей желало провести намного более умеренные реформы. Одну из основных мер по улучшению благосостояния рабочих они

видели во введении государственного страхования. Консервативно настроенный экономист Л.Н. Воронов еще в 1896 г. на Всероссийском торгово-промышленном съезде, предлагал организовать обеспечение рабочих от несчастных случаев¹⁶. Союз русских людей считал обязанностью государства «ввести государственное страхование рабочих от увечий преждевременного истощения и смерти». Причем, по его мнению, страховой фонд должен был формироваться не только из средств рабочих и предпринимателей, но и государства¹⁷. Необходимость страхования подчеркивал также Л.А. Тихомиров, но при этом критиковал правительственный проект «больничных касс» 1912 г. за излишнюю щедрость по отношению к рабочим.

Вообще, консерваторы, в отличие от социалистов, часто находили политику правительства, в том числе и в рабочем вопросе, чересчур мягкой и склонной к уступкам. Так единственной правильной реакцией на всеобщую забастовку Тихомиров полагал репрессивные меры. Тем, что правительство пошло на реформы, оно показало рабочим, что смелым, «бунтовским натиском» можно добиться, чего угодно. Этим правительство сделало непрочным не только свое положение, но и сами преобразования, которые в любой момент могут быть сметены анархией. Причины всеобщей политической забастовки Л.А. Тихомиров видел в смешении двух противоположных западных идей: «западноевропейской, политической, государственной идеи и отрицающей ее западноевропейской социалистической идеи»¹⁸. Подобный синтез не создает ничего кроме «разрушительной силы». Другим противоречием «всеобщей забастовки» Л.А. Тихомиров считал использование стачки, средства экономической борьбы, для целей политических. Подрывая своими последствиями благосостояние народа, средство, в этом случае, наносит урон цели.

Большинство консервативных идеологов, обращавшихся к рабочему вопросу, с жаром выступали даже против экономической стачки. В 1905 правые партии начали свою деятельность с подавления стачек, а позднее в их

программах был прописан пункт, призывающий издать закон о запрете стачек. В «Основных положениях СРН» 1906 г. рабочих и предпринимателей призывали «разрешать возникшие между ними недомолвки, споры, раздоры полюбовно, по-Божью; следуя заповедям Господним, а не по безбожному учению врагов Христианства...»¹⁹. Осуждал стачку и М.О. Меньшиков: «Что забастовки в России вредят сложившейся жизни – это бесспорно, и отрицать это не только лицемерно, но и неумно»²⁰.

Л.А. Тихомиров, не был столь категоричен. Признавая за рабочими это право, если они не имеют возможности уладить спор с предпринимателем мирно, а также тот положительный эффект, который экономические забастовки оказали в развитии западного рабочего движения, Л.А. Тихомиров даже и в случае забастовки призывал рабочих соблюдать «законность» и не совершать насильственных действий по отношению к желающим трудиться. В будущем обществе, построенном на «русском идеале», при интеграции рабочих в сословную структуру, необходимость в экономической стачке отпадет, потому что царь будет справедливо решать все «недоразумения» между рабочими и промышленниками. В подобную утопию верил и кн. А.Н. Щербатов²¹.

Помимо реформ Л.А. Тихомиров предлагал развитие в рабочей среде образования для того, чтобы русские рабочие вслед за западными братьями сумели выдвинуть лидеров из собственной среды. Но особый упор на просвещении и нравственном воспитании делали правые церковные деятели, отрицавшие необходимость социальных преобразований. В 1902 г., перед открытием чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы митрополит Владимир отмечал: «Народные чтения... ведутся во многих местах и там, где ведутся с надлежащим усердием и умением, приносят несомненную пользу»²².

Церковные идеологи создали собственное учение о труде, основанное на Библии. Они утверждали, что труд дан человеку в наказание за первородный грех, а потому человек обязан трудиться. «В поте лица тво-

его снеси хлеб твой – так гласит приговор божий над согрешившим человеком, – писал в 1912 г. митрополит Владимир, – приговор, который простирается на всех людей без изъятия»²³. Тем не менее, человек согласно церковному учению может максимально ослабить вредные последствия труда, превратив его из проклятия в благословение, если будет сочетать выполнение земных обязанностей с соблюдением церковных догматов.

Но не все в правом лагере придерживались идеалистической концепции труда. Л.Н. Воронов, напротив, доказывал необходимость заботы о рабочих, делая акцент на сугубо материальных факторах производства. «Плохо оплачиваемый, слабо развитый рабочий, – утверждал он, – не проявляет ни надлежащего внимания, ни необходимой интенсивности в работе»²⁴.

Идеи консерваторов оставались не только на бумаге. Консервативные практики активно старались претворить эти идеи в жизнь. Так в 1898–1903 гг. под негласным руководством начальника Московского охранного отделения, С.В. Зубатова, в Москве и ряде южных городов России проводилась политика создания рабочих организаций. Этой работе активно покровительствовал такой известный традиционалист, как московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, утверждавший, что это «дело очень интересное, серьезное, даже... опасное,.. но... необходимое по теперешним временам»²⁵. Л.А. Тихомиров принимал в этом движении непосредственное участие. Его концепция стала идеологическим знаменем «зубатовщины» на ее заключительном этапе. Предлагал Тихомиров свой метод решения рабочего вопроса и П.А. Столыпину, правда, без особого успеха. Правые партии не только силой подавляли стачки, но организовывали рабочие артели, мастерские и профессиональные общества. В Киеве с сентября 1904 г. существовал даже правонастроенный Союз русских рабочих людей, позднее примкнувший к Союзу русского народа²⁶.

Вопреки советским штампам мы видим, что многие правые деятели с симпатией от-

носились к рабочим. Сумели консерваторы воспринять и многие западные нововведения в рабочем вопросе. А Л.А. Тихомиров предложил даже оригинальную программу преобразований для его решения. Не вина консерваторов, что менее разумные и более радикальные требования революционеров оказались русскому рабочему ближе.

Приложения

¹ ГАРФ. Ф. 102, ДП-4, 1908 г., д. 251, л. 2 об.

² Рузье П. де. Предисловие // Вигуру Л. Рабочие союзы в Северной Америке. СПб., 1900. С. 14.

³ Новое время. 18 дек. 1905.

⁴ См.: Тихомиров Л.А. Гражданин и пролетарий. // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 259–264

⁵ Там же. С. 264.

⁶ См.: Озеров И.Х. Борьба общества и государства с дурными условиями труда. // Озеров И.Х. Из жизни труда. Сб. статей. Вып. 1. Статьи по рабочему вопросу. М., 1904. С. 1–8.

⁷ Цит. по: Репников А.В. Консервативная модель // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 210.

⁸ ГАРФ. Ф. 102, ДП-4, 1908 г., д. 251, л. 35 об.

⁹ Меньшиков М.О. В антракте // Меньшиков М.О. Письма к ближним. Т. IV. СПб., 1905. С. 510.

¹⁰ См.: Тихомиров Л.А. Рабочие и государство // Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1999. С. 347–348.

¹¹ Тихомиров Л.А. Рабочий вопрос (практические способы его решения). М., 1909. С. 135.

¹² Тихомиров Л.А. 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 2. С. 59.

¹³ ГАРФ. Ф. 102, ДП-4, 1908 г., д. 251, л. 43–43 об.

¹⁴ От председателя союза русских людей. Чего должны добиваться в Государственной Думе

фабричные и заводские рабочие // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 367.

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 102, ДП-4, 1908 г., д. 251, л. 44–44 об.

¹⁶ См.: Воронов Л.Н. Обеспечение рабочих от несчастных случаев (Доклад Л.Н. Воронова). М., 1896. С. 1.

¹⁷ См.: Постановления монархического съезда Русских людей в Москве в 1909 г. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 497.

¹⁸ Тихомиров Л.А. Плоды пролетарской идеи. // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 284.

¹⁹ Цит. по: Кирьянов Ю.И. Правые партии в России 1911–1917. М., 2001. С. 337.

²⁰ Меньшиков М.О. Нарастающий паралич. // Письма к ближним. Г. IV СПб., 1905. С. 77.

²¹ См.: От председателя союза русских людей. Чего должны добиваться в Государственной Думе фабричные и заводские рабочие. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910 гг. М., 1998. С. 367.

²² Владимир, митр. Слово высокопреосвященного митрополита Владимира, произнесенное на молебне перед началом нравственно-религиозных чтений для рабочих гор. Москвы. М., 1902. С. 8.

²³ Владимир, митр. Труд и собственность в учении русской церкви. // Экономика русской цивилизации. М., 1995. С. 362.

²⁴ Воронов Л.Н. Государственное страхование трудящихся. М., 1906. С. 7.

²⁵ Цит. по: Боханов А.Н. Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М., 1997. С. 358.

²⁶ См.: Программа Союза русских рабочих людей. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1910. М., 1998. С. 302.

В мире новостей

• Израильские археологи обнаружили к югу от Иерусалима уникальную водопроводную систему времен Иудейского царства (примерно VII в. до н.э.). По всей видимости, она являлась частью царского дворца, который был расположен в этом районе. По данным MIGnews.com, система включала в себя несколько открытых бассейнов, купальни и наполнявшиеся из подземных источников колодцы. Водопровод действовал на протяжении как минимум четырех столетий. Система настолько уникальна, что специалисты затрудняются определить, кем она построена и для кого. «Ясно, что речь идет о крупном государственном объекте, но определить его принадлежность пока невозможно», – сказал руководитель археологической группы доктор наук Овед Лифшиц.

Д.М. Софьин

Романовское самосознание: место и роль членов российского императорского дома по взглядам его представителей

Философы и историки нередко задавались вопросом, какое же место должны занимать в стране представители царствующей династии и какую роль они должны играть. Мыслители различных государств и эпох давали противоречивые ответы на поставленный вопрос. В России об этом размышляли многие консерваторы: К.П. Победоносцев, Л.А. Тихомиров, Д.А. Хомяков, И.Л. Солоневич и другие. Мнение интеллектуальной элиты весьма важно, однако не меньшую, если не большую роль играет мнение самих представителей правящей фамилии.

В Российской империи на рубеже XIX–XX вв. жили несколько десятков представителей Дома Романовых. Многие из них погибли в годы красного террора, другие спаслись, отправившись в изгнание. Некоторые из них оставили мемуары. В эмиграции Романовы не могли не размышлять о своих собственных судьбах и судьбах страны. Задавались они и вопросом о своем месте в России и о той роли, которую, как представители правящей династии, они должны были играть. В годы изгнания достаточно четко сформировались либо выкристаллизовались их взгляды. Романовы-изгнанники обнародовали как собственные убеждения, так и мнения их различных родственников. То было время переоценки многих традиционных ценностей. Не остались от этого в стороне и представители царствующей династии.

Мемуары оставили представители разных поколений Императорского Дома.

Дмитрий Михайлович Софьин – аспирант Пермского государственного университета.

Старшим был внук Николая I великий князь Александр Михайлович (1866–1933). Он был сыном известного военачальника и государственного деятеля, главнокомандующего Кавказской армией во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., председателя Государственного Совета генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича. Сам Александр Михайлович также являлся весьма крупной фигурой в российской политической и военной жизни. В начале XX в. он был главноуправляющим торговым мореплаванием и портами на правах министра, а во время Первой мировой войны стал полевым генерал-инспектором военного воздушного флота или, как его назвал историк Ю. Л. Коршунов, «первым главкомом ВВС России»¹. Свои воспоминания Александр Михайлович написал в последние годы жизни: первую книгу за полтора года до кончины, вторую – за месяц. И по форме, и по содержанию это подведение жизненных итогов. Мемуары Александра Михайловича содержат очень много фактических неточностей, но они насыщены глубоким философским содержанием². Его воспоминания наиболее полно характеризуют романовское самосознание – автор не только приводит собственные взгляды, но постоянно обращается к мнениям многих своих родственников, прежде всего, императора Николая II и своего отца, великого князя Михаила Николаевича, с которыми, по многим вопросам, заочно полемизирует.

Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) был внуком императора Александра II и сыном Великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего

войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, президента императорской Академии художеств. До революции Кирилл Владимирович служил на флоте, принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. После революции и Гражданской войны, когда от рук большевиков погибла семья Николая II и его брат, великий князь Михаил Александрович, Кирилл Владимирович стал старшим членом династии, и в 1924 г., когда надежд на спасения императора и других жертв красного террора не осталось, он принял титул императора. Нынешняя глава Российского императорского Дома великая княгиня Мария Владимировна приходится ему внучкой. Свои мемуары Кирилл Владимирович³ начал писать незадолго до смерти и выполнить до конца свой замысел не успел – книга обрывается на событиях 1917 г. В отличие от воспоминаний Александра Михайловича, мемуары Кирилла Владимировича более фактографичны и менее насыщены рефлексией.

Великий князь Гавриил Константинович (1887–1955)⁴ – сын крупного деятеля культуры, президента Императорской Академии наук Великого князя Константина Константиновича, который был также известным поэтом, писавшим под псевдонимом «К. Р.», сам не оставил заметного следа, во-первых, из-за возраста (в год революции ему исполнилось лишь 30 лет), а во-вторых, из-за слабого здоровья, которое мешало регулярной службе князя и периодически требовало длительного пребывания на курортах. Тем не менее, Гавриил Константинович, вместе со своими братьями, принял участие в боях Первой мировой войны. Его мемуары⁵, написанные в начале 1950-х гг., носят, как и воспоминания Кирилла Владимировича, более фактографический, нежели аналитический характер.

Младшая дочь императора Александра III великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) и дочь его брата великого князя Павла Александровича, великая княгиня Мария Павловна-младшая (1890–1958), не занимали видного общественно-политического места в России, что было характерно для «прекрасной половины» династии. Уде-

лом великих княгинь была благотворительность. В годы Первой мировой войны Ольга Александровна и Мария Павловна, как и многие другие представительницы Дома Романовых, работали медицинскими сестрами.

Мемуары Марии Павловны⁶ по своему характеру близки воспоминаниям Александра Михайловича. Общей для них является и структура: их мемуары состоят из двух книг – первая посвящена жизни в России, вторая повествует об эмигрантских буднях. И Мария Павловна, и Александр Михайлович писали свои воспоминания в начале 1930-х гг. годов.

Воспоминания Ольги Александровны отличаются от остальных мемуаров тем, что они представляют собой не собственный текст великой княгини, а запись ее бесед в последние годы жизни (1958–1960) с канадским журналистом греческого происхождения Йеном Ворресом⁷. Текстуальный анализ позволяет увидеть многочисленные переклички с мемуарами Александра Михайловича и даже прямые заимствования, которыми Воррес, очевидно, заполнял смысловые пробелы в своей книге. Это требует особенно бережного отношения к данному источнику, чтобы не приписать Великой княгине взглядов ее родственника.

Мемуаристы жили на рубеже XIX и XX в., в переломное время, когда сильные изменения касаются общественного бытия и общественного сознания. Не стали исключением и поименованные выше великие князья и великие княгини. Для них характерно в более или менее явном виде противопоставление традиционных устоев Дома Романовых их собственных взглядам. Немалую роль здесь сыграло то, что все пятеро мемуаристов царской крови вынуждены были нарушить семейные традиции. Так, великий князь Александр Михайлович выбрал себе в жены не иностранную принцессу, как полагалось, а свою двоюродную племянницу, великую княгиню Ксению Александровну, сестру императора Николая II. Это был первый и, как оказалось, единственный случай в императорской фамилии.

Кирилл Владимирович в 1905 г. женился на своей двоюродной сестре и, помимо того, разведённой женщине, Великой княгине Виктории Фёдоровне, урождённой принцессе Саксен-Кобург-Готской. За это он подвергся опале и был прощён императором лишь спустя несколько лет. Гавриил Константинович в 1917 г., вскоре после Февральской революции, заключил морганатический брак с балериной А. Р. Нестеровской. А Мария Павловна и Ольга Александровна, после неудачных династических браков с принцем Вильгельмом Шведским и принцем П. А. Ольденбургским, соответственно, заключили морганатические браки с русскими офицерами. Ольга Александровна незадолго до революции, в ноябре 1916 г. стала женой полковника Н. А. Куликовского, а Мария Павловна вскоре после революции, в сентябре 1917 г., стала супругой капитана князя С. С. Путятина. Соответственно мемуаристы не могли поддерживать традиционные взгляды Романовых на необходимость династических браков.

Выразителями традиционных идеалов Дома Романовых на рубеже XIX и XX в., среди прочих членов династии, являются в перечисленных мемуарах император Николай II, а также великие князья Михаил Николаевич и Дмитрий Константинович, не игравший роли в общественно-политической жизни, но, как блестящий знаток лошадей, внесший немалый вклад в отечественное коннозаводство.

Не следует слишком противопоставлять взгляды мемуаристов этим «традиционалистам». Многие из убеждений последних безоговорочно разделяются мемуаристами. Так, Романовы были солидарно убеждены в божественном происхождении царской власти и прерогатив монарха⁸.

Для Романовых великокняжеское положение, не говоря уж об императорском, — это, прежде всего, тяжелый долг и большая ответственность, необходимость всем жертвовать во имя Родины⁹.

Члены императорской фамилии должны были делить с народом все трудности. Некоторые великие князья приняли активное участие в русско-японской войне. Сре-

ди них был и великий князь Кирилл Владимирович: «Когда разразилась русско-японская война, он попросился в бой, как и должно было поступить двадцатишестилетнему великому князю»¹⁰. Кирилл Владимирович, будучи морским офицером, отправился в Порт-Артур и поступил в штаб командующего Тихоокеанской эскадрой адмирала С. О. Макарова. Великий князь был на эскадренном броненосце «Петропавловск» 31 марта 1904 г., когда корабль подорвался на японской mine и мгновенно затонул. Погибли почти все, бывшие на борту, в том числе адмирал Макаров и художник В. В. Верещагин. Кирилл Владимирович, разговаривавший перед взрывом с Верещагиным, спасся чудом. По счастливой случайности на броненосце не оказалось тогда и его младшего брата, Великого князя Бориса Владимировича, тоже находившегося в Порт-Артуре.

В Первой мировой войне принимали участие все мужские представители династии, а женщины работали медицинскими сёстрами. Это не воспринималось как подвиг, а считалось нормой жизни. Великая княгиня Мария Павловна-младшая вспоминала: «Мне казалось, что в том, чем я намерена заниматься, нет ничего необычного, а то, что это связано с определенным риском для жизни, вполне в порядке вещей в условиях войны»¹¹. В начале войны Мария Павловна находилась с полевым госпиталем на передовой, принимала участие в наступлении и отступлении русских армий из Восточной Пруссии в 1914 г., неоднократно бывала под бомбежкой вражеских аэропланов. В дальнейшем, однако, она предпочла работать в псковском госпитале: «...как бы мне не нравилась моя работа на фронте, мне там не место. Мое присутствие на передовой доставляло много беспокойства командованию и в решающие моменты отвлекало его от более важных дел»¹².

Но юные князья долго бывали на фронте. Рвались на войну сыновья великого князя Константина Константиновича. Один из сыновей, князь Гавриил, приводит цитату из дневника своего 21-летнего брата Олега: «Мы все пять братьев идем на войну со сво-

ими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская семья держит себя на высоте положения»¹³. От фронта князя Олега Константиновича не удержало и еще неокрепшее после болезни здоровье: «Такого человека, как Олег, нельзя было удержать дома, когда его полк уходил на войну. Он был весь порыв и был проникнут чувством долга»¹⁴. Первые недели Олег из-за слабого здоровья находился при штабе, и, хотя здесь также неоднократно приходилось бывать под огнём, просился в расположение своей части¹⁵. Наконец, просьба была удовлетворена, и юный князь принял самое активное участие в боевых действиях. 27 сентября 1914 г. он был тяжело ранен, но не только не потерял бодрость духа, но даже, казалось, был рад своему ранению: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь царского дома»¹⁶. Рана оказалась смертельной, и спустя два дня князь Олег Константинович скончался.

В 1924 г. великий князь Кирилл Владимирович провозгласил себя императором. Многие в эмиграции, но особенно иностранцы, воспринимали это скептически и говорили о Кирилле Владимировиче с иронией. Те же, кто его хорошо знал, не понимали, зачем это нужно человеку, который был равнодушен к внешним знакам отличия, никогда не стремился к власти, и которому претили «игры в солдатики». Поведение Кирилла Владимировича объясняет его двоюродный дядя Александр Михайлович: «Так вышло, что великий князь Кирилл является первым в ряду престолонаследия, в то время, как я, к счастью, десятый. Поэтому я могу писать книги и статьи, играть в бридж и в трик-трак, посещать коктейли и собачьи бега, путешествовать и развлекаться как угодно, но он обязан поддерживать пламя монархической идеи. Я говорю «он должен», потому что мы оба принадлежим к семье, где столетиями внушалось, что ничто, даже угроза осмеяния, не должно помешать нам в исполнении своего долга. Как полагает великий князь Кирилл, долг его и его сына состоит в обеспечении

русских монархистов за рубежом действенным главою и пересмотре обветшавших заповедей монархии, чтобы сделать их приемлемыми для русских и России»¹⁷.

Император Всероссийский, как это понимал Великий князь Михаил Николаевич, – безусловный правитель, обладающий конечной мудростью, которому следует оказывать беспрекословное повиновение¹⁸. Никто, в том числе и члены императорской фамилии, не в праве даже критиковать его решения¹⁹.

Великий князь Кирилл Владимирович называет «образцом российского государя» императора Александра III²⁰. Многие Романовы, жившие на рубеже XIX–XX вв., были здесь солидарны с Кириллом Владимировичем. Александр III являл собой достоинство российского монарха – сильного, мужественного, твердого правителя страны и непререкаемого главы Императорского Дома: «Он был отцом для своей семьи и для своего народа, и все воспринимали его именно так»²¹. Николай II также считал отца образцом правителя, а своим священным долгом считал сохранение наследия предков²².

Великий князь, согласно традиционным представлением, предназначался для военной службы. Александр Михайлович отмечал: «Одна мысль о том, что один из нас [сыновей Великого князя Михаила Николаевича] мог бы избрать какую-нибудь другую карьеру, кроме военной, могла бы показаться нашим родителям полным абсурдом, ибо традиции Дома Романовых требовали, чтобы все его члены были военными; личные вкусы и склонности никакой роли не играли»²³.

По мнению Александра Михайловича, такая традиция требует пересмотра: Романовы должны «иметь право выбирать себе карьеру, помимо военной службы»²⁴. Он активно и последовательно проводит мысль о необходимости более широкого участия членов Императорского Дома в государственной деятельности.

Согласно традициям, Великий князь должен всего себя отдавать служению России. Здесь практически не было места для личного счастья.

Список литературы

- ¹ Коршунов Ю. Л. Первый главком ВВС России (Великий князь Александр Михайлович) // Коршунов Ю. Л. Августейшие моряки. СПб., 1999. С. 66–80.
- ² Воспоминания великого князя Александра Михайловича. 2-е изд., испр. М., 2001.
- ³ Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. С приложением биографического очерка о великой княгине Виктории Фёдоровне. М., 2006.
- ⁴ Будучи правнуком императора (Николая I), Гавриил Константинович, согласно Учреждению об Императорской Фамилии от 1886 г., имел титул князя императорской крови. В 1939 г. глава Российского Императорского Дома великий князь Владимир Кириллович утвердил Гавриила Константиновича в великокняжеском достоинстве.
- ⁵ Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: мемуары. М., 2001.
- ⁶ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. М., 2003.
- ⁷ Воррес Й. Последняя Великая Княгиня // Ден Л. Подлинная Царица; Воррес Й. Последняя Великая Княгиня. СПб.; М., 2003. С. 173–428.
- ⁸ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 268, 272; Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 113, 196; Воррес Й. Указ. соч. С. 226–227, 229, 242.
- ⁹ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 18, 36, 159, 331, 399, 409, 417, 523; Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 10, 83, 282.
- ¹⁰ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 418–419.
- ¹¹ Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 145.
- ¹² Там же. С. 162.
- ¹³ Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 215.
- ¹⁴ Там же. С. 216.
- ¹⁵ Там же. С. 231, 242.
- ¹⁶ Там же. С. 253.
- ¹⁷ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 417.
- ¹⁸ Там же. С. 132.
- ¹⁹ Там же. С. 51.
- ²⁰ Кирилл Владимирович, вел. кн. Указ. соч. С. 42.
- ²¹ Там же. См. также: Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 62–71; Гавриил Константинович, великий князь. Указ. соч. С. 119; Воррес Й. Указ. соч. С. 210.
- ²² Воспоминания великой княгини Марии Павловны. С. 195.
- ²³ Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 77.
- ²⁴ Там же. С. 149.

В мире новостей

• Министерство транспорта и коммуникаций Перу объявило территорию, где расположен древний город-крепость инков Мачу-Пикчу, зоной, запрещенной для полетов. Власти приняли решение об отзыве лицензии на вертолетные путешествия под давлением природоохранных и археологических групп. Активисты по защите окружающей среды утверждают, что полеты наносят местной фауне и флоре значительный ущерб. В частности, они мешают проживанию здесь редких викуний и очковых медведей, препятствуют росту некоторых видов орхидей и существованию андского кондора, сообщает *Travel.ru*.

Комплекс Мачу-Пикчу – главная туристическая достопримечательность Перу и наиболее хорошо сохранившийся архитектурный комплекс доколумбовой эпохи. Перуанское правительство инвестирует средства в то, чтобы Мачу-Пикчу признали одним из семи чудес света. Многие эксперты считают, что даже при всех теперешних ограничениях толпы туристов, ежегодно посещающих крепость, являются большим злом для этого памятника.

Е.В. Львина

Голод 1946—1948 гг. в Астраханской области

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в памяти народов СССР именно как событие, которое коснулось всего народа и в котором он весь принял участие и, как писал В.О. Ключевский, «через это совокупное участие впервые почувствовал себя единым целым»¹. Однако в исторической литературе о послевоенном времени четко обозначились два периода: до перестройки и после перестройки. Любой исследователь, работавший над указанной темой до 1985 г. ощущал недостаток источников, особенно тех, которые касались жизни народа в тяжелейшие 40-е гг. XX в. Поэтому особый интерес вызывают последние публикации увидевшие свет во второй половине 1980-х гг. и позже.

Все авторы так или иначе характеризуют аграрную политику, проводимую партией и правительством СССР в 40-е гг. XX в. как «второе раскулачивание» и обращаются к запретной в советский период теме голода 1946–1947 гг., точные масштабы которого до сих пор неизвестны.² Попытаемся охарактеризовать размеры бедствия в Астраханской области, где, по воспоминаниям людей старшего поколения, голод был очень сильным, и выяснить причины высокой смертности населения в означенный период.

Работая с областной и районными газетами послевоенной Астраханской области, ловишь себя на мысли, что вся пропагандистская работа областной партийной организации была направлена на умалчивание

¹ Елена Вадимовна Львина – аспирантка кафедры истории России Астраханского государственного университета.

голода: ни одного сообщения в газете «Волга» – органе Астраханского обкома, горкома ВКП (б), областного совета и горсовета депутатов трудящихся! Только лозунг: «Больше хлеба государству!» Зато в ноябре 1946 г. опубликовали доклад Громыко А.А. в Комитете по экономическим и финансовым вопросам ООН, в котором он хвалился, что СССР в 1945–1946 гг. поставил 500 тыс. т зерна Франции. Из протоколов заседаний бюро Астраханского обкома ВКП (б) складывается впечатление, что его интересовали только две проблемы: выборы в Верховный совет СССР и ликвидация нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах. Эти темы муссируются постоянно. Но само слово «голод» в документах отсутствует напрочь! И только со второй половины 1946 г. стала ощущаться тревога: возник вопрос о мерах по обеспечению сохранности хлеба. По всем документам Астраханского обкома ВКП (б) за 1946 г. прослеживается проблема вывоза хлеба из дальних заготовительных пунктов, проблема обеспечения сохранности привозного хлеба, который лежал просто на земле на станции Астрахань-16. И поскольку свидетельства об этом есть практически во всех протоколах бюро обкома ВКП (б), складывается впечатление о полной неспособности власти организовать дело.

Но проблемы начались гораздо раньше 1946 г., и они-то и обусловили оставивший глубокий след в памяти старожилов голод. Интересно, что в документах Астраханского обкома ВКП (б) ни разу не было сказано о засухе 1946 г., способствовавшей неурожаям и голоду в Причерноморье, на Средней и Нижней Волге, Южном Урале, в Западной Сибири и Украине.

Из отчета секретаря Астраханского обкома

ма ВКП (б) Муратова секретарю ЦК ВКП (б) Маленкову Г.М. о выполнении постановления ЦК ВКП (б) от 29 сентября 1945 г. «О мерах по охране и сохранности Государственного (так в первоисточнике. – *Е.Л.*) хлеба на заготовительных пунктах, предприятиях Наркомзага, базах ГУГМР и приемных пунктах Потребкооперации» от 13 ноября 1945 г., видно, что по колхозам семян яровых было засыпано всего 25587 центнеров, а потребность в них (по плану ярового сева 1945 г.) составляла 38.266 центнеров. Таким образом, недостача составила 12679 центнеров, или 33% от необходимого³.

В 1945 г. увеличился разрыв между планом госпоставок и фактическим положением.

Госпоставки колхозами Астраханской области (в центнерах)⁴

Несмотря на такой успех животновод-

	% выполнения плана госпоставок	
	1944 г.	1945 г.
1. Зерно	96,8	95,7
2. Мясо	70,8	100,0

ства, отмечается, что на 1945 г. имел место большой падеж скота.⁵ И, как выяснится впоследствии, такой успех с мясозаготовками был предвестником грозных событий весьма скорого будущего: от скота старались избавиться в условиях бескормицы.

В Астраханской области была низкая урожайность зерновых: в 1944 г. – 4,5 ц с гектара зерновых, а в 1945 г. она упала до 3,0 ц с га⁶. И это при том, что в целом по стране в 1946 г. она составила 4,6 ц/га (сравним с этим же показателем в далеком не самом урожайном 1940 г. – 6,8 ц/га).

Весенний сев 1945г. шел очень плохо: средняя вспашка на 1 трактор составила 7, га против 11 га в 1944 г. Причина – плохое качество ремонта техники, нехватка запасных частей. Низкая агротехника – низкая урожайность.

Средняя урожайность по Астраханской области (в центнерах на 1га)

Из-за постоянной нехватки горюче-сма-

	1944 г.	1945 г.
Озимая рожь	4,8	1,9
Пшеница	4,7	3,1

зочных материалов, из-за неисправности техники (плавка подшипников, обрыв шатунов), из-за крайней истощенности волов глубина вспашки составила всего 10 см⁷. Все это привело к срыву хлебозаготовок. Осенью 1946 г. в Астрахань приходит телеграмма Совета Министров СССР на имя председателя облисполкома Быхова, в которой выражалось беспокойство по поводу резкого снижения сдачи хлеба государству, начиная со второй пятнадцатки ноября 1946 г., а квалифицировалось такое положение вещей как «свертывание хлебозаготовок»¹⁶. Вывод один: «судить укрывателей хлеба, воров и расхитителей»⁸.

Приказы вышестоящих инстанций, особенно в части карательных мер, выполнялись не обсуждаясь. Астраханский обком ВКП (б) постоянно рассматривал ход выполнения постановления ЦК ВКП (б) и Совета Министров СССР от 27 июля 1946 г. «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущения его разбазаривания и порчи». «Судами за 10 месяцев 1946 г. было рассмотрено 93 уголовных дела, связанных с хищением хлеба из системы «Заготзерно» в количестве 5.591 кг⁹. На 15 октября 1946 г. по Астраханской области за нарушение Устава сельскохозяйственной артели возбуждено 27 дел, по которым к уголовной ответственности привлекли 38 человек¹⁰.

Таким образом, окончание Великой Отечественной войны не принесло с собой улучшения жизни народа.

Никак не способствовал улучшению качества жизни дефицит товаров легкой промышленности: для деревни предназначалось чуть больше одной трети керосина, половины спичек¹¹. Уменьшилось потребление мяса и сала на 87 %, яиц в 2,1 раза. В абсолютном выражении в начале 1944 г. крестьянская семья потребляла 91 г. мяса и сала и одно яйцо на 15 человек в день¹².

Но государство не принимало этого в расчет. В 1946 г. были восстановлены нормы государственных поставок зерна,

мяса, яиц, молока, шерсти в соответствии с земельной площадью пашни, куда входили и сады, и огороды, и луга, и пастбища. Справедливости ради, надо отметить, что на 1946 г. госпоставки по Астраханской области составили 50 % довоенных¹³. Однако 19 марта 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление № 619 «О плане выработки животного масла для закладки в государственный фонд пятилетки и заготовки молока на 1946 г.». Оно устанавливало с 1946 г. среднегодовые нормы обязательной поставки молока государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами в литрах от каждой имеющейся в их пользовании коровы, по состоянию на 1 декабря предшествующего года (1 декабря 1945 г.). Астраханская область попадала в 4 группу, что означало, что каждый колхозный двор должен сдать 180 л молока, а единоличный – 210 л от каждой коровы¹⁴. Интересны заготовительные цены: 1 л молока базисной жидкости – 25 коп.; 1 кг топленого масла жирности 95 % – 6 рублей. То, что сдавалось сверх обязательств, оплачивалось в двойном размере¹⁵. Вряд ли подобные расценки устраивали продавца. К сожалению, данные по себестоимости продукции пока обнаружить не удалось. Мне удалось найти информацию о ценах на рынках Астрахани, а также сельских районов осенью 1946г. (сентябрь)¹⁶.

Возникает вопрос: «Кто мог купить та-

Рынки	Масло (1 кг)	Мясо (1 кг)	Молоко (1 л)	Жиры животные (1 кг)
1. Городские рынки Астрахани	160 руб.	55–45 руб.	10 руб.	140–120 руб.
2. Сельских районов	130–80 руб.	40–13 руб.	10–8 руб.	130–110 руб.

кие продукты?» В фонде Астраханского обкома ВКП (б) есть данные о месячных тарифных ставках на предприятиях Нарко-

мрыбпрома в 1946 г. Привожу максимальные ставки для некоторых категорий работников:

- 1) зав.тонями – 750–900 руб.;
- 2) звеньевые – 450–550 руб.;
- 3) ловцы – 350–450 руб¹⁷.

Сравним эти доходы с оплатой по трудодням на душу населения из расчёта на один день (в граммах)¹⁸.

	1940г.	1943г.	1945г.
Зерно	350	180	190

А вот данные из доклада секретаря Астраханского обкома ВКП (б) Муратова на IV пленуме обкома ВКП (б) в марте 1946 г.: «... в Капустиноярском районе по итогам 1945 г. из 12 колхозов на трудодни совершенно не получили хлеба 4 колхоза, получили от 50 до 100 грамм – 3 колхоза, от 250 до 300 – 2 колхоза и от 750 до 800 – 1 колхоз»¹⁹.

Естественно, что при такой оплате не возникало нормальной мотивации к труду, значит, ее надо было обеспечить внеэкономическим принуждением. Отсюда борьба за выполнение минимума трудодней.

Трудодни не могли удовлетворить потребности крестьянской семьи, поэтому огромную роль играло личное приусадебное хозяйство. В годы войны государство, прекрасно понимая роль личного крестьянского хозяйства, не увеличивало натуральные налоги на него. И вот война окончена. 19 сентября 1946 г. появляется постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах»²⁰. Под нарушениями понимали: неправильное расходование трудодней, растаскивание колхозной собственности, расхищение общественных земель, а под ним, в свою очередь, конкретно указывалось – расширение приусадебных участков, создание всякого рода подсобных хозяйств. Размер приусадебных участков в Астраханской области составил не более 15 сотых га при норме 25 сотых га²¹.

Вот именно такая полуфеодалная эксплуатация сельского населения и создала предпосылки столь трудного выхода из войны сельского хозяйства страны. А если учесть, что запасы зерна в стране были,

и СССР поставлял зерно в Болгарию, Польшу, Чехословакию²², Францию²³, то голод можно считать детищем бесталанной власти. В фонде Астраханского обкома ВКП (б) есть целый ряд документов, которые, во-первых, свидетельствуют о поступлении хлеба в область, а, во-вторых, о неумении (неспособности) обратить этот хлеб во благо населению. Так, из письма № 8/123 от 19.07.1946 г. Муратова и Быхова министру заготовок СССР Двинскому явствует: «Население г. Астрахани и Астраханской области обеспечено хлебом, главным образом, за счёт его привоза из других областей и краёв, что ежегодно составляет вместе с крупяными и фуражными культурами более 170 тыс. тонн, и только 12 тыс. тонн заготавливается внутри области»²⁴. В целом по стране осенью 1946 г. сократилась коммерческая торговля хлебом с 75 тыс. тонн (в муке) в октябре 1946 г. до 35 тыс. тонн в ноябре и позже до 25 тысяч тонн; был установлен размер примесей овса, ячменя, кукурузы при хлебопечении в 40%; запретили (кроме Прибалтики) выпечку подового хлеба.²⁵

В документах Астраханского обкома ВКП (б) постоянно говорится о том, что хлеб лежит под открытым небом, перегревается и гниет. Так, в постановлении бюро Астраханского обкома ВКП (б) от 18.12.1946 г. пишется, что на 10 декабря с.г. 48 тонн хлеба продолжает оставаться невывезенным с глубинных пунктов. Примерно 2.600 тонн зерна продолжает храниться на станции Астрахань-1 под навесами, а прибывшие 17 декабря 1.000 тонн зерна выгружены на землю!²⁶. И это в то время, когда рабочие получали по карточкам от 1.000 до 350 г хлеба; служащие от 450 до 200 г хлеба, иждивенцы от 300 до 100 г, дети – от 400 до 150 г.²⁷ Причём в сельской местности, практически, по карточкам не получали ничего!

До сих пор нет данных о количестве погибших от голода. Историки только начали работу по выяснению фактов. Исупов В.А. в исследовании «Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века» приводит следующие данные.

Смертность населения СССР в 1946–1947 гг.

Годы	Оценка Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского, Т.Д. Харковой		Оценка Г.С. Гельфанда	
	Умерло тыс. чел	%	Умерло тыс. чел	%
1946г.	2.710,0	16,8	2.033,3	12,0
1947г.	3.518,0	20,3	2.218,8	12,9

В.Ф. Зима пишет, что голод свирепствовал с ноября 1946 г. по август 1947 г. и охватил 10 млн. человек. Он отмечает очень высокую смертность, особенно детскую, в Астраханской области²⁸.

Среди умерших в Астраханской области сельское население составляло: 1945г. – 56 %; 1946 г. – 49 %; 1947 г. – 51 %; 1948 г. – 50 %; 1949 г. – 49 %. Это еще одно свидетельство бедственного существования брошенного без помощи государства сельского населения стал 1947 г. Но количество родившихся было больше количества умерших. Очень быстро нарастала детская смертность, достигнув пика в 1947 г., когда умер каждый 6-й родившийся ребенок, и оставалась такой же высокой до 1949 г.

Каковы же причины смертности? Прямого ответа нет! Однако сохранились данные по эпидемическим заболеваниям в области в 1946–1948 гг. Из них видно, как резко увеличилось заболевание токсической диспепсией, которая у детей вызывается неправильным вскармливанием: в 1946 г. – 284 случая, в 1947 – 564 случая – почти в 2 раза!²⁹ Так же резко увеличивается заболевание коклюшем, малярией, туберкулезом легких, ветряной оспой, дизентерией, в том числе у детей до 2-х лет (1946 г. – 88 случаев; 1947 г. – 321 случай; 1948 г. – 628 случаев), сыпным тифом, бруцеллезом (1946 г. – 37 случаев; 1947 г. – 236 случаев; 1948 г. – 693 случая)³⁰. Что могло заставить матерей неправильно вскармливать детей? Что могло заставить людей есть мясо и пить молоко больных бруцеллезом животных? Вопросы риторические.

На сегодняшний день не все документы

открыты для общественности. И все-таки с уверенностью можно сказать, что за Великую Победу и восстановление народного хозяйства народ заплатил очень высокую цену. Потери могли быть значительно меньше, если бы Коммунистическая партия за своими высокими идеалами видела человека, с его потребностью в нормальном существовании и в счастье.

Приложения

¹ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993; Кн. I. С. 88.

² *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 годов // Отечественная история. 1993. № 1; *Он же.* Второе раскулачивание (Аграрная политика 40-х – начала 50-х годов // Отечественная история. 1994. № 3; *Попов В.П.* Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. *Анисков В.Т.* Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М., 2003.

³ «Волга» № 170, 27 августа 1946 г.; ГАСД АО, ф. 325, оп.3, д. 2.

⁴ ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, д. 3, л.

⁵ ГАСД АО ф.325, оп. 3, д. 3, лл. 172, 175.

⁶ Там же, л. 181. Там же, л. 256.

⁷ *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск. 2000. С. 219.

⁸ ГАСД АО ф. 325, оп.3, дело 4, л. 2. 1 3 . Там же, л. 7. Там же, л. 7. Там же. Там же, л. 275.

⁹ ГАСД АО, фонд 325, оп. 3, д. 24, л. 124.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАСД АО, фонд 325, оп. 3, д: 51, л. 319.

¹² Там же, л. 328.

¹³ *Анисков В.Т.* Указ соч. С. 376. Там же. С. 379.

¹⁴ ГАСД АО, ф.325, оп. 3, дело 1, л. 38.

¹⁵ ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, дело 1, лл. 228–229.

¹⁶ Там же, л. 231.

¹⁷ ГАСД АО, фонд 325, оп. 3, д. 5, л. 76.

¹⁸ ГАСД АО, фонд 325, оп. 3, д. 1, л. 133; *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 379.

¹⁹ ГАСД АО, фонд 325, опись 3, дело 6, л. 27.

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1954. Изд. 7-е. Ч. III 1930–1954. М., 1954г., с. 495.

²¹ РГАЭ, ф. 9476, оп. 1, д. 153, л. 31.

²² *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 годов. С. 49. «Волга». № 228, 17 ноября 1946г.

²³ ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, д. 3, л. 281.

²⁴ ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, д. 2, л. 202.

²⁵ ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, д. 52, л. 235.

²⁶ ГАСД АО, ф. 325, оп. 3, д. 82, л. 61.

²⁷ *Исупов В.А.* Указ. соч. С. 219.

²⁸ *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 годов. С. 35.

²⁹ ГААО, ф. 3372, он. 1, дело 27, л. 5, дело 28, л. 1.

³⁰ ГААО, ф. 3372, оп. 1, дело 24, лл. 5–27; дело 28, лл. 1–29; дело 30, лл. 5–29.

В мире новостей

● Городской реестр недвижимого культурного наследия и историко-культурный опорный план Москвы будут созданы в ближайшее время. В реестр будет внесена информация о памятниках, архитектурных ансамблях, достопримечательных местах, земельных участках, имеющих особое историко-культурное значение. В него войдут объекты, признанные памятниками федерального, регионального или местного значения, попавшие в список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Одновременно с городским реестром недвижимого культурного наследия будет создан историко-культурный опорный план Москвы, в который войдут нанесенные на карту сведения о границах, режимах содержания и использования объектов, зарегистрированных в горреестре недвижимого культурного наследия (Интерфакс).

А.И. Бройдо

Этнопсихологические факторы абхазского сопротивления в вооруженном конфликте 1992—1993 гг.

Геополитические изменения последних десятилетий стимулировали процесс возрождения различных пластов национальной культуры народов бывшего СССР. При всей положительности этого явления, преумножающего общечеловеческое культурное богатство, нельзя не отметить, что стихийный этнический ренессанс зачастую приводит к столкновению интересов различных народов, осложнению межкультурного диалога, возникновению экстремизма.

Наиболее активно эти процессы происходили и происходят на Кавказе, ставшем самым взрывоопасным регионом постсоветского пространства. Между тем возможность предупреждения новых и урегулирования текущих конфликтов зависит прежде всего от широкого воспитания толерантности в российском обществе, особенно в среде подростков и молодежи. Статья 14 Закона Российской Федерации «Об образовании» гласит, что «содержание образования должно способствовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов». В этом аспекте сложно переоценить важность изучения национальной истории кавказских народов, их культурных и ментальных особенностей. Весьма актуальным представляется и предпринятое нами исследование этнопсихологических особенностей, проявленных абхазами в ходе вооруженного противостояния 1992–1993 гг.

Анна Ильинична Бройдо – аспирантка кафедры отечественной истории Карачаево-Черкесского государственного университета, г. Карачаевск.

Несмотря на драматические события социальной и политической истории, во многом совпадающие с судьбой других кавказских народов, абхазы сохранили устойчивое самосознание, этнокультурную систему Апсуара, индигенные религиозные представления, уникальный язык – лингвореликт Западного Кавказа. В период распада СССР общие процессы этнического возрождения, а также протест против почти вековой политики этноцида, осуществлявшейся в отношении Абхазии со стороны Грузии, обусловили возникновение в республике очага напряженности. В 1992–1993 гг. попытка Республики Грузии решить проблему военным путем поставила под угрозу не только возможность самостоятельного развития, но само существование абхазского народа на этнической карте мира. Между тем абхазы, поддерживаемые практически всеми национальными общинами республики, сумели, обретя духовную опору в глубоких слоях национальной ментальности, одержать победу в заведомо безнадежной войне.

Не подлежит сомнению, что с точки зрения объективной реальности, победа абхазов в войне 1992–1993 гг. – феномен труднообъяснимый. Неожиданность нападения, несоразмерность сил противоборствующих сторон, поддержка действий противника со стороны ООН и большинства международных организаций, неоднозначная позиция руководства Российской Федерации – фактически грузинский блицкриг был обеспечен.

Таким образом, феноменальность абхазского сопротивления заключается не только в скорости его возникновения и организации, но и в самом его наличии. Нам представляется, что в пограничной ситуации,

обусловленной недвусмысленной угрозой физического уничтожения, лучшая часть этноса испытала катарсис, вырвавший из глубин подсознания наиболее яркие формы национальной ментальности. Традиционные модели поведения, казалось, давно ушедшие в прошлое, предоставили абхазам конца XX в. социальные предписания действий в чрезвычайной ситуации. Именно безнадежность сопротивления парадоксальным образом стала причиной не только начала противостояния, но и необъяснимой для стороннего наблюдателя непоколебимой веры абхазов в победу.

История человечества показывает, что в кризисные моменты нация начинает поиски духовной опоры в пластах собственной культуры, апеллируя к вековым нравственным установкам. Анализируя этнопсихологические факторы абхазского сопротивления, мы проследили, что на его возникновение, стойкость и успешность в наибольшей степени повлияли установки этнокультурной системы Апсуара и советской патриотической пропаганды.

Их императивность объясняется особенностями абхазской политической истории. Геополитическое расположение «ключа к Кавказу» на протяжении веков делало территорию Абхазии местом ожесточенных сражений, противоборства великих держав. Ее народ, не представлявший интереса для колонизаторов, гибнул в боях и карательных экспедициях, не раз переживал этнические чистки и депортации. В последние годы в республике значительно возрос интерес к собственной истории, ее урокам. Усвоив их, абхазы конца XX в. отчетливо сознавали: поражение в войне положит конец существованию народа на этнической карте мира. Тем не менее, абхазы приняли решение о начале вооруженной борьбы, то есть пошли на смертельный риск с ничтожной перспективой успеха. Мы полагаем, что этот отчаянный выбор был обусловлен национальными нравственными установками, выраженными в системе Апсуара.

Патриотизм - Апсадгыл бзиабара – является одной из основ национальной ментальности. Эти мотивы ярко прослеживаются еще в эпических сказаниях о Нартах и герое Абрскиле, охранявшем родину от вражеских набегов, пословицах и поговорках. Характерно, что темой народных геро-

ических песен практически никогда не становился удачный набег: только доблесть, проявленная при защите сородичей, считалась величайшей добродетелью мужчины-воина. Закономерно, что в обществе, где война была регулярной функцией народной жизни, был чрезвычайно развит культ непотизма – Афырхацара, прославляющий героев, готовых отстоять родину и свободу даже ценой собственной жизни. У абхазов существовало деление смерти на «хорошую» и «плохую». «Плохой» считалась смерть от старости или болезни, «хорошей» – доблестная смерть в бою, ради высокой цели, такой смерти завидовали, ее не боялись, но искали. Отметим, что эти установки обусловили немало примеров высокого мужества и самоотверженности в ходе противостояния 1992–1993 гг.

Примечательно, что в Абхазии фактически отсутствовала государственная мобилизация. Каждый ополченец делал свой выбор индивидуально, руководствуясь собственной совестью, традиционной ответственностью перед родом – Ажьра-цвара и народом – Аидгылара. Решение вступить в смертельную борьбу оценивалось и как соответствующее представлениям о неразрывной связи поколений, преемственности традиций – Аамтазикучтра, угодное предкам, чьей славной памяти они не посрамили.

В основе отмеченной выше иррациональной веры абхазов в победу, лежит, на наш взгляд, феномен Адинхацара – синкретного комплекса абхазских религиозных представлений. Своеобразие Адинхацара заключается в гармоничном сочетании автохтонной религии, христианства и ислама. Хотя эти представления не отличаются устойчивостью и стройностью, большинство современных абхазов являются глубоко, пусть и не всегда осознанно верующими людьми, постоянное ощущение присутствия высших сил присуще абхазской повседневности.

Характерной чертой национального менталитета является убеждение, что сама земля Абхазии – удел, приготовленный Всевышним для себя. Он отдал ее абхазам в награду за нравственное поведение, выразившееся в безукоризненном выполнении долга гостеприимства – при условии, что они и впредь будут чтить предписания Апсуара и защищать ее от завоевателей. Согласно

представлениям абхазов, вся история человечества предопределена свыше, проявлением божественного гнева стала и война 1992–1993 гг. Ее причиной, по мнению абхазов, стало недостойное поведение переселенцев из Грузии, осквернивших святость абхазского гостеприимства – Асасра. Поэтому участие в войне воспринималось как своеобразный крестовый поход за восстановление справедливого миропорядка. Должное исполнение сурового долга возмездия, по убеждению абхазов, обеспечивало им поддержку высших сил. В собранном нами полевым материале имеется значительное количество сведений и легенд о проявлении такой поддержки, которые лучше любой организованной пропаганды укрепляли решимость воинов, что в свою очередь, сказалось на исходе войны. Характерно, что с вмешательством высших сил абхазы связывали и появление в критический момент такого выдающегося национального лидера, как В. Г. Ардзинба.

Известный отечественный этнолог В. А. Тишков в фундаментальном труде, посвященном чеченской войне, отмечает, что в подобного рода вооруженных столкновениях, «когда оба аргумента (борьба с врагом и защита) совпадают, происходит полное оправдание насилия в любой его форме»¹. Между тем, материалы наших исследований, официальные документы и сообщения представителей международных гуманитарных организаций, работавших в зоне конфликта, подтверждают, что абхазы сознательно стремились к соблюдению в ходе военного противостояния нравственных норм и правил. Свои поступки они оценивали как с точки зрения общечеловеческих ценностей, так и с позиций Ауаюра – одной из категорий Апсуара, которая понимается как уважительное, гуманное, достойное отношение к личности другого человека, выведенное за рамки национальной принадлежности. В части воинского этикета Ауаюра предписывала неукоснительное соблюдение принципов чести. Недопустимым считалось убийство врага из-за угла, в спину, спящего; жестокое, унижающее человеческое достоинство обращение с пленными. Насилие в отношении женщины или ребенка не допускалось ни при каких обстоятельствах. Традиция требовала уважительного отношения к телам погибших, их достой-

ного погребения, причем это распространялось и на тела убитых врагов. Парадоксально, но выполнение этих, очевидно архаичных для наших дней норм, отмечалось нами даже в тех случаях, когда подобное благородство явно влекло за собой опасность или даже гибель воина. Безусловно, имели место и факты попрания Ауаюра, однако – пусть кратковременные, пусть целесообразные – они всегда негативно оценивались окружающими. Атмосфера ожесточения, нетерпимости, дискриминации по национальному признаку, неизбежная в условиях войны, вызывала у абхазов тяжелые моральные переживания. Несмотря на то, что у абхазов широко бытует представление о коллективной ответственности, в обществе присутствовала жесткая установка: «Мы воюем с грузинской армией, но не с грузинским народом».

Итак, еще одним феноменом войны 1992–1993 гг. можно считать соблюдение абхазами, несмотря на всю ожесточенность противостояния, традиционного всаднического этикета, рыцарских методов ведения войны, отвечающих нормам современного международного гуманитарного права. Нам представляется, что причиной этого, порой иррационального поведения, послужило экзистенциальное стремление абхазов обрести нравственное превосходство перед очевидно превосходящим противником: «таковы свидетельства человеческого достоинства в той войне, где человек обречен на поражение»². Таким образом, абхазское мужество обреченных придало особый смысл этой войне – если не за физическое сохранение народа, то хотя бы за сохранение его национального достоинства.

Особого внимания заслуживает изучение влияния на этнопсихологию абхазов войн советского периода, закрепленных широкой и грамотной системой государственной патриотической пропаганды. Наши полевые наблюдения свидетельствуют, что опыт Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Национально-освободительной войны 1936–1939 гг. в Испании, войны в Афганистане 1980-х г. не только органично вошел в абхазский военный обиход, но и послужил, олицетворяя собой преемственность воинской славы поколений, инструментом консолидации этноса в критический для его выживания момент.

Психологически отождествив себя с «советскими воинами-освободителями», абхазы переняли в свой военный обиход значительное количество культурологических маркеров Великой Отечественной войны. Исключительно интересна история подпольного партизанского отряда «Мститель», действовавшего в оккупированном грузинскими войсками Сухуми на основе почти дословного следования тексту романа А. А. Фадеева «Молодая Гвардия». Совершенно естественно было воспринято решение Армянского батальона присвоить себе имя маршала Советского Союза И. Баграмяна. В повседневный солдатский лексикон органично, сохраняя совершенно определенную эмоциональную окраску, вошли такие многозначные и многоплановые слова-образы, как «комбат», «сестричка», «высота». В средствах массовой информации и повседневном обиходе широко использовались такие сравнения, как «город Ткварчал – это абхазский Ленинград» или «сожженное армянское село Лабры – это абхазская Хатынь». Героические погибших воинов односельчане хоронили у памятников жителям села, павшим в Великой Отечественной войне. Образный ряд середины прошлого века отчетливо прослеживается и в облике боевых наград Республики Абхазия.

Широкое участие в войне на стороне абхазов интернациональных добровольческих отрядов не могло не вызвать значительного количества ассоциаций, связанных с «испанской» войной 1936–1939 гг. Нами также зафиксированы в абхазском воинском фольклоре заметные следы влияния субкультуры, сложившейся в 80-е годы среди воинов ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Таким образом, психология этноса, обладая комплексом устойчивых форм, в то же время представляет собой живой, непрерывно развивающийся организм, открытый веяниям времени, активный и пластичный. Очевидно, что формирование этнопсихологии абхазов не завершилось одновременно с формированием абхазского эт-

носа. Между тем, характерно, что в коллективный опыт и сознание народа органично входят только те символы и моральные нормы, которые обладают социально ценным характером, приобретая при этом отчетливую национальную окраску.

Характерный для последних десятилетий натиск глобализма, унифицирующего национальные особенности, заставляет человечество пересмотреть прежние представления о прогрессе и отсталости в контексте этнических культур. Народы, сумевшие сохранить самобытную культуру, религию, язык, уже не считаются «нецивилизованными», традиционность их образа жизни является предметом тщательного изучения со стороны «молодых» наций. Победа абхазов в войне 1992–1993 гг. не только обеспечила физическое выживание этноса, но показала, что национальное самосознание и в наши дни продолжает оставаться стержнем его этнического развития, показателем и залогом жизнеспособности народа.

Этот драматический опыт заслуживает внимательного изучения – в том числе и в контексте российской национальной политики. Не случайно Президент РФ В. В. Путин, обращаясь к участникам Всероссийской Конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук в июне текущего года, подчеркнул: «В условиях современного, довольно противоречивого мира... необходимо видеть роль России в мире и понимать мотивы действий тех или иных общественных систем, государств, политиков. Без этой базы нам невозможно ни укреплять страну, ни развивать ее»³.

Примечания

1 Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 359.

2 Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М., 1990. С. 287.

3 Российская Федерация сегодня. 2007. № 18. С. 30.

Р.М. Барцыц

Раннехристианские сооружения в Абхазии

Согласно церковному преданию, семена первоначального христианства были занесены в Абхазию – Удел Богородицы, то есть, на землю, выпавшую по жребию для Евангельской проповеди самой Св. Марии, еще в I в. от Р.Х., Св. Апостолами Андреем Первозванным и Симоном Кананитом. К. Кудрявцев подчеркивал, что, «по преданиям византийской церкви, абхазы были одним из первых, если не первым народом на Кавказе, услышавшим и начавшим принимать христианское вероучение»¹. Совпадение желания народа и правящей верхушки Абхазии сменить автохтонную политеистическую религию на более универсальную и прогрессивную веру, при учете уровня этнокультурного развития абхазов, создавали благоприятные внутренние, духовные условия для появления христианства в Абхазии на его ранней стадии распространения.

Одним из мест широкого распространения раннего христианства на территории Восточного Причерноморья является и мыс Пицунда. На его территории археологическими раскопками выявлены самые древние на Кавказе христианские церковные сооружения, одно из которых служило резиденцией епископа Пицундского Стратофила, участника Первого Вселенского Собора в 325 г. Наличие крупного епископата и авторитет его главы, отмеченный в иерархических списках Собора, свидетельствует о признанности и устойчивости христианской религии на абхазском побережье уже в начале IV в.

Руслан Михайлович Барцыц – директор Пицундского государственного историко-архитектурного заповедника «Великий Питуунт» (г. Пицунда), аспирант кафедры отечественной истории Карачаево-Черкесского государственного университета, г. Карачаевск.

IV–X вв. стали временем интенсивного возведения христианских культовых сооружений на мысе Пицунда. Только на территории Пицундского городища IV–V вв. выявлены фундаменты четырех разновременных памятников церковного зодчества, а по всему мысу их насчитывается более десятка. Христианские памятники найдены как в самом центре, так и в окрестностях Пицундского мыса: двухапсидная церковь VI в. в с. Алахадзыхь и храм в с. Лдзаа (VII в.). Широкое расположение памятников на территории свидетельствует не только о массовом распространении новой веры среди местного населения в ранневизантийскую эпоху, но и об его активном участии в создании данных архитектурных сооружений с использованием византийской строительной техники.

Храм X в. в Пицунде, замечательный культурный памятник зрелого Средневековья, занимает главенствующее положение среди церковных сооружений мыса. Ф. Дюбуа де Монперэ, посетивший Пицунду в 1833 г., восхищенно восклицал: «Вот я перед лицом одной из самых грандиозных, самых живописных руин, какие только когда-либо я знал. Мне говорили об этом здании с восхищением, превзошло мое ожидание...»² В его заметках содержится ряд ценных сведений научного значения: типологическая характеристика памятника, размеры и особенности строительного материала. Заслуживает особого внимания его описание храмовой фресковой живописи XIV–XIX вв., варварски уничтоженной при ремонтно-реставрационных работах 1869 и 1975 гг.

К счастью, архитектурный облик Пицундского храма сохранился в перво-

зданном виде до наших дней: крестовокупольный, трехнефный, с тремя выступающими полукруглыми абсидами с восточной стороны. Стены – образец ярко выраженного византийского стиля: чередование рядов известняковых блоков с кирпичными поясами, выложенных на известковом растворе. Храм обладает уникальными акустическими свойствами. Исследования и раскопки прилегающей к памятнику территории убедительно свидетельствуют, что территория храмового комплекса в целом являлась местом расположения нескольких церквей ранневизантийской эпохи – раннего Средневековья (IV–X вв.). При этом в ряде случаев они сооружались из строительного материала, заимствованного из стен и фундаментов более древних культовых сооружений. В 2006–2007 гг. при активной поддержке руководства Республики Абхазия Государственным историко-архитектурным заповедником «Великий Питиунт» были проведены значительные по объему раскопки, давшие чрезвычайно интересный археологический материал, заслуживающий внимательного изучения и позволяющий изменить некоторые устоявшиеся в научном обиходе мнения, в частности, в части первоначальной архитектуры храма и датировке ряда построек, расположенных на территории комплекса.

Согласно ряду церковных источников, первоначально Пицундский храм был посвящен Пресвятой Деве Марии, между тем, по сообщению Ф. Дюбуа де Монперэ, среди старожилов «многие утверждали, что эта церковь была воздвигнута на том месте, где Св. Андрей начал проповедовать христианство, а другие думали, что он сам его и построил».³

Добровольное присоединение Абхазии к России в 1810 г. имело решающее значение в жизни края. Со второй половины XIX в. целая плеяда русских историков, археологов, этнографов изучают историю и культуру Абхазии. Весьма любопытное, хоть и краткое описание местных архитектурных памятников, в том числе и Пицундского храма, дал профессор Нордман, посетивший Абхазию в 1838 г. Известная путешественница

П. Уварова одна из первых археологически изучила некоторые памятники церковного зодчества – в частности, церкви в с. Бзыбь и с. Алахадзыхь. Христианскими сооружениями мыса Пицунда интересовался и А. Дьячков-Тарасов. В. Чернявский в своей записке о древних памятниках западного Закавказья к V археологическому съезду в Тифлисе в 1881 г., подробно останавливается на церковных сооружениях Пицундской низменности. Интересны его замечания об отношении местного населения к своим христианским постройкам – как до завоевания Абхазии Султанской Турцией, так и в последующее время. Характерно, что, по его свидетельству, жители окрестности Пицунды считали себя «монастырскими крестьянами» даже тогда, когда в христианских храмах была прекращена церковная служба, часто приходили к церкви, чтобы помолиться или принять клятву. Предметы церковной принадлежности они берегли как священные, однако впоследствии, с появлением в этих местах гарнизона царской армии, реликвии постепенно были навсегда утеряны. Именно В. Чернявскому принадлежит первое сообщение об огромных свитках, лежавших в монастыре Бзыбского ущелья, по его предположению – части древней библиотеки Пицундского патриархата, существовавшего в течение двенадцати веков.

Среди других церковных сооружений мыса Пицунда особый интерес вызывают две базилики, расположенные недалеко одна от другой в с. Алахадзыхь. Расположенная севернее малая церковь была частично расчищена П. Уваровой в 1886 г. Поскольку от нее сохранились южная продольная стена, абсиды с восточной стороны и другие детали, назначение малой базилики определилось без особых сложностей и исследовательских работ. Однако от стоящей южнее большой базилики сохранились только фрагменты западной стены, поэтому только после проведения полной расчистки в 1971–1972 гг. выяснилось, что это руины большой базилики ранневизантийской эпохи, отличающейся от «малой» церкви не только размерами, но и типологическими архитектурными особенностями.

«Малая» церковь трехнефная, трехабсидная, наружная форма апсид круглая. Между тем у «большой» базилики имеется одна семигранная абсида, а основная часть сооружения разделена на три нефа столбами-устоями в два ряда, что характерно для памятников IV–VI вв. Таким образом, не исключено, что эта базилика была возведена в эпоху Юстиниана Великого, ознаменовавшую массовым распространением христианства в Абхазии.

В 1925 г. археологические изыскания на мысе Пицунда проводил профессор А. Башкиров. На территории с. Лдзаа он отметил два пункта с развалинами древних храмов. Один из них – одноабсидный, сравнительно небольших размеров, сложенный из морского конгломерата. Старожилы Лдзаа сообщили Башкирову, что эти руины являются лишь деталью крупного комплекса сооружений, который окружал указанный храм.

Надземная часть второго храма сохранилась лишь фрагментарно. Однако Башкиров полагает, что он был трехабсидным, значительных размеров и, вообще, «из лучших», о чем свидетельствовали хорошо обработанные детали камня, использование в кладке кирпича, хорошая черепица кровли (4).

Стационарные археологические исследования предположительно одного из вышеописанных памятников начались лишь в 1990 г. в результате повторного обнаружения, во время земляных работ, частично разрушивших памятник. В результате раскопок 1990, 1995, 1999 и 2007 гг. была раскрыта северо-восточная часть храма. Северная сторона прослеживается на протяжении 24 м. Прилегающая к храму территория в радиусе 200 м усеяна обломками черепицы и глиняных сосудов, что указывает на наличие других построек. Осмотр грунта, потревоженного техникой, дал обширный материал из серебра и бронзы. Обнаружено и раскопано более 20 захоронений христианского типа. Интересными представляются два мужских погребения с использованием вторичного обряда захоронения (в одном из них обнаружен сосуд из стекла),

а также женское захоронение, с золотой диадемой, серебряными подвесками-колтами, перстнем, ножиком, иглой и другими предметами. Это захоронение расположено внутри храма и относится к дохристианскому периоду, что позволяет предположить его появление до сооружения христианского храма. Не исключено, что этот храм был возведен на месте древнего женского святилища с. Лдзаа. По раскопанному материалу можно предположить, что он относится к культовым сооружениям раннего периода – ориентировочно IV–V вв., тем более, что некоторые предметы (украшения, стекло) датируются II–IV вв.

Еще одна примечательная церковь раннесредневековой эпохи (предполагаемая датировка: конец V – начало VI в.) расположена на берегу моря, на территории основной рощи южнее Пицундского городища. Полностью этот археологический памятник был исследован в 1956–57 гг. Архитектурное решение здания весьма оригинально: двухабсидная церковь прямоугольной формы (общая площадь 215 кв.м), с шестью входами со всех четырех сторон. Абсиды, имевшие снаружи по пять граней, должны были сообщаться дверными проемами. Стены здания в средней части оформлены пилястрами, на одной линии с ними, в центре, стоял мощный столб. Переходящие от него своды делят сооружение на две равные части, имеющие свои самостоятельные нефы и абсиды с востока, что выглядит как две церкви, соединенные единым. Типология этой церкви не имеет прямой аналогии на Кавказе. Исследователями высказывались предположения, что такая церковь могла быть посвящена двум святым или служить двум мученикам либо императору и его супруге в качестве парной усыпальницы.

Стены храма обрушились вовнутрь, их сохранившаяся высота около 1,5 м. Они были выложены преимущественно блоками морского конгломерата, оштукатурены раствором розоватого цвета, а для оформления углов были использованы большие фигурные кирпичи, выложенные на толстом и прочном известковом растворе. Вскрытые

фундаменты выступали с обеих сторон на 20-40 см. Пол церкви был покрыт гидравлическим раствором, лежавшим на забутованном и натрамбованном грунте. Пол абсид несколько вышел от общего пола сооружения.

Пицундское городище-крепость, входящее в систему Византийских прибрежных фортификационных сооружений и коммуникаций, вероятно, служило местом расположения центрального командования этой группы гарнизонов. В пользу этого предположения говорит размер крепости, наличие в ней претория (внутренней крепости общей площадью более 6 га, а также значительное количество культовых сооружений. Археологические исследования городища, проводящиеся с 1952 г., дают значительный историко-архитектурный материал: «в полукруглой части крепости-городища раскопки открыли большую, длиною в 27 метров базилику эллинистического типа, конца V – начала VI в. Базилика трехнефная, с нартексом: нефы разделялись столбами (а не колоннами), поддерживавшими, вероятно, деревянное стропильное перекрытие. К базилике примыкал мавритий, а с юго-восточной стороны храма находилась крещальная с мозаичным полом, рисунок которого характерен для раннесредневекового искусства, византийского Востока – Сирии и Палестины, с которыми Восточное Причерноморье тогда было тесно связано. Возведение обширной базилики и других храмов, маврития и крещальни, скорее всего,

связывать с тем, что район Питиунта IV–V вв. являлся средоточием церковной жизни края. Следует заметить, что упомянутый мозаичный пол, площадью в 60 кв. м, выполненный местными мастерами из камешков-кубиков двенадцати цветов, является одним из самых древних на Кавказе, и относится к шедеврам древнего искусства, имеющим мировое значение.

Таким образом, с IV по X в. Пицунда являлась одним из центров христианской религии и культуры не только Абхазии, но и всего Кавказа. Начиная с VI в., Пицунда выступает в качестве храмового города, места массового паломничества верующих, по сей день сохраняя значение крупного религиозного центра Восточного Причерноморья.

Примечания

¹ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1926. С. 68.

² Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, в Армении и в Крыму. Сухуми, 1937. С. 187-189.

³ Там же. С. 215.

⁴ Башикиров А.С. Археологические изыскания в Абхазии 1925 года // Известия АБНО. Вып. IV. Сухум, 1926. С. 24.

⁵ Яковсон А.Л. О дате большого храма в Пицунде // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1972. Вып. 132. С. 38-48.

В мире новостей

- Австралийский археолог Элис Горман предложил заранее позаботиться о сохранении артефактов нашей эпохи. Космические ведомства всех стран заявляют, что орбитальный мусор нужно уничтожить, а археолог предлагает сделать его частью всемирного наследия. Сейчас на орбите находится более 9000 объектов искусственного происхождения. Две трети из них – хлам, который представляет угрозу для людей и техники. Но такие символы эпохи, как спутник Vanguard 1, находящийся в космосе с 1958 г., следует сохранять, считает Горман. В следующем году доктор Горман собирается озвучить свою идею на Всемирном археологическом конгрессе. Советник бюро ЮНЕСКО в России Мариус Лукошюнас с ней не согласен: «Конструкции, представляющие культурный интерес, можно выставлять в музее. Но оставлять на орбите отходы жизнедеятельности, которые могут помешать дальнейшим исследованиям в космосе, явно не лучшая идея».

З.И. Батюкова

Некоторые аспекты истории развития международных исследований в образовании

Различные зарубежные авторы называют разные даты появления международных исследований в образовании, являющихся качественно новым направлением в педагогических исследованиях систем образования в мире, их состояния и тенденций развития. Но все едины в оценке периода 1960-х гг., когда волна реформирования школьного образования прокатилась в индустриально развитых капиталистических странах.

Идеи о всеобщем образовании высказывал еще Ян Амос Коменский (1592–1670). Он утверждал равное право на образование для всех, выдвинув призыв: учить всех всему. Коменский разрабатывал план всестороннего преобразования человеческого общества через унификацию знания и его распространение с помощью совершенной школьной системы под руководством некой международной академии.

Первую попытку масштабного международного обследования в образовании предпринял Марк-Антуан Жюльён (1775–1848). Им был разработан «стандартизированный» опросник, содержащий 266 вопросов, часть из них была опубликована в «Педагогическом журнале» в 1816 и 1817 г., там же был указан адрес, куда следовало присылать ответы. Опросник (перечень вопросов) основывался на идее рассмотрения образования «с трех точек зрения»: 1) его предмет – человек; 2) его цель –

счастье; 3) его инструмент – время. Работа осталась незавершенной. Понятно, что одному человеку было невозможно обработать такое большое количество информации. Усилия Жюльена не пропали, его идеи воплотились в середине XX в. в новой области – в сравнительной педагогике.

Отдельные этапы развития научных исследований в образовании представлены в работе Г. Ландшира «История исследований в образовании» следующим образом. Исследования в образовании как предмет изучения на основе эмпирической базы данных первоначально были известны как «экспериментальная педагогика». Этот термин был использован по аналогии с «экспериментальной психологией». В исследованиях в области образования были выделены четыре направления:

- движение по изучению детей, где исследования в образовании ассоциировались с прикладной детской психологией;
- новое образование или прогрессивное движение;
- движение научных исследований с первоначально позитивистским подходом;
- движение гуманистических исследований, которое возникло с 1960-х гг. и использовало методы исследования, задействованные в социологии, антропологии, политике, истории, философии и лингвистике.

Специалисты в области оценочных исследований, они называют себя «оценщиками» (evaluators), называют шесть этапов в истории развития сравнительных исследований:

- эпоха реформ (1800–1900);

- эпоха тестирования и выявления эффективности школ (1900–1930);
- тейлорианский этап (1930–1945);
- этап зарождения (1946–1957);
- этап экспансии (1958–1972);
- этап профессионализации (1973–1990).

Мы полагаем, что основные этапы в международных исследованиях можно представить следующим образом:

- время идей (Ж.Жюльен, Я.Коменский);
- эпоха описаний (М.Сэдлер, К.Д.Ушинский, Л.Н.Толстой, Н.К.Крупская и другие);
- эпоха конкретных действий по созданию международных организаций в области образования: 1925 г. – Международное бюро просвещения в Женеве; 1940-е гг. ЮНЕСКО; 1960-е гг. –Международная ассоциация исследователей в образовании и другие; 1990-е гг. научный центр Организации содружества экономически развитых стран, Мировой Банк.

Началом крупных исследований в образовании можно считать восьмилетнее исследование, проведенное в США под руководством Р.В.Тейлора. Концепция восьмилетнего исследования выросла из желания людей, ассоциированных в Прогрессивную Ассоциацию по Образованию (Progressive Education Association), осуществить фундаментальную реконструкцию американской средней школы. Основанная в 1919 г. группой родителей и учителей, связанных с экспериментальными школами, организация первоначально направляла свои усилия на внедрение изменений в обучение в начальной школе. Решение, принятое на ежегодном совещании в 1930 г. сфокусироваться на старшей школе, частично отражало возросшее влияние профессиональных педагогов и желание активнее распространять прогрессивные идеи в образовании. Руководители исследования были озабочены тем, что в учебных планах и программах почти всех американских школ доминировали курсы по подготовке в колледжи, хотя только один из шести окончивших старшую школу поступал в колледж. «Прогрессивисты» понимали, что делая упор на подготов-

ку в колледжи, школы не обеспечивают значительного обучающего опыта для наибольшей части школьников, формальное образование которых заканчивается старшей (средней) школой.

Исследования в образовании были сфокусированы на рациональном управлении обучением и продвинуло развитие нового учебного плана и учебных программ, психологическое тестирование, административные обследования (школьной посещаемости, пропуски и степень провалов и т.д.), и обследования в нормативных достижениях. Вместе с тем, во второй период (1930 г. и конец 1950-х гг.) строго научный подход к образованию потерял свой импульс, предоставив место, практически во всех развитых странах, для более философски ориентированного и инновационного «прогрессивизма».

В 1960–1970 гг. отмечается «взрыв знаний» и исследования в образовании вскоре оказались под влиянием его динамического развития. В США, озабоченных вызовом технологического преимущества СССР (его успехами в области освоения космоса) и будучи экономически богатыми, государственные и частные агентства оказывали значительную финансовую поддержку исследования в образовании. Подобное отношение к педагогическим исследованиям наблюдалось и в других развитых странах. В течение 1960-х гг. компьютерные технологии добавили новое «измерение» исследованиям в образовании, что привело к применению сложных экспериментальных построений и массовых национальных и интернациональных исследований, поскольку сбор и анализ данных больше не лимитировался временем на расчеты, как в докомпьютерную эру. Стали развиваться новые решения и идеи по поводу обработки результатов, полученных в исследованиях, которые позволили использовать мультивариантный анализ результатов обучения и вводить математическое и причинное моделирование с целью предвидения и объяснения образовательных проблем.

В 1950–1960-е гг. в образовании стало выделяться специальное финансирование

во многих индустриальных странах в связи с появлением большого числа учительских колледжей и педагогических школ в университетах. Затем в связи с уменьшением числа учащихся в школах и ухудшением общей финансовой ситуации в развитых странах были уменьшены расходы на исследования в образовании; 1980-е гг. рассматривают как кризисный период для исследований в образовании во многих странах. В 1990-е гг. многие исследования в образовании проводились в университетах, их результаты публиковались в специальных журналах; широкая печать не уделяла этому достаточно внимания.

Первое международное кросс-национальное исследование проводилось под руководством Института ЮНЕСКО в Гамбурге. Это было двухгодичное пилотное исследование (1959–1961), охватившее по одной тысяче 13-летних детей в каждой из 12 стран-участниц (Швеция, ФРГ, Франция, Англия, Нидерланды, Бельгия, Югославия, Польша, Япония, Австралия, Новая Зеландия, США).

Целью этого «разведывательного» исследования стала разработка единого исследовательского инструментария, который мог стать общим для выявления обученности школьников в разных странах. При этом ставилась цель выявить возможности для сбора и обработки полученных результатов едиными статистическими методиками, соответствующими поставленным педагогическим задачам.

Тестовые задания включали отдельные темы по математике, естествознанию, географии и чтению. Также были включены так называемые «культурно-свободные» тесты («culture-free») на тему «культурной свободы» и невербальные тесты. Наибольшие национальные различия были обнаружены в тестах «culture-free». Очень хорошо переведенные тесты по чтению показали незначительные кросс-национальные различия.

Широко известная в области международных исследований – ИЕА – международная ассоциация исследователей мирового образования была учреждена в Стокгольме

в 1957 г. и с тех пор стала, возможно, наиболее влиятельной негосударственной международной организацией в сравнительных исследованиях школьного образования. Она проводит сравнительные исследования по различным аспектам достижений в обучении в разных странах. Начиная с 1960 г. страны по собственному желанию финансируют и участвуют в сборе огромного числа сравнительных данных о достижениях школьников в обучении, их отношении к обучению и внешкольных факторах. Международные исследования достижений в математике, естествознании, граждановедении и чтении, помимо всего прочего, повторяются последовательно в длительных исследованиях, результаты публикуются в форме докладов, монографий, доступны в Интернете, обсуждаются в широкой печати...

Шведский ученый Т.Хюсен полагает, что образование становится средством сравнения конкурентоспособности в международной практике и рассматривается экономистами как вложения в «человеческий капитал». Все эти обстоятельства вместе взятые дали толчок рождению и становлению сравнительного образования как области исследования.

Международные исследования в образовании получили широкое развитие в 1960-е гг. и как способ выявления конкурентоспособной рабочей силы на будущем мировом рынке труда. Тогда же появились экономические теории (Т.Шульц) о вложениях в «человеческий капитал», о роли образования в расцвете и прогрессе нации и мировой экономики. Об этом в 1961 г. Тед Шульц сделал свой исторический доклад на заседании Американской Экономической Ассоциации (American Economic Assosiation – investment in human capital).

Опыт участия России и других стран в международных исследованиях подтверждает его ценность для науки и практики. Ученые и практики, заинтересованные в новейших научных достижениях, пользуются исследовательскими процедурными и методологическими построениями, знакомятся с современными открытиями, расширяющими их познания, полезными для про-

фессионального роста. Распространение полученных знаний помогает в налаживании связей между представляющими национальные интересы группами путем включения их членов в национальные исследовательские подразделения Международной организации по оценке школьной успеваемости - ИЕА. Участие в международных исследованиях и использование измерительных инструментов, созданных в рамках ИЕА целым рядом педагогов-исследователей из разных стран мира (например, методы различных статистических анализов, выборки, построение тестов, сетки учебных программ, управление данными и т.д.), могут в конечном счете привести к созданию международной мировой модели программы образования.

Страны или системы образования принимают участие в международных сравнительных исследованиях, оценивающих успеваемость учащихся: во-первых, это достижение лучшего понимания систем образования. Поскольку нет абсолютных норм успеваемости, сравнительные исследования необходимы для информирования политиков и педагогов о качестве образования в различных

национальных системах. Таким образом, исследования способствуют выработке реалистичных нормативов в данной области, контролю за качеством работы школ. Второй довод состоит в том, что сравнительные исследования, в процессе которых сопоставляются школьная успеваемость и такие факторы, как учебные программы, объем времени, затрачиваемого на занятия, подготовка учителей, наполняемость класса, участие родителей и многое другое, также могут способствовать пониманию причин различной успеваемости учащихся.

В современной педагогической литературе разграничиваются два научных направления – международные исследования (некоторые авторы говорят о международной педагогике) и сравнительная педагогика.

Как записано в отчете ЮНЕСКО (1974), сравнительное изучение, по сути, представляет собой попытку перевести, насколько это возможно, отличительные особенности систем образования (стран) на язык определенных концепций (переменных). Во многих современных исследованиях просматривается четко осознаваемая образовательная или социальная проблема.

В мире новостей

- В Вашингтоне, в художественной галерее Артура Саклера проходит выставка «В начале: Библии первого тысячелетия». Впервые под одной крышей собраны свыше 70 бесценных древних рукописей и книг, позволяющих проследить, как распространялось по миру в первые века новой эры Священное Писание.

Свои сокровища для экспозиции предоставили 16 организаций и учреждений из 11 стран, включая Российскую национальную библиотеку (РНБ) в Санкт-Петербурге. Среди экспонатов – фрагмент знаменитых Кумранских рукописей, называемых также «Свитками Мертвого моря», написанный до 73 г. н.э. Рядом – листы из «кодекса Алеппо» и «Санкт-Петербургского Пятикнижия», выполненные в начале X в. рукой одного из знаменитейших переписчиков Торы. Три крошечных отрывка из Евангелия от Матвея были, возможно, начертаны еще при жизни евангелиста. Здесь же – древнейшие из дошедших до нас списков книг Моисеевых «Числа» и «Второзаконие», одно из самых ранних рукописных Евангелий на латыни, разворот листов из Синайского кодекса, старейшая Библия с иллюстрациями размером в полный лист.

Источник: Православие. ру.

А.В. Маланичева

Историческая личность и ее роль в развитии учебной мотивации учащихся

Одной из актуальных проблем современного российского образования является повышение уровня учебной мотивации учащихся. Данному вопросу посвящены различные исследования (В.Г. Асеев, В.И. Ковалев, И.Я. Лернер, А.М. Маркова, А.Б. Орлов, Д.И. Полтораки и другие), однако, общего решения или точки зрения в виду сложности и многогранности самого явления не существует. Мотивация определяет целенаправленность любой деятельности. Говоря о развитии учебной мотивации, мы имеем в виду, прежде всего, наличие внешних и внутренних мотивов об учения. Внешние мотивы существуют объективно и находятся в постоянной динамике. В своей преподавательской деятельности учитель должен их учитывать, чтобы создавать благоприятные условия для закрепления внешних стимулов. Однако непосредственной задачей учителя является развитие у учащихся внутренних мотивов, т.е. положительного отношения к учению, его познавательной стороне, которая бы удовлетворяла потребности личности. Именно внутренние, познавательные мотивы являются определяющими процесса развития учебной мотивации.

Он определяется целым рядом специфических для данной деятельности факторами: образовательной системой; школой, где осуществляется учебная деятельность; организацией образовательного процесса; субъективными особенностями учащегося; спецификой учебного предмета.

История – особый гуманитарный пред-

Анна Владимировна Маланичева – учитель истории и обществознания, аспирантка кафедры педагогики Барнаульского государственного педагогического университета.

мет, в большинстве тем которого находится историческая личность. Именно это обстоятельство определяет специфику преподавания данного предмета. Современное преподавание истории представляет собой набор фактов, в изучении которых учащиеся не видят практической значимости. В результате у них снижается интерес к данному предмету, а он, в свою очередь, служит необходимой предпосылкой обучения. Интерес учащегося к новому знанию, становится внутренним мотивом учебной деятельности, так как возникает желание расширять свой кругозор путем получения новой информации. Благоприятное влияние на развитие учебных мотивов оказывают разнообразные формы работы на уроке. Уроки истории, направленные на развитие учебной мотивации, построенные на основе изучения исторической личности выполняют все необходимые требования для развития устойчивой внутренней мотивации учения.

Под исторической личностью мы понимаем людей, с ярко выраженной индивидуальностью, оставивших значительный след в истории. Под индивидуальностью подразумеваются своеобразные черты, отличающие одного человека от другого, а личность – это, прежде всего, совокупность свойств, присущих конкретному человеку, составляющих его индивидуальность. При выборе исторической личности для изучения на уроке мы ориентируемся на учебный план, программы и учебники. Таким образом, на уроках изучаются правители, их окружение, военные деятели, люди, внесшие вклад в развитие культуры изучаемого государства или страны. В современных учебниках об исторической личности представлена минимальная информация, касающаяся главным образом даты рождения и смерти,

образования и политической деятельности. Биография исторического деятеля представляет собой описание не столько конкретизирующее личность, сколько ее социальные параметры, и повествуют не о судьбе в истории, а об основных вехах карьеры. На уроках истории мы практически не анализируем биографии известных людей. Именно историческая личность помогает учителю в развитии учебной мотивации, т.к. подразумевает новые формы и методы работы с историческим материалом.

На наш взгляд, исторический портрет является одной из наиболее эффективных форм работы с исторической личностью и одним из средств развития учебной мотивации. Под историческим портретом мы понимаем: биографические данные; характеристику исторической личности, оставленную ее современниками и потомками; описание уклада жизни, воспитания, полученного образования; политические взгляды, убеждения, мировоззрение; желания и намерения в преобразовании окружающей действительности. При организации работы на уроках истории с историческим портретом учитель имеет возможность представить материал в яркой эмоциональной форме.

Организация работы по изучению исторической личности дает учащемуся реальную возможность ощутить себя не объектом образовательного процесса, а его субъектом, что положительно влияет на самооценку личности учащегося. Монологическая речь учителя заменяется элементами дискуссии. Такие уроки направлены на совместную работу учителя и учащихся, организованную на субъект – субъектных отношениях. Данный вид работы с историческим материалом позволяет развивать творческое мышление, речь, умение вести дискуссию и аргументировать свою точку зрения учащимися. Работа с исторической личностью сочетает в себе элементы практически всех форм организации учебной деятельности, необходимых для развития и становления самой личности учащегося (работа с историческим документом, анализ, сопоставление, умение выделять главное из изучаемого материала, развитие и обогащение речи учащихся историческими терминами и т.д.). Это служит побудительным мотивом к углубленному изуче-

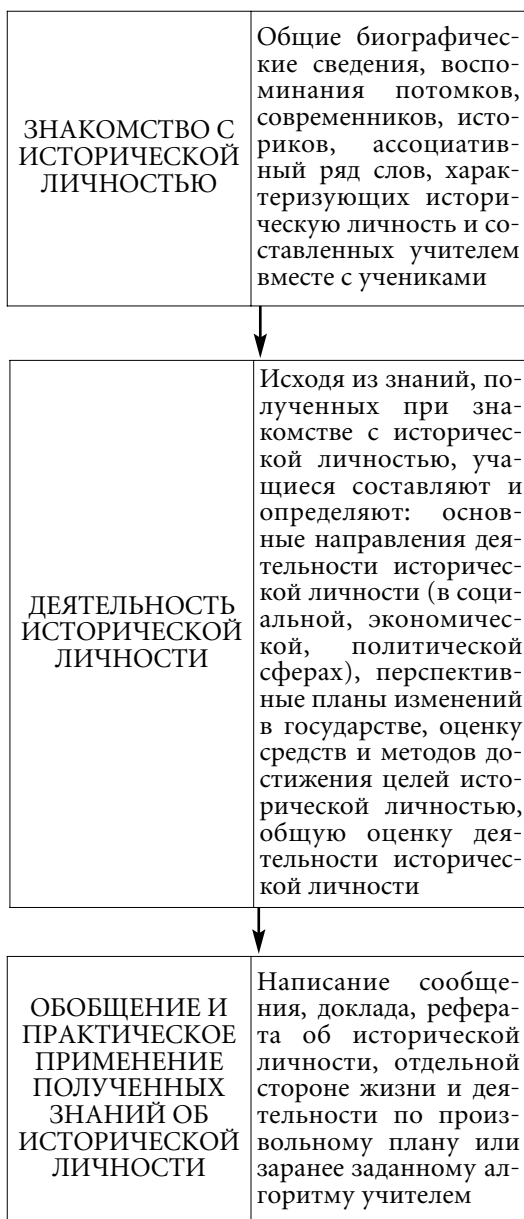
нию истории, исторических личностей, так как носит характер не только портретного описания, характеристики, но и проблемного изучения, предполагает разнообразные формы ведения уроков, ведет к активизации мыслительной деятельности.

На уроках истории мы используем следующую схему работы с исторической личностью с целью развития учебной мотивации учащихся (схема 1). Она выведена нами на основе анализа учебно-методической и научной литературы с целью повышения эффективности процесса обучения истории учащихся старших классов. Она применяется нами на уроках истории в общеобразовательных школах г. Барнаула. Рассмотрим предложенные этапы работы с исторической личностью более подробно.

Первый этап в предложенной схеме работы с исторической личностью необходим для приобщения учащихся к самостоятельной работе с раздаточным материалом (воспоминания современников, потомков и историков об исторической личности представляются учащимся в виде раздаточного материала). Данный вид работы предполагает анализ предложенного материала, развития умения выделять главное в нем. Ассоциативный ряд слов, характеризующих историческую личность, направлен на развитие образного мышления учащихся. Суть метода заключается в следующем: на доске пишется ряд слов, а затем все вместе (учитель и ученики) определяют, какие слова относятся к данной исторической личности, а какие нет. В итоге на доске остаются только те слова, которые характеризуют историческую личность. Образное мышление, формирующееся в результате ассоциативного ряда слов, связано с эмоциональным переживанием личности учащегося, что является одним из положительных факторов развития его учебной мотивации. (Мы придерживаемся 4-х основных факторов развития учебной мотивации – интерес, потребность, новизна, эмоции). В результате обобщения различных исследований определено, что эмоции оказывают значительное влияние на память человека. Положительные эмоции на новые виды деятельности в ходе выполнения учебных задач способствуют лучшему запоминанию учебного материала и его легкому воспроизведению в похожих условиях. [4. С. 12]

Схема 1

Организация работы с исторической личностью на уроках истории с целью развития учебной мотивации

Второй этап схемы направлен на развитие коммуникативных умений учащихся и их оценочной деятельности. На этом этапе в процессе работы с исторической личностью у учащихся продолжается развитие аналитических умений, формирование соб-

ственной точки зрения, умения вести диалог (т.е. развивается культура общения). Оценочная деятельность учащихся заключается в следующем: при сопоставлении внешних обстоятельств (ситуаций), в которых действовала историческая личность с ее внутренним миром (взглядами, желаниями), оценить насколько полно реализовались желания исторической личности, что мешало и тормозило их осуществление, насколько были оправданы средства достижения намеченной цели, выбранные исторической личностью.

Третий этап работы с исторической личностью – это своеобразный итог и оценка сформированных в течение нескольких уроков знаний, умений и навыков учащихся. Данный этап предоставляет учащимся свободу творческой деятельности, самостоятельности в выборе изучаемой личности, отборе необходимой информации для характеристики личности и форме представления информации аудитории (одноклассникам): сообщение, доклад – монолог, информация, представленная в проблемных ситуациях, «выступление исторической личности» (театрализованное представление).

В современном преподавании гуманитарных дисциплин наблюдается тенденция судить исторического деятеля не по его намерениям, а исключительно по результатам, т.е. не с человеческой, а с высшей государственно-политической точки зрения. Именно намерения, желания, потребность что-либо изменить, определяют направление деятельности любого человека, а результат является ни чем иным, как борьбой человеческих намерений с установками и нормами жизни, предъявляемыми данным государством к данному обществу.[3. С. 34]

Исторический портрет предполагает развитие творческой деятельности учащихся, логико-мыслительных, коммуникативных навыков, умений вести дискуссии, грамотно отстаивать свою точку зрения. Работа над характеристикой исторической личности включает разнообразные формы организации и методы обучения учащихся (рассказ, объяснение, работа с историческим документом, наглядно-иллюстративный материал, индивидуальную, групповую и самостоятельную работу). Это позволяет разнообразить уроки истории, сделать их более интересными, познавательными.

Основные формы работы над характеристикой исторической личности предполагают самостоятельное продвижение учащихся к истине, сути изучаемого. Творческая деятельность, развитие исторического мышления помогает учащимся в процессе социализации. [1. С. 69]

В процессе практической деятельности нами выявлены пять уровней развития учебной мотивации учащихся по трем показателям:

- полнота полученных исторических знаний;
- осознанность исторических знаний;
- прочность исторических знаний.

В ходе исследования сконструирована модель развития учебной мотивации учащихся в процессе изучения исторической личности, включающая цель, условия процесса обучения, необходимые для реализации цели, технологию и оценку полученных результатов.

Изучение исторической личности с социально-психологической точки зрения позволяет учащимся эмоционально воспринимать изучаемый материал. Эмоциональное отношение приводит к пониманию, а не просто к поверхностному запоминанию исторического материала. Эмоциональные переживания формируют черты личности школьников, ее нравственность, отношение к прошлому и современности, определяет характер восприятия учебного материала. Учебный материал должен про-

буждать у школьников чувство удивления и любознательности, сочувствия или протеста, радости или печали, восхищения или осуждения. Данные личностные отношения учащихся предоставляют им возможность реальнее оценивать историческую обстановку, в которой жил и действовал исторический персонаж. Правильное понимание прошлого позволяет учащимся дать оценку современной политической и социальной обстановки, определить свое место в жизни, перспективы дальнейшего развития своей личности.

Таким образом, личностный подход к событиям, создание исторических портретов – один из путей, способствующих формированию повышенного интереса к истории.

Литература

- [1] *Аппарович Н.И., Думин С.В., Полторак Д.И.* Методика использования средств обучения в преподавании истории. М., 1987.
- [2] *Баликов А.В.* Влияние структурированной учебной среды на мотивацию учения школьников среднего звена: Автореф. дис. канд. пед. наук. Новосибирск, 2002.
- [3] *Лернер И.Я.* Дидактические основы методов обучения. М., 1981.
- [4] *Маркова А.М., Орлов А.Б., Фридман Л.М.* Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М., 1983.
- [5] *Панфилова Т.В.* Личность во всемирной истории (методологический аспект). М., 1999.

В мире новостей

Пыльца указала на происхождение терракотовой армии

● Оказывается, знаменитую терракотовую армию китайского императора Цинь Шихуанди создавали в нескольких местах. Открытие принадлежит ботаникам, исследовавшим цветочную пыльцу, сохранившуюся в глине, из которой сделаны статуи воинов и их лошадей, сообщает Lenta.ru. Ранее считалось, что вся армия была изготовлена в непосредственной близости от императорской усыпальницы. Специалисты из Пекинского института ботаники при Академии наук КНР изучили состав керамики, отделив частицы глины от пыльцы с помощью центрифуги. Ученым удалось выделить 32 вида растений, очевидно, произраставших в окрестностях мастерской. Анализ показал, что лошадей, более массивных, нежели воины, делали рядом с мавзолеем. Точное местоположение мастерской по изготовлению солдат пока установить не удалось. Терракотовую армию, состоящую из 8099 воинов и лошадей, выполненных практически в натуральную величину, обнаружили в 1974 г. неподалеку от современного китайского города Сиань. Солдаты должны были охранять покой императора, умершего в 210 г. до н.э.

А.В. Калачев

Феномен «вынужденной» демократизации образования в эпоху Петра I

Сущность идеи демократизации образования ярче всего проявляется в принципе его доступности для членов общества независимо от социального положения, пола, национальной, религиозной, расовой принадлежности. Смысл демократизации образования прежде всего в том, чтобы сделать его доступным, бесплатным, обязательным. По сути, образование только тогда и становится демократическим, когда оно служит всему народу.

Говорить о «равенстве членов общества перед образованием» применительно к эпохе Петра I, конечно, несерьезно. Достаточно вспомнить, что детям крестьян – основной массы населения страны – в школу ходить возбранялось, поскольку, как отмечалось в одном из царских указов 1722 г., «крестьянский труд никакой школьной подготовки не требует». Между тем, определенные шаги по пути демократизации образования в то время были сделаны. И они носили во многом вынужденный характер.

Для реализации грандиозных замыслов Петра требовалось немало образованных людей. В начале XVIII в. в России появляются первые государственные школы, имеющие практическую направленность: Школа математических и навигацких наук (1701), пушкарская школа (1701), хирургическая школа (1707), инженерная школа (1712) и др. Именно профессиональные школы стали первым типом учебного заведения петровской эпохи. «Все эти школы, – пишет П. Ф. Каптерев, – предназначались собственно для дворянства; но дворяне не шли, их нужно было водворять в школу силой, а потому, за отсутствием дворянских учеников, в этих школах, особенно в низ-

ших их классах, учились в довольно большом числе разночинцы» [4. С. 134].

Потребности государства (создание регулярной армии, развитие промышленности и т.д.) вынуждали правительство нередко нарушать сословный принцип комплектования школы. Так уже в одном из первых царских указов, посвященных образованию, «Об основании школы математических и навигацких наук» (от 14 января 1701 г.), можно обнаружить идеи, которые сегодня принято связывать с проблемой демократизации образования. Например, в нем впервые в России была прописана идея обязательности учения. Речь поначалу шла только о дворянских детях. В школу также следовало принимать «добровольно желающих» детей из низших сословий: приказных, посадских, солдат и пр. Причем немущим выдавали деньги на «корм» в зависимости от изучаемого предмета и успехов в его освоении [1. С. 26]. Налицо, таким образом, контуры демократической идеи бесплатности образования. Хуже дело обстояло с идеей доступности образования: принимать детей крестьян в эту школу запрещалось.

Первая попытка ввести в России всеобщее обязательное обучение связана с созданием так называемых «цифирных школ». Дело в том, что профессиональные школы, готовившие специалистов, часто оказывались в сложном положении из-за того, что поступающие в них были совершенно неподготовлены для изучения предметов по специальности. Выходом из этого положения стала организация массовой общеобразовательной начальной школы.

28 февраля 1714 г. Петр I издал указ об открытии во всех губерниях цифирных или арифметических школ, в которых надлежало «учить цифири и некоторую часть гео-

Антон Витальевич Калачев – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Волгоградского государственного педагогического университета.

метрии». Этим актом вводилось обязательное обучение для детей практически всех сословий, кроме однодворцев (т.е. крестьян) [1. С. 28].

Организация школ натолкнулась на большие препятствия. Причем главные трудности возникли с набором учащихся, так как родители (чаще всего представители привилегированных сословий) отказывались отдавать мальчиков в школы. Ведь большинство дворян, купцов и священников еще не видели практической пользы для своих детей в получении общего образования. Кроме того, отдавая ребенка в школу, родители, фактически, теряли его. Чаще всего школы находились на большом расстоянии от места жительства учеников, в них царил жестокая дисциплина, обучение было очень длительным и т.п.

Государство пыталось суровыми принудительными мерами заполнить школьные классы. Но ни заковывание бежавших из школы учеников в кандалы, ни засады на бежавших у родителей, ни непомерные штрафы, ни знаменитый запрет дворянам жениться, не получив образования, – ничего из этого арсенала средств не помогало.

В этих условиях государство просто вынуждено было делать образование более демократическим. Сохранились интересные сведения о сословном составе учащихся цифирных школ. Их было немногим более 2 тысяч: из духовного звания – 931 (45,5 %); из солдатских детей – 402 (19,6 %); из приказных – 374 (18,2 %); посадских – 93 (4,5 %); дворянских – 53 (2,5 %) [5, с. 54]. Нетрудно заметить, что половина всех учеников – это представители низших сословий.

В 1720-е гг. цифирные школы практически перестали существовать, так как дети духовенства были переведены в епархиальные духовные школы, а солдатские дети – в школы гарнизонные и солдатские.

Военная реформа и введение рекрутской системы комплектования армии привели к возникновению новой сословной категории – солдатских детей. Достигнув 8 – 9 лет, они направлялись в солдатские школы, где их учили грамоте, письму и особенно арифметике. Солдатские школы должны были обеспечить армию и флот унтер – офицерами, писарями, музыкантами для полковых оркестров. По своим целям и характеру солдатские школы являлись самым массовым

видом «низших» классов светской профессиональной школы XVIII в.

Среди «низших» школ были и такие, которые готовили грамотных мастеров для строительства морских судов. Они получили название «русских школ», так как преподавание чтения, письма и арифметики в них было на русском языке. Первая такая школа была основана на корабельных верфях под Воронежем в 1703 г. В 1717 г. возникла «русская школа» в Петербурге. Через два года в ней было 173 ученика, более половины из них – «плотниковы дети» [2. С. 43].

В первой четверти XVIII в. возникли и первые школы, готовившие квалифицированных рабочих для заводов. На Урале созданием горнозаводских школ занимался крупный администратор и историк В.Н. Татищев. Управляя здесь в 1720-е гг. горными заводами, он стремился во всех слободах, приписанных к этим заводам, открыть школы.

В горнозаводских школах учились с пяти – шестилетнего возраста дети рабочих, заводских служащих, церковнослужителей. Обучали их чтению и письму (в словесной школе), арифметике и геометрии (в арифметической школе), а также горнорудным ремеслам. Дети заводских служащих и духовенства от обучения ремеслам освобождались. После общеобразовательных классов их определяли в немецкую и латинскую школы, где готовили переводчиков.

Оставшиеся получали довольно широкую по тем временам общетехническую подготовку. Они приобретали знания о рудах, по механике, черчению; овладевали различными ремеслами (обработкой камня, токарным, столярным, паяльным и др.). Обучение ремеслам велось на заводах под руководством опытных мастеров [2. С. 70–71].

Феномен «вынужденной» демократизации образования связан не только со становлением новой светской школы. Он также затронул старую, находившуюся в руках церкви, школу. Укрепляя абсолютную монархию, Петр I стремился полностью подчинить церковь государству. С 1721 г. ее управление было поручено Духовной коллегии, вскоре переименованной в Синод. С этого времени духовные школы приобретают четко выраженный профессионально-сословный характер. Их задачей становится подготовка грамотного духовенства,

способного выполнять функции, возлагаемые на него государством.

Царские указы предписывали детям попов и дьяконов «учиться в школах латинских и греческих», запрещали возводить в церковный сан тех, кто этот приказ не выполнял или учился плохо. Также запрещалось принимать в духовные школы детей всех податных сословий.

Однако вскоре выяснилось, что дети духовного сословия большого рвения к учебе не проявляли. Правительство даже вынуждено было прибегнуть к угрозе отдавать детей духовенства в солдаты, если они будут уклоняться от обучения. Не удивляют, поэтому, сведения о том, что в некоторых архиерейских школах выходцев из духовного звания было не более 20 %. Остальные учащиеся – это дети монастырских приказных, подьячих, солдат, конюхов, портных, колесников и других служителей. Известно также, что в архиерейские школы иногда попадали крестьянские дети. Речь идет о школах при Александро-Невской лавре, при Далматовском монастыре, в Новгородской епархии [3. С. 15].

Тот факт, что необходимость подготовки кадров вынуждала правительство временами отступать от сословных принципов своей школьной политики, особенно ярко подтверждается ситуацией с комплектованием гимназии, созданной в 1724 г. при Петербургской Академии наук. Гимназистами становились не только дети приказных, ремесленников, солдат, но даже и крепостных крестьян.

По существу же, вопрос о подлинной демократизации образования (т. е. образовании крестьянском) на протяжении всей первой половины XVIII в., собственно говоря, и не ставился. Были созданы Академия наук, высшие и средние специальные школы, но они не имели необходимой базы – народной школы.

Такова была реальность, но в сознании наиболее ярких представителей общественно-политической мысли петровской эпохи уже появляются новые, демократические по духу педагогические идеи. Реформы первой четверти XVIII в., безусловно, способствовали оживлению педагогической мысли, нашедшей отражение в ряде книг публицистического содержания, в учебной литературе, в проектах организации народного об-

разования. Во многих «проектах» и «позициях», касающихся важнейших социально-экономических проблем русской жизни, затрагивались также и вопросы культуры и просвещения.

Любопытный план распространения образования в России предложил сподвижник Петра I, горячий сторонник европеизации России Ф. С. Салтыков. В проекте Салтыкова немало такого, что сегодня называется «проектерством». Например, предложив царю ввести обязательное всенародное обучение, он рекомендовал учредить во всех губерниях по одной или по две академии, в которых следовало преподавать пять иностранных языков, два десятка самых разных наук, а также учить «на лошадях ездить, на шпагах биться и танцевать» [6. С. 38].

Вместе с тем, несмотря на утопичность, высокой оценки заслуживает идея бессловного образования. Безусловный демократизм отличает план «сиротского» образования, составленный Салтыковым. Предполагая, что многие учащиеся – сироты будут из крепостного сословия, автор задумывается об их дальнейшей судьбе после завершения образования. Салтыков предложил следующее решение проблемы: юношей брать в сухопутную или морскую службы по потребности государства или отпускать на свободу для занятия мануфактурными или промысловыми делами. Детей же отпускать на волю, чтобы они могли рукоделием зарабатывать себе на жизнь.

Салтыков одним из первых в России поставил вопрос об организации женского образования: «во всех губерниях учинить женские школы и на то обратить женские монастыри» [6. С. 38]. Намечалось открыть по две таких школы на губернию по 500 учениц в от 6 до 15 лет каждой школе.

В своей «Истории русской педагогики» П. Ф. Каптерев заметил, что среди высказанных в петровское время педагогических идей самые демократические принадлежат И. Т. Посошкову, видному экономисту и публицисту, автору «Книги о скудости и богатстве» [4. С. 172]. Именно в его трудах, человека вышедшего из народной среды, были наиболее полно рассмотрены вопросы крестьянского образования.

Положение крестьянства, Посошков признавал «скудостью» и резко крити-

ковал произвол помещиков, которые излишне обременяют крестьян, вгоняя их в нищету, и, тем самым, разоряя государство. Искренне огорчаясь невежеством народа, он утверждал, что «немалая пакость крестьянам чинится от того, что грамотных людей у них нет». И мечтал о том, «чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека» [1. С. 63].

Придавая столь исключительное значение крестьянской грамотности, Посошков высказывает мысль о необходимости организации обязательного начального обучения: следует «поневолить» крестьян для их же пользы отдавать детей не только русских, но и других национальностей, населяющих Россию, учить грамоте, чтению и письму три-четыре года, используя в качестве учителей духовенство. Он считал нужным определить законом, чтобы помещики позаботились о повсеместном обучении крестьянских детей, отмечая, что грамотные крестьяне принесут больше пользы помещикам и государству.

Осмыслением вопросов народного образования, в том числе и просвещения крепостных крестьян, хотя и с существенно иных позиций, чем И. Т. Посошков, занимался В. Н. Татищев. По мнению П. Ф. Каптерева, «педагогика Татищева была дворянская, аристократическая». Но, считая, что в образовании, прежде всего, нуждается «главный стан государства» – дворянство, Татищев в то же время указывал на большую пользу, которую может получить дворянское государство от просвещения всего народа.

Вопросы крестьянского образования затрагиваются Татищевым в его сочинении «Разговор о пользе наук и училищ». Не будучи противником крепостного права, Татищев, тем не менее, резко выступал против широко распространенного в то время мнения, что народное невежество является надежным оплотом для укрепления спокойствия в государстве.

Рисуя яркую картину грубости современных ему русских нравов, Татищев обращал

внимание на то, что даже с точки зрения личных интересов помещика ему полезнее иметь грамотных, чем неграмотных крепостных. Грамотный, «рукодельный» крестьянин необходим в правильно поставленном помещицком хозяйстве [7. С. 81–104].

Таким образом, Татищев не против просвещения народных масс: ведь для более эффективного развития помещицкого хозяйства необходимы, нравятся ли это кому – то, или нет, грамотные крестьяне. На наш взгляд, логика рассуждений В. Н. Татищева достаточно органично вписывается в типичную для петровской эпохи логику «вынужденной» демократизации народного образования.

Подводя некоторые итоги развития демократических тенденций в российском образовании первой четверти XVIII в., отметим, что отступления от сословного принципа в образовательной политике государства носили в основном вынужденный характер, а выдвинутые просветительские проекты создания общедоступных школ для крестьянства оказались преждевременными. Они существенно опережали свое время и уходили далеко вперед от реальностей феодальной России.

Литература

- [1] Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И. А. Соловков. М., 1985.
- [2] Буров А. А. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957.
- [3] Жураковский Г. Е. Из истории просвещения в дореволюционной России. М., 1978.
- [4] Каптерев П. Ф. История русской педагогики / Предисл. Н. В. Бордовской; послесл. В. П. Борисенкова. СПб., 2004.
- [5] Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи Александра II. М., 1910.
- [6] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX в. / Отв. ред. М. Ф. Шабаева. М., 1973.
- [7] Татищев В. Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С. Н. Валка. Л., 1979.

Н.Г. Волошина

Ф.С. Рокотов и проблема становления творческой личности в культуре России XVIII в.

Проблема становления творческой личности – одна из самых интересных и актуальных для истории культуры России. Традиционно сам факт усвоения достижений мировой культуры и развития собственных потенций, открытия для себя мира и миру себя, то есть все то, что собственно и является свидетельством становления творческой личности связывается с литературно-философскими исканиями XIX в. Обычно в поисках нового понимания личности, как способности возвыситься до эмоционального самосознания и самоопределения и путей ее становления обращаются к опыту русской словесности, подразумевая что драматизм становления личностного сознания в России был не только отражен в русской литературной классике, но именно в этой сфере культуры и совершался.

Портретный живописец академик Федор Степанович Рокотов (1735–1808) является, на наш взгляд, одной из ключевых фигур для понимания сущностных характеристик процесса становления личности в русской художественной культуре XVIII в. Он ближе всех подошел к реальному осознанию себя творческой личностью, как явления целостного, замкнутого в себе и самодостаточно. Он стал, пожалуй, первым в культурном пространстве России XVIII в. художником, который осуществил усилие в попытке утвердить себя творческой личностью. Модель развития самосознания человека в России XVIII в., достаточно подробно описанная разными исследователями, имеет в виду в основном психологию служилого дворянства. Социальная выявленность русско-

го дворянства в XVIII в. (наличие правовой и социокультурной дифференциации, породившей высокий уровень самосознания, который отразился в письменных источниках) позволила создать вполне адекватный образ человека той эпохи. Историческая значительность морального самосотворения личности XVIII – начала XIX в. блестяще обрисована Ю.М. Лотманом¹.

Сама культура этого периода справедливо именуется дворянской. Начиная с А.П.Сумарокова и, особенно, благодаря Н.И.Новикову, культура, выйдя из-под власти государственной монополии, стала прерогативой элиты. Поэзия считалась не ремеслом, а призванием, не профессией, а даром свыше².

Образ человека-артиста давал совершенно особое решение проблемы свободы личности представителям дворянского сословия. Они вошли в русскую культуру как писатели, избранные идеологи, как люди, мало подверженные обстоятельствам и стоящие выше их, что осознавалось ими самими и что признавалось обществом, как их личное исключительное право. Противопоставления поэзии как высокого занятия другим видам художественной деятельности Европа не знала.

Занятие же изобразительным искусством в России осознавалось как профессия и ремесло, которым можно обучить. В таком качестве ими обладали иностранцы или выученные отечественные мастера, не принадлежащие к высшему дворянскому сословию. Сходное несколько пренебрежительное отношение к живописцам было еще только в Англии, долго не имевшей своей национальной школы и зависевшей от итальянского и французского академизма.

Наталья Георгиевна Волошина – соискатель МГАХИ им. В.И. Сурикова, Москва.

Когда речь заходит о русских художниках, скульпторах, граверах, без вклада которых культура России XVIII в. была бы совершенно иной, исследователь постоянно сталкивается с проблемой неопределенности статуса художника. Общее представление об этом далеко не простом и немаловажном вопросе сводится обычно к фиксации довольно низкого общественного положения русских художников на социальной лестнице иерархичного XVIII в., в котором и иерархия была особой.

В среде людей XVIII в., непосредственно причастных к сфере изобразительного искусства, стремительно познающих новизну европейской культуры и осваивающих ее формы, процесс осознания своего места в обществе и социального самоутверждения был менее актуален по сравнению с решением задач профессионального развития. Некое ощущение цехового единства, сохранившегося в формах социальных институтов, традиционных для русской средневековой культуры, давала живописная команда Канцелярии от строений. Начиная же с середины века, с момента своего создания (1757), ощущение общности поддерживала Академия трех знатнейших художеств. Принадлежность к Академии ассоциировалась и у художников, и у общества с причастностью к магистральной линии развития изобразительного искусства.

Академия художеств была государственным учреждением и все, кто в ней трудился, были государственными служащими с соответствующим Табелю о рангах чином и жалованием. Однако в отличие от чиновников, художники имели право и искали возможности зарабатывать самостоятельно.

Ф.С. Рокотов покинул Академию художеств после появления в ее руководстве И.И. Бецкого, «широкие воспитательные планы» которого нередко оборачивались придирками. Несмотря на успех при дворе, Рокотов оставался обреченным в Академии Художеств на «надзирание за учениками», ему повелевалось не брать «никаких посторонних работ, которые ...могут препятствовать в ... должности» его предупреждали, что в ином случае ему «надлежащее взыскание упущено не будет»³.

Отказываясь от официальной карьеры, художник не мог не знать, что теряет тем самым традиционных заказчиков в лице зна-

ти, которых ему «автоматически» обеспечивало положение признанного при дворе живописца.

Рокотов сделал свой выбор в пользу «свободного художества». Покинув Академию Художеств и переехав в Москву, где была своя, особая по сравнению с Петербургом культурная ситуация, он стал не только востребованным московским обществом художником, но и светской фигурой. Известно, что его фамилия фигурирует в числе основателей и первых членов Московского Английского клуба.

Рокотов стал единственным, пожалуй, художником, не заинтересованным в обязанностях, возможностях и полномочиях, даваемых Академией художеств, сознательно отказавшимся от академической и придворной карьеры. Его уход со службы, не был нейтральным или незаметным поступком, напомним о реплике Бецкого «за славою спесив и важен». Рокотов был первый, кто отстаивая собственную независимость предпринял подобный шаг⁴ В.Л.Боровиковский также не был членом Академии художеств, однако в своем творчестве он последовательно ориентировался на ее установки и, как известно, совершенствовал свое мастерство, беря уроки у И.-Б.Лампи-старшего, достаточно искусного опытного живописца, создавшего за время пребывания в России несколько мастерских по живописи портретов. В своем творчестве Боровиковский вслед за своим наставником ориентируется на наиболее социально и эстетически обоснованный престижный тип парадного и полупарадного портрета, культивируемый в портретном классе Академии.

Как стремление порвать с диктатом Академии художеств, рассматривается некоторыми исследователями факт ухода с государственной службы в 1787 году Д.Г.Левицкого. Жажущий творческой свободы, обладающий значительной степенью самосознания Левицкий мотивировал свой поступок намерением руководствоваться в своем творчестве «сердечными намерениями», а не духом нормативности. Обстоятельства материальные вынудили художника вернуться в ее стены. Оставивший Академию художеств К.И.Головачевский вернулся к службе, понуждаемый аналогичными обстоятельствами.

Из числа русских художников, работавших в XVIII в., кроме Рокотова трудно, пожалуй, назвать еще кого-либо, кто с такой откровенностью демонстрировал бы свою независимость и обладал бы ею на самом деле в такой степени. Его избирательность в выборе заказчика общеизвестна. В сохранившемся письменном свидетельстве – отчетах В. Мерзлюкина⁵, говорится, что на предложение куракинского протезе исполнить его портрет Рокотов выставил свои условия о будущем типе портрета, о сроках его написания, о цене и дал понять, что торг неуместен.

Лишь иностранные мастера, такие приезжие знаменитости, поднаторевшие в искусстве умения потрафить заказчику, как И.-Б. Лампи-старший, и особенно Л.-Э. Виже-Лебрен осознавали свою «миссию» и свою значимость. Многие из них, как правило, приезжали в Россию с вполне определенным ощущением большей внутренней свободы и профессионального достоинства по сравнению с их русскими коллегами, что было результатом сложившегося в Западной Европе признания обществом права художника на творческую исключительность и с чем не могли не считаться их новые заказчики, в круг представлений о полноценности светской жизни которых входило портретирование у модного художника.

Складывался новый, в сущности, для русского общества тип взаимоотношений модели и художника. До того существовала такая практика российского художественного меценатства, как содержание за свой счет на время выполнения работ художников, что отражало общественные представления о назначении и положении художника и обуславливалось в значительной мере существованием в России большой группы крепостных мастеров, в творчестве которых портрет занимал ведущее место. В целом же над русскими мастерами довлело сложившееся стереотипное отношение художника и модели, предполагающее обязательность соблюдения сословной дистанции.

В работах Рокотова ощущение социальной дистанции между художником и портретируемым отсутствует, что дало повод некоторым исследователям отнести их к разряду интимного портрета⁶.

Своей практической деятельностью Рокотов оказывал влияние на формирование

нового отношения к искусству отечественных художников-портретистов, которое переставало приравняться к ремеслу и начинало пониматься заказчиками-соотечественниками как единоличный акт творческого созидания.

К концу XVIII в. во многом благодаря художественной практике Рокотова в русском обществе ускорилось становление авторского сознания и предназначение его несомненной значимости. Престижным стало иметь не просто портрет, а портрет, написанный художником, популярность которого базировалась на его личном мастерстве.

Рокотов очень редко подписывал свои произведения, предоставляя моделям и заказчикам восполнить это всевозможными способами. Появляющиеся всевозможные посвящения, вызванные к жизни тем или иным произведением портретной живописи и зафиксированные вербально, являются свидетельством изменившегося восприятия искусства обществом. Ранее пассивный зритель становился свидетелем достоверности и некоей оценочной инстанцией, признающей исключительное право художника-творца.

Условия бытования, особенности заказа и социальная функция портрета в XVIII в. диктовали набор определенных формальных приемов. Мастера портретной живописи, желающие преуспеть в своей творческой практике, ориентировались на наиболее престижные и модные сюжеты и композиции. В творческой практике Рокотова подобная тенденция отсутствует. Созданные им портреты несут во всем отпечаток последовательного использования индивидуальной манеры, найденной и избранной художником.

В творческом наследии Рокотова достаточно определенно и явственно обнаруживаются черты, связанные с поиском наибольшего соответствия формы и содержания портретного изображения, оказавшиеся созвучными общей тенденции развития русской портретной живописи XVIII в. от парадного портрета к камерному. Реальные результаты творческой практики художника дают возможность рассматривать ее как проявление целостного, непрерывного процесса целенаправленного поиска средств и способов самовыражения и по-

следовательного самоограничения на этом пути.

Ему свойственна ориентация на национальную культуру, такие ее черты как изначально положительное видение и восприятие модели, каноничность, проявляющаяся в приверженности выработанному, найденному типу портрета с определенной композиционной схемой, повторяющимися приемами исполнения.

Тип камерного портрета, который сложился и приобрел в его творчестве законченную и наиболее совершенную форму, стал своего рода каноном для самого художника.

Таким образом, по отношению к Рокотову справедливо говорить об избирательности его творческой практики, которая выражалась в свободе выбора жанра живописи, типологии, средств выразительности, собственной концепции и, наконец, самих моделей.

И в этом смысле положение, которое занимал Рокотов также можно считать уникальным. Для выражения собственной художественной позиции им избирается карьера «свободного» художника, сочетающаяся с серьезным и профессионально ответственным отношением к любому произведению, создаваемому на заказ.

Интерпретация творчества искусства Ф.С. Рокотова позволяет выявить не только особенности его творческой практики, но и дает возможность увидеть за формой внешнего бытия художника незаурядную личность, отражающую своеобразно ментальность эпохи и конкретную социокультурную среду. Именно поэтому исследовательский интерес к художнику всегда был шире и не ограничивался рассмотрением только его произведений в контексте собственно истории российской живописи.

Переосмысливая все вышеизложенное, мы полагаем, что одним из первых, кто осознал себя в культурном пространстве XVIII в. творческой, а потому свободной личностью, стал Рокотов.

Избранная художником независимость, во многом новаторская для российской художественно-культурной практики, неотъемлемая от понятия личности. Художник решал проблему личной независимости, шел на сознательную необычность поведения и поступков, оставлял за собой право быть самим собой.

За всем этим стоит осознание Рокотовым себя творческой личностью – человеком определенного уровня самоконтроля, действующим независимо от внешней ситуации. Это первый в истории культуры Нового времени пример артистической свободы российского живописца, отличающегося поведенческой и творческой самостоятельностью, единством жизненных и творческих проявлений. Его талант находил и находит признание как совершенно самостоятельная и высокая культурная ценность.

Приложения

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

² См.: Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. С. 60.

³ Сб. Материалов для истории Санкт-Петербургской Академии Художеств. Ч.1. С. 52.

⁴ Алексеева Т.В. Новое о Рокотове. С. 281–283.

⁵ Поспелов Г.Г. Русский интимный портрет второй половины – начала XIX века // Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования. М., 1968. С. 237–254.

М.А. Буздыгар

Идеалы «свободного воспитания» и формирование мировоззрения С.Н. Дурылина

Так сложилось, что имя Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954 гг.) хорошо известно любителям и знатокам русской литературы, живописи и театра XIX – XX вв. Популярный театральный критик, старший научный сотрудник Музея Малого театра, член Союза советских писателей, профессор кафедры истории русского и советского театра в Государственном институте театрального искусства, старший научный сотрудник Института истории искусств. За свою деятельность, в 1949 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Литературная деятельность С.Н. Дурылина ведет свое начало с 1902 г. Действительно, Сергей Николаевич писал всю свою жизнь и стал автором нескольких сотен работ, но известность получили, преимущественно, работы, написанные с 1930-х гг., в своем большинстве касающиеся истории литературы и театра.

Мало же кому известна жизнь и деятельность Сергея Николаевича в юношеские годы. В ней имели место такие эпизоды, как: самовольный уход из гимназии, потеря живой религиозной веры, юношеский атеизм и временное увлечение революционными идеями, душевная пустота и обращение к религиозной философии, постепенный возврат к «вере отцов», к православию, в котором он родился и воспитывался дома. Далее последовали принятие Дурылиным священнического сана и оставление им пастырского служения. Среди этих биографических страниц также выделяются несколько лет педагогической работы Дурылина в журнале «Свободное воспитание» – деятельности, которая во многом определила становление его мировоззрения.

Михаил Андреевич Буздыгар – аспирант исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва.

Говоря об истоках дурылинского интереса к педагогике, мы должны обратиться к его самовольному уходу из гимназии, как протесту против существующей системе образования – первому решительному шагу в жизни молодого Дурылина. Представляет интерес анализ этого поступка с педагогической точки зрения. В чем заключается и насколько была оправдана дурылинская критика современной ему системы образования? Спустя три года после ухода Дурылина из гимназии в издательстве «Посредник» выходит его книга «В школьной тюрьме: Исповедь ученика», которую пронизывает тема ущемленной детской свободы.

Название произведения говорит само за себя: Дурылин сравнивает школу с тюрьмой. По его мнению, преступники, находящиеся в тюрьме, это люди, у которых отобрана свобода и все права, у которых тюрьма подавляет волю и желание жить. И если общество считает, что тюрьма перевоспитывает преступников, то для последних это место душевных и физических мучений, место медленной смерти¹. Подобно тюрьме, существует и школьная система, формально необходимая, как считает общество, для воспитания образованных людей, которые в будущем должны стать государственными служащими. Но это, по словам автора, взгляд на школу со стороны, взгляд взрослых людей, которые не видят истинной сути происходящих вещей. А для учеников школа является местом нравственных и физических мучений, местом, из которого выходят безвольные и замкнутые люди, желающие закончить свою жизнь².

Проводя такие параллели, Дурылин опирается на личный опыт обучения в гимназии. Свое поступление он сравнивает с насильственной пересадкой растения из

благоприятного грунта на новое место, в котором весь «уход» за ним, ведет только к гибели. По словам Дурылина, на этом «новом месте» его не устроило практически все: методика преподавания, дисциплина, отсутствие свободы, предметы, школьная форма и ранец и т.д.

Говоря о методике преподавания, Дурылин вспоминает, что в гимназии непонимание материала означало, что он глупый и ленивый. От ученика требовалось именно «знать», а он «знать не понимая» не мог. Таким образом, единственным выходом для учеников гимназии было зазубривание предмета без понимания учимого. Поэтому у Дурылина и его сверстников появилась мысль о бесполезности такого обучения, после чего ко всем предметам, как логичное следствие этой ненужности, пропал интерес. Процесс обучения представлял для детей грубое и жестокое насилие. Ненужные и глупые запрещения делали жизнь гимназистов невыносимой. Это привело к тому, что самому Дурылину и его одноклассникам, по его словам, стало все равно, что было этим «нелюбимым напитком» – русский язык, математика или Закон Божий³. Необходимость детской свободы в процессе обучения и воспитания, принцип уважения личности в ребенке, Дурылин активно отстаивал в статьях журнала «Свободное воспитание» – единственного в стране печатного органа, ратовавшего за реформу педагогики в таком ключе.

Главная цель новой педагогики – дать детям образование и воспитание, убрав из процесса обучения все формы насилия.

«Школа должна быть слита с жизнью, жизнь обуславливает школу, школа направляется жизнью. Школа должна не готовить к «жизни», как это пытаются делать современная школа, а стать сама этой жизнью, где личность ребенка свободно развивается и живет самой полной, разносторонней, интенсивной жизнью»⁴, – считал Дурылин.

По мнению Дурылина, искусство и ребенок тесно связаны, сплетены между собой: любовь к искусству, истинное приобщение к красоте возможны лишь при общей нашей культурности, при чувстве свободы и духовной независимости, – они живы преемственностью, требуют живой, прочной связи одного поколения с другим...». «Если в детях не будет расти, развиваясь, эстетическое чувство, если оно не будет воспитываться, если

дети будут вдали от искусства, – мы никогда не будем близки к красоте, творящей жизнь». Напротив, «чтобы ребенок с малых лет чуял веянья красоты, нуждался в искусстве, дышал в атмосфере прекрасного; нужно, чтобы самая личность ребенка складывалась под глубокими, чистыми влияниями искусства, – нужно, чтобы у колыбели, в детской, в школе искусство давало ребенку самые сильные, эстетически воспитывающие, одухотворяющие его природу впечатления»⁵.

Следующим важным аспектом в системе воспитания является внедрение ручного труда, как практической реализации творческих способностей. Большое внимание уделяет Дурылин значению детских выставок и музеев, которые, по его мнению, служат не только распространению результатов творческого ручного труда, но и могут выступать в качестве показателя школьных знаний – экзаменов⁶.

Разбирая педагогические взгляды Дурылина, можно выделить еще два важных аспекта, от которых зависит творческое развитие ребенка: необходимость свободы и особой школьной атмосферы. Многие статьи Сергея Николаевича посвящены вопросам детской психологии. Их ключевой тезис: «В новой школе будет только одно единство – это единство свободы...»⁷ «Школа – не только стены и комнаты, книги и пособия, ученики и учителя, школа – особый, крайне сложный живой организм, живущий своей особой жизнью», – пишет Дурылин в одной из своих статей, посвященной устройству экспериментальной школы⁸. По его мнению, для нормального существования этого сложного организма необходима свобода, причем как внешняя, так и внутренняя. Свобода как единственный и необходимый закон в развитии школы.

Жизнь такой школы составляет постоянное общение, через которое формируется благоприятная для детей атмосфера и происходит ненавязчивая передача от взрослых к детям различных знаний и физических навыков. Общение происходит между взрослыми и детьми, и у каждого есть свое мировоззрение, свои интересы, свой характер. В силу этого, «каждой школе присущ тот особый, ей только свойственный дух», и поэтому «каждая такая школа есть опыт, эксперимент, и каждая школа, действующая в условиях внутренней и внешней сво-

боды, каждая свободная школа есть экспериментальная школа»⁹. Одной из таких школ, в которой были реализованы все эти требования, Дурьлин считал Яснополянскую школу Л.Н. Толстого.

Такое общение в школе возможно только при взаимном уважении сторон – взрослых детьми и детей – взрослыми. Нарушение этого баланса является грубейшей ошибкой и печальной реальностью. Подробно мысль о душевном и нравственном соотношении детей и взрослых, Дурьлин разбирает в оригинальной статье «Вечные дети»¹⁰. Основная идея автора – защита святости и чистоты детства. Взрослые – в семье, в школе, будучи абсолютно уверенны в своей правоте, пытаются поднять детей до своего уровня как в знаниях, так и понимании жизни. В этом состоит суть современного воспитания. Дети при этом получают огромное количество чуждой им, несвоевременной и ненужной информации, которая насильно, через бессмысленное заучивание, вталкивается в их головы. А того, что детям действительно интересно, того, что они хотят знать, чем они хотят поделиться с взрослыми – всему этому нет места в воспитании. Тем самым «взрослые похищают у детей детство», стремятся из детей быстрее сделать маленьких взрослых. По мнению Дурьлина, на самом же деле, дети ни в чем не уступают взрослым. Возможно, они чего-то и не знают, но они многое понимают, причем намного тоньше, чище, чем взрослые, многое чувствуют: «Дети знают истину так же, как часто люди знают иностранный язык, хотя и не умеют говорить на нем»¹¹. Поэтому целью воспитания должно быть не превращение детей во взрослых, а наоборот, «сохранение вечного детства», следует «сделать взрослых – детьми, а детей навсегда удержать от «взросления».

Большое внимание С.Н. Дурьлин уделяет анализу вопросов, связанных с сущностью школьной дисциплины. Здесь основным является тезис о бесполезности слепого послушания ребенка, вызванного страхом перед наказанием. Дурьлин, анализируя конкретные жизненные примеры, приходит к выводу, что послушание, вызываемое страхом, кратковременно, и с исчезновением страха, исчезает и послушание, а следом, как организованный институт, пропадает и школа. То есть для школы, та-

кое фиктивное послушание является губительным. Кроме того, страх перед наказанием порождает в детях изыскание способов его избежать, из чего появляются фантазии и ложь. Строгость школьной дисциплины не развивает и чувство долга в детях, которое не может быть насильственным¹².

В этой ситуации Дурьлин призывает педагогов обращать внимание на причины, которые побуждают детей к различным шалостям, на внутренний мир ребенка, на его психологию. Игнорирование же учителями этих главных элементов и ведет к появлению различных нелепостей в школьной дисциплине, которые так раздражают детей. В этой научно-психологической области существуют такие же законы, как и в любой другой, и они очевидны для Дурьлина. Так, например, дисциплина в классе зависит от двух обстоятельств: во-первых, от свежести сил, от утомленности умственных способностей (как ученика, так и учителя), и, во-вторых, от степени увлекательности, интересности урока¹³. Поэтому, хороший учитель, по мнению Дурьлина, винить в любой ситуации должен, прежде всего, самого себя, и только потом разбирать поступок учеников.

В любое учебное заведение ребенок попадает из семьи, и всегда, в той или иной степени, это большое испытание для него. Поэтому школьная атмосфера, обучение – все это должно быть максимально приближено к тому, к чему ребенок привык дома, видел в семье. Одним из таких «привычных образов», который нарушает гимназия, является совместное взросление детей – и мальчиков, и девочек. На этот вопрос Дурьлин обращает особое внимание, внедряя основной постулат – «современная педагогика не знает разделения полов, она знает человека»¹⁴.

Высокие требования Дурьлин выдвигает не только к воспитанию в целом, но и к людям, имеющим желание работать в этой области. Сергей Николаевич замечает, что любой учитель, приступая к работе, должен в первую очередь помнить слово «самопросвещение». Интересно, что под этим термином Дурьлин понимает не только образованность потенциального педагога, но и «просветление нравственной духовной природы» такого человека. Просветитель сам должен быть человеком, непрерывно стремящимся к просвещению и к нравственному просветлению¹⁵.

В своих статьях Дурылин ратовал за безграничное уважение к личности ребенка, к его свободе, к его наклонностям, желаниям и интересам. Школа будущего представляется ему как место, максимально приближенное к семье, где жизнь и обучение становятся синонимами. Таким образом, Дурылин ставит перед школой некоторые сверхобразовательные задачи, которые невозможно реализовать на практике.

Появление подобных нереалистичных педагогических задач в статьях Дурылина, наряду с трезвыми и возможными для практического воплощения, такими как внедрение новых обучающих технологий и программ, введение в обучение ручного труда и т.п., можно отчасти объяснить. Ведь Сергей Николаевич, несмотря на весь свой интерес к педагогике, не являлся профессиональным педагогом: на страницах «Свободного воспитания», Дурылин выступал больше журналистом, теоретиком или педагогическим мыслителем, целью которого является распространение тех или иных идей, их систематизация и развитие.

Педагогическая публицистика Сергея Николаевича сыграла большую роль в становлении его мировоззрения. Интересно отметить, что в издательство Дурылин пришел в 1905 г., будучи охваченным юношеским атеизмом и революционными идеями. Но уже через год, после смерти своего лучшего друга Михаила Языкова, убитого жандармами во время уличного выступления, Дурылин навсегда отойдет от революционной деятельности, и обратится к школьной проблематике: издание книги «В школьной тюрьме», знакомство с толстовством, педагогическая сторона которого была созвучна с его чаяниям, и активная работа в «Свободном воспитании», выпуск которого был налажен в 1907 г. Но работа в издательстве и внешнее благополучие Дурылина, сочетались с внутренней духовной пустотой, которая возникает у него в это время. Тяжелое душевное состояние Сергея Николаевича проявляется в многочисленных стихах и дневниковых записях 1906–1910 гг. В то же время, различные аспекты свободного воспитания заставляли его все больше и больше углубляться в тонкости детской психологии, в вопросы человеческой свободы.

Публицистика Дурылина плавно перешла от резких юношеских протестов к глу-

боким размышлениям над религиозно-философской проблематикой воспитания личности. Вопросы, поднимаемые Сергеем Николаевичем, все более выходили за рамки журнала «Свободное воспитание» и требовали новых форм реализации.

Пройдет пять лет с момента ухода Сергея Николаевича из «Свободного воспитания», за которые он не напишет ни строчки по вопросам, связанных с педагогикой. И только в 1917 г., обретя вновь веру в Бога и вернувшись к Церкви, будучи на пороге принятия священного сана, Дурылин опишет свое новое понимание вопросов педагогики и детского воспитания. Теперь опорным положением и главной задачей собственно жизни станет для нее необходимость постоянного духовного самовоспитания в соответствии с христианскими истинами.

Список литературы

- ¹ Дурылин С.Н. В школьной тюрьме: Исповедь ученика. М., 1907. С. 3–4.
- ² Там же. С. 4–6.
- ³ Там же. С. 21.
- ⁴ Дурылин С.Н. Школа – жизнь. // Свободное воспитание. 1907–1908. № 12. С. 117.
- ⁵ Дурылин С.Н. Искусство и ребенок. // Свободное воспитание. 1907–1908. № 10. С. 120.
- ⁶ Дурылин С.Н. Выставка одной экспериментальной школы. // Свободное воспитание. 1909–1910. № 11. С. 1–8.
- ⁷ Дурылин С.Н. Введение. // Свободное воспитание. 1907–1908. № 1. С. 83.
- ⁸ Дурылин С.Н. Эксперимент или пытка? (К вопросу об экспериментальной школе.) // Свободное воспитание. 1907–1908. № 3. С. 68.
- ⁹ Там же. С. 70.
- ¹⁰ Дурылин С.Н. Вечные дети // Свободное воспитание. 1909–1910. № 5. С. 1–22.
- ¹¹ Там же. С. 13.
- ¹² Дурылин С.Н. Что такое школьная дисциплина в школе существующей и той школе, какая должна быть? // Свободное воспитание. 1912–1913. № 11. С. 23–40. № 12. С. 57–74.
- ¹³ Там же. № 11. С. 35.
- ¹⁴ Дурылин С.Н. Вопросы просвещения и воспитания на общеземском съезде по народному образованию // Свободное воспитание. 1911–1912. № 4. С. 15. См. также: Дурылин С.Н. Из размышлений о совместном воспитании. (Доклад в Московском кружке совместного воспитания и образования.) // Свободное воспитание. 1912–1913. № 2. С. 13–28.
- ¹⁵ Дурылин С.Н. Просвещение народа и самопросвещение // Свободное воспитание. 1910–1911. № 2. С. 85.

О.В. Щупленков

Патриотическое воспитание в военном образовании Российского Зарубежья

Военная интеллигенция Российской Зарубежья стремилась к воссозданию лучших традиций военных учебных заведений дореволюционной России с учетом новых социокультурных и исторических условий, в которых развивалось военное образование эмиграции.

Воспитательная работа в кадетских корпусах и военных училищах Зарубежья, как убеждает анализ источников, была ориентирована на пробуждение у каждого стремления пройти свой жизненный путь во имя Родины, под знаком «доблести, добра и красоты». В силу этого патриотическое воспитание стремилось, во-первых, обострить восприятие Родины; во-вторых, сформировать готовность честно служить ей, сохранять верность всегда, при всех обстоятельствах и до конца, в-третьих, сознательно воспринимать идею общеславянской солидарности, славянского братства; в-четвертых, внушить, что главное начало – любовь к Родине и главная цель – счастье Родины есть счастье каждого кадета [1].

Одной из важнейших задач восстановления российской армии в 1930-е гг. считалось возвращение к идейным и патриотическим ценностям дореволюционной военной воспитательной системы. Уставы прежней российской императорской армии продолжали оставаться образцом для эмигрантских воинских формирований [2].

«Нашими отцами нам была передана миссия, возможно по промыслу Божьего, для оправдания нашего существования за рубежом: сохранить религию и национальный дух и вернуть их в освобожденную

Олег Викторович Щупленков – старший преподаватель Ставропольского государственного педагогического института.

Россию... Учившиеся в кадетских корпусах относятся к той группе эмиграции, которая получила на хранение больше всех других в рассеянии сущих, так как, обучаясь в закрытом учебном заведении, они в течение всего учебного года круглосуточно находились в сугубо русской обстановке, впитывая в себя те идеалы, с которыми наши отцы покинули Россию», – готмечалось в докладе Г.В. Лукьянова на 5-м общекадетском съезде в Монреале [3].

Понимание патриотизма в эмиграции имеет особенность, которую точно подметил И. Аксаков: «Время и обстоятельства требуют от нас патриотизма иного качества, нежели в прежние годы народных бедствий». Надо уметь стоять за Россию «не только головами (как на войне), но и головою», то есть пониманием происходящего, «не одним оружием вещественным, но и оружием духовным; не против одних видимых врагов, в образе солдат неприятельской армии, но и против невидимых и неосязаемых недругов...», ведь для «патриотизма важны не только воинские подвиги, но подвиги духа» [4].

Естественно, новая социокультурная и политическая ситуация, в которой оказались военные учебные заведения в эмиграции, сказалась на содержании образовательного и воспитательного процесса. Но и на чужой земле им удалось сохранить прежний уклад жизни, цели воспитания и обучения, создать уголок Русской земли и «производить на всех русских, глубокое и даже потрясающее впечатление, как «видение» из доброго старого времени, когда национальная Россия процветала во славе и благоденствии» [5].

Главными задачами патриотического воспитания в кадетских корпусах и воен-

ных училищах Российского Зарубежья стали: усвоение содержания таких фундаментальных понятий как «Отечество», «патриот», «честь», «воинский долг»; воспитание уважения к орденам и медалям; воспитание преданности Отечеству, честности, мужества, гордости за Россию; развитие ответственности за выполнения воинского долга; формирование «русского духовного характера», обогащение личности важнейшими духовными ценностями, «Верую»; привитие положительного отношения к воинскому труду, бескорыстному, беззаветному служению (вплоть до самопожертвования) во имя Отечества. В дореволюционной России, поступая в кадетский корпус, молодежь вступала на первую ступень того жизненного пути, который с каждым годом приближал ее к избранной цели – военное училище и полк. Но у кадет в Зарубежье положение было другим: у них не было ничего: ни училища, ни полка, ни самой России. У них был только корпус и «на нем, и только на нем, сосредоточивалась вся любовь к потерянной Родине». Кроме того, если в старое время в корпуса шли почти исключительно сыновья офицеров, т.е. из той среды, в которую и сами они готовились влиться, в зарубежных корпусах обучалась молодежь из самых различных слоев русской эмиграции и даже сербы. «Однако, несмотря на все эти исключительные обстоятельства, – отмечает С.Н. Забелин, – в основу новых традиций были по-прежнему заложены внутренняя дисциплина, иногда очень суровая, товарищеская спайка и, как главная руководящая мысль, любовь к родному корпусу и к прошлому Императорской России» [6].

На протяжении 1920-х гг. выпускники кадетских корпусов и военных училищ постепенно втягивались в социально-политическую жизнь стран проживания, однако полностью порывать со своим «военным прошлым» русские кадеты не хотели. Многие из них, по воспоминаниям М. Каратеева, впоследствии приходили в свои бывшие казармы, чтобы «отдохнуть душой и телом, надевши военную форму, хоть на несколько дней почувствовать себя офицером, а не рабочим» [7].

К тому же казарма военно-учебных заведений стала во многих случаях своего рода культурным центром русских общин, во-

круг которых формировалась жизнь российской эмиграции. «Кадетский корпус, конечно, прежде всего реальная школа с интернатом, но в то же время это непременно и родной дом», – подчеркивал один кадет Крымского корпуса. своим внешним видом... Воспитание стоит так высоко, что кадеты считают себя одной семьей, а корпус для них – родной дом» [8].

Об этом же говорилось и в день двадцатилетия Первого Русского кадетского корпуса (20 марта 1940г.) председателем Белградского Общества Княже-Константиновцев С.А.Бубновым: «Корпус дал нам веру, веру в Высшую Правду и высший закон... воспитал в нас любовь к Родине. Весь порядок жизни, каждая мелочь, каждая картинка на стенках были отзвуком России и, любя корпус, мы научились любить нашу Родину. Научились любить ее за былую славу, за ее величие и красоту, за ее искусство и музыку, живопись, литературу, науку. Любить ее за то что она – Россия, а мы – русские» [9].

Необходимость усиления внимания к патриотическому воспитанию в военных учебных заведениях Российского Зарубежья была вызвана рядом взаимосвязанных объективных и субъективных факторов, а именно:

- угрозой денационализации русской молодежи в инокультурных условиях;
- высокой потребностью в деятельном сохранении и поддержке особой социально-психологической, языковой и культурной национальной среды;
- стремлением военного командования сохранить высокий профессиональный уровень российской армии и быть готовым не только продолжить борьбу с большевизмом, но и сформировать кадры для восстановления Армии в России после предполагаемой победы, что невозможно без целенаправленной воспитательной работы по подготовке военных кадров, любящих родину и стремящихся служить на ее благо;
- позитивной политикой государственных и общественных органов стран проживания эмигрантов.

Проведенный анализ позволил определить также ряд условий, способствующих патриотическому воспитанию в военных учебных заведениях Российского Зарубежья, среди которых наиболее важными нам представляются следующие:

- сочетание национального и общечеловеческого в патриотическом воспитании, что предотвратило перерождение патриотизма в национализм и фашизм, хотя это и происходило в некоторых русских националистических организациях эмиграции;

- опора на традиции, принципы, методы и формы патриотического воспитания, сложившиеся в дореволюционной военной школе России; комплексность в использовании форм и средств патриотического воспитания, разработанных педагогической мыслью эмиграции;

- учет и использование достижений философской, педагогической и военной науки не только российской эмиграции, но и стран проживания;

- целенаправленная организация воспитательно-патриотической социально-педагогической среды, включающей предметно-эстетическую и межличностную среду учебных заведений.

Решение проблем национального и патриотического воспитания шло по нескольким направлениям. Прежде всего, в процессе обучения, которое строилось на достижениях отечественной педагогической мысли. Оно предполагало наглядность, связь с жизнью, теории с практикой и базировалось на школьных программах 1915 г., вводимых в связи с задуманным графом Игнатьевым реформированием русской школы, усилением национальной направленности образовательного процесса в ней, а также в разнообразной внеучебной деятельности. В соответствии с общими направлениями патриотической работы в эмиграции, в кадетских корпусах и военных училищах также выделялись православное, мемориальное, художественно-творческое, историко-просветительское направления, которые имели свою специфику по сравнению с гражданскими учебными заведениями.

При этом первостепенное значение придавалось «не обрядности, но разъяснению духовной сущности религии, т.е. миссионерской работе» [10], подчеркивалась будущая роль военных священников в деле воспитания солдатских масс и офицерского состава. Директивные материалы РОВС, определявшие принципы организации военно-преподавательской деятельности в эмигрантских военных училищах, также объявляли православие официальной религией

российского зарубежного воинства [11].

Сложившиеся в зарубежной России формы и средства патриотического воспитания, их тесная взаимосвязь с лучшими достижениями дореволюционной военной школы оказываются востребованными и в современной России. Не ставя перед собой задачу подробного анализа и разработки комплекса мер по внедрению их в образовательный процесс современных военных учебных заведений, (что, на наш взгляд должно стать темой специального исследования), хотелось бы обозначить основные приоритеты и пути, которые могут помочь усилению патриотической направленности современного военного образования. Это произойдет только при условии синтеза лучших достижений дореволюционной, советской (что немаловажно, так как она имеет большой и достаточно плодотворный опыт

патриотического воспитания в военных учебных заведениях) и эмигрантской воспитательно-патриотической систем. Использование накопленного опыта патриотического воспитания важно для воссоздания в современной России системы кадетских корпусов (на сегодняшний день в стране более 50 кадетских корпусов, не считая специализированных классов). Почти за десять лет существования кадетского движения не появилось еще единого стандарта кадетского корпуса, и в этом неоценимую помощь может оказать использование проверенных средств патриотического воспитания, существовавших в кадетских корпусах, как дореволюционной России, так и Российского Зарубежья.

Усиление патриотической доминанты в российском обществе напрямую связано с повышением статуса российского офицера, прежде всего, как преданного Отчизне, глубоко профессионального и высоко культурного человека. Это требует от современного военного образования усиления гуманистический и гуманитарной составляющих, расширение содержания специальных и общеобразовательных предметов традициями русской художественной культуры, более глубоким освоением общей и военной истории России, как это происходило в патриотическом воспитании Российского Зарубежья.

Перспективным для патриотического воспитания в военном образовании России

нам представляется развитие мемориально-го направления, заключающегося в сборе исторического материала, посвященного истории учебных заведений, расширении музейной деятельности внутри военных учебных заведений, выпуске «Книг памяти», создании мемориалов погибшим воинам.

Так как патриотическое воспитание является частью духовно-нравственного, то одной из его приоритетных задач является развитие духовной культуры курсантов и воспитанников военно-учебных заведений, которое видится нам перспективным по двум направлениям: во-первых, это восстановление традиционной для России связи между армией и православием. В условиях эмиграции православие было и главной идеологической основой патриотического воспитания, и одним из важнейших направлений практической национально-патриотической работы с детьми и молодежью, и средством объединения российских эмигрантов. В современной России оно может стать важным фактором нравственного развития в ситуации всеобщей потери прежних ценностных ориентиров. Для этого необходимо более тесное взаимодействие с представителями Русской Православной церкви, в перспективе – постройка или восстановление полковых храмов, что например, входит в ближайший план деятельности в Эссентукском педагогическом колледже, на территории которого расположена бывшая полковая церковь дореволюционного Кавалерийского полка, в советский период превращенная в клуб.

Важной воспитательно-патриотической формой работы является беседа православного священника, разъясняющего кадетам их патриотический и христианский долг по защите Отечества. Подобные беседы уже проводятся в кадетском классе еженедельно в соответствии с традициями Российского Зарубежья, и, в частности, с заветами русского эмигранта, протоиерея Востокова, который выделил основные компонента процесса религиозно- патриотического воспитания молодого поколения: участие воспитанников в литургии; усвоение примеров русских святых, «бывших не только молитвенниками, но и мудрыми строителями отечества». [9]. Кроме того, необходимо введение в качестве обязательного компонента базового допризывного образования спе-

циальных курсов «Основы духовно-нравственного и патриотического воспитания», «Исторический опыт духовно-нравственного воспитания в военной школе России»;

В современных условиях организация социально-педагогической среды должна включать в себя воспитательно-патриотическую работу не только с кадетами и со студентами, но и с их семьями (в форме бесед, встреч, совместных культурных мероприятий и т.д.), а также создание вокруг подобных учебных заведений культурно-образовательного пространства, как это было в военном образовании Российского Зарубежья.

- Комплексное использование этих направлений, форм и средств патриотического воспитания при условии соединения их с современными достижениями военной и педагогической научной мысли будут способствовать возрождению российского патриотизма и продолжит многовековые традиции воспитания российских офицеров.

Источники и литература

- [1] *Андрюшин. И.В.* Становление и развитие системы воспитательной работы в кадетских классах: Дисс. ... канд. пед. Наук. Кострома, 2001.
- [2] ГАРФ. Ф.5826. Оп. 1. Д. 7.
- [3] Кадетская переписка: Орган русской национально-патриотической мысли (Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом). Нью-Йорк, 1977. № 18.
- [4] *Киряшов Н.И.* Социально-педагогические проблемы теории и практики комплексного подхода к воспитанию в военных коллективах. 1980.
- [5] Седьмая кадетская памятка, юбилейная. Нью-Йорк, 1997. 462 с.
- [6] *Забелин С.Н.* Кадетские корпуса за рубежом // Бомбардир. 1995. №1.
- [7] *Каратеев М.* Белогвардейцы на Балканах (Воспоминания белого офицера). Буэнос-Айрес, 1977.
- [8] Кадетские корпуса за рубежом. 1920–45 гг. Нью-Йорк, 1970.
- [9] Там же. С. 127, 338.
- [10] Там же. С. 320.
- [11] *Осипов А.* Армия и религия // Часовой. 1964. С. 8–14.
- [12] ГАРФ. Ф.5826. Оп. 1. Д. 30
- [13] Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы заграницей. Прага, 1923. № 2. С. 82.

Л.П. Муромцева

Судьба коллекций Донского музея

Еще в 1884 г. в Новочеркасске – административном центре Области Войска Донского – возникло Общество любителей донской старины, сыгравшее большую роль в создании интересного музейного собрания. А в 1899 г. состоялось открытие Донского музея истории казачества в специально построенном для него здании в центре города. В нем экспонировались многочисленные казачьи знамена и штандарты, регалии атаманской власти (серебряные перначи, насеки, булавы, бунчуки XVIII–XIX вв.), сабля прославленного атамана, героя Отечественной войны 1812 г., М.И. Платова, другое именное и жалованное оружие, российские и иностранные ордена и медали – свидетельства воинской доблести казаков¹.

Если бы не революции 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война, реликвии донского казачества вряд ли покинули бы стены Новочеркасского музея. Но из-за угрозы захвата Новочеркаска Красной Армией в декабре 1919 г. по решению Донского казачьего правительства и атамана Войска Донского А.П. Богаевского Донской архив и основная коллекция музея, оцененная в 8763500 рублей, были вывезены из Новочеркаска по железной дороге в Новороссийск.

Стоит уделить чуть больше внимания личности последнего донского атамана, который не пожелал оставить казачьи святыни большевикам, проводившим жесткую политику расказачивания. Это был незаурядный

Людмила Петровна Муромцева – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

человек, поклонник философского учения А.Шопенгауэра, хорошо знавший литературу, умевший ценить прекрасное, душой болевший за судьбу России. А. П. Богаевский (1872–1934) происходил из казаков донской станицы Каменской и получил военное образование, окончив в 1892 г. Николаевское кавалерийское училище и в 1890 г. с отличием – Академию Генерального штаба, после чего занимал штабные должности в Петербургском военном округе. Участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. 19 февраля 1919 г. Большим войсковым кругом генерал-лейтенант Богаевский был выбран войсковым атаманом Войска Донского. После разгрома армии генерала П.Н.Врангеля он отправился пароходом в Константинополь, откуда вскоре переехал в Болгарию, затем в Югославию и, наконец, во Францию, где и нашел в 1934 г. свое последнее пристанище на известном русском эмигрантском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. С детства он был воспитан в духе уважения к военно-патриотическим традициям русского народа. Оказавшись в 1920 г. перед эмиграцией в Крым, живо интересовался реликвиями русской воинской славы Севастополя, в обороне которого в годы Крымской войны участвовал его отец. Вот строки из дневника Богаевского, записанные 30 марта 1920 г.: «Здесь, на священной земле Севастополя, обильно политой кровью доблестных его защитников в 1854/5 г., со всех сторон видишь памятники славной старины этого незабвенного года... Какие чудо-богатыри духа были тогда!»². Посетив Музей Севастопольской обороны на знаменитом Малаховом кургане, а также Братское кладбище, Богаевский дал оценки увиденным памятникам

воинской славы. К сожалению, в дневнике, начатом 1 (14) февраля 1919 г., записи затем прерываются на целый год, и из него нельзя ничего узнать о вывозе из Новочеркасска коллекций Донского архива и Музея истории донского казачества³. Нет о них ни слова и в написанных позднее, уже в эмиграции, воспоминаниях донского атамана⁴. Кстати говоря, в период его пребывания в Новочеркасске там был организован Комитет по устройству памятников борьбы Дона с большевиками⁵.

Эвакуация из Новороссийска в марте 1920 г. остатков Донской армии, а вместе с ней архивных и музейных ценностей, происходила при весьма драматичных обстоятельствах, под огнем наступавших красных. Для Донской армии было выделено всего три парохода, которые не могли вместить всех людей. Казакам пришлось даже оставить на берегу тысячи породистых лошадей. Но, несмотря на все ужасы Новороссийской катастрофы, коллекции Донского архива и Новочеркасского музея были переправлены морем в Константинополь.

В Константинополе вывезенные материалы Донского архива и Новочеркасского музея истории донского казачества разместили в здании летней резиденции Российского посольства в Буюк-Дере, где приступили к их предварительному разбору. Но там архивные и музейные ценности Войска Донского надолго не задержались. В связи с эвакуацией в 1921 г. из Турции остатков армии генерала П.Н. Врангеля, в которую входил Донской казачий корпус, казачьи реликвии переправили через Болгарию в Югославию и хранили в течение четырех лет в Белградской крепости под контролем образовавшейся в 1923 г. Донской исторической комиссии. На этом их зарубежные странствия, однако, не закончились. В 1924 г. в Чехословакию из Парижа приезжал А.П. Богаевский, чтобы договориться с властями о перемещении туда реликвий истории Дона. В феврале 1925 г. под руководством члена Донской исторической комиссии П.А. Скачкова они были перевезены по железной дороге в Прагу на деньги, выделенные Чехословацким правительством.

Ветеринарный врач по профессии, уроженец Ростова-на-Дону, участник Первой мировой и Гражданской войн, одно время окружной атаман, П.А. Скачков (1877–1936), казалось, был далек по своим интересам от истории. Но судьба распорядилась так, что забота о сбережении реликвий донского казачества стала основной целью последних лет его жизни. Еще в Белграде он принял активное участие в издании «Донской летописи (Сборника материалов по новейшей истории Донского казачества со времени Русской революции 1917 года)», написав предисловие к нескольким выпускам. В отличие от некоторых других патриотов Дона, Скачков считал казачество частью русского народа, а их исторические судьбы неразделимыми⁶.

В столице Чехословакии казачьи музейные экспонаты вместе с Донским архивом первое время находились в помещениях Национального музея благодаря любезному содействию его директора, доктора Теодора Сатурника. А в 1927 г. их перевезли в здание на Вензиговой улице. В Чехословакии в то время существовало несколько группировок и объединений казачьей эмиграции, издававших (чаще всего кустарным способом) свои печатные органы: «Казак» (периодический орган общеказачьей станицы Чехословацкой республики); «Кзаки» (периодический орган общеказачьей станицы Чехословацкой республики); «Кзаки» (беспартийный, литературный и общественно-научный орган общеказачьей станицы в ЧСР); «Кзачий набат» (орган Совета казачьего центра Союза младороссов); «Кзачье знамя» (орган независимой казачьей мысли); «Кзачьа мысль» (орган казаков-демократов) и другие. Между ними развернулась борьба за право обладания святынями казачества. В частности, их пытались взять под свой контроль Общеказачий сельскохозяйственный союз и Центральное Правление Вольного казачества – казаков-националистов. Но, пользуясь поддержкой донского атамана А.П. Богаевского, Скачков не выпустил ценности из своих рук. Сокровища музея и архива по-прежнему находились в ведении Донской исторической комиссии, в которую входили А.П. Богаевский, Н.М. Мельников,

П.А. Скачков, В.А. Харламов. Сам донской атаман проживал в то время в Париже, поэтому по существу ведущая роль в ней в Праге оставалась за Скачковым. К 1934 г. комиссия фактически распалась, а чехословацкие власти уведомили о прекращении субсидий на содержание коллекций.

Чтобы выйти без потерь из создавшейся тяжелой ситуации, незадолго до своей смерти А.П. Богаевский в начале 1934 г. по предложению П.А. Скачкова санкционировал передачу донских коллекций на хранение в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) при Министерстве иностранных дел Чехословакии, которое его и финансировало.

По этому поводу был заключен специальный договор из 14 пунктов, гарантировавший особые условия их хранения и определенную автономию созданного в 1934 г. в составе РЗИА Донского отдела. Его возглавлял П.А. Скачков, а после кончины последнего – его помощник, полковник М.А. Ковалев.

Далеко не сразу о переходе коллекций из Новочеркасска под юрисдикцию РЗИА стало известно более широким кругам казачьей эмиграции в Чехословакии. Лидер казаков-националистов В.Г. Глазков сразу же обратился с письменным протестом против передачи реликвий «в руки русских», опубликованным в журнале «Казакция» в 1935 г. Позднее в годы Второй мировой войны он возглавил в Праге прогермански настроенное Казачье национально-освободительное движение, приветствовал нападение фашистской Германии на СССР и организовывал казачьи отряды для борьбы с Красной Армией. Скачков же придерживался более умеренных политических взглядов, не разделяя судеб России и донского казачества, о чем свидетельствует опубликованный им в 1922 г. в Софии ответ на открытое письмо генерала П.Н. Краснова к казакам от 17 (30) октября 1921 г.⁷. Кстати, П.А. Скачков был прекрасным оратором и популяризатором научных знаний, читал лекции в кружке по истории мировой войны.

Но вернемся к изложению пражских событий 1934–1935 гг., связанных с судьбой

коллекций из Новочеркасска. Вот что писал тогда Глазков в журнале «Казакция»: «П.А. Скачков, как только заходит речь о Донском архиве и ценностях, в нем находящихся, начинает нервничать и грозить то судом, то чешскими властями, в случае появления в печати неправильной информации»⁸. Но, кажется, напрасно в этой связи оппонент яростно упрекал Скачкова в соблюдении при передаче архивных и музейных материалов в РЗИА прежде всего личных, меркантильных целей, заключавшихся якобы в корыстной заинтересованности последнего в получении денежного содержания от чехословацких властей. Для опровержения выдвинутого несправедливого обвинения достаточно привести лишь один красноречивый факт. П.А. Скачков скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг 2 января 1936 г. и был погребен на Ольшанском кладбище. Поскольку у покойного не оказалось в Праге родных и близких, его самые ценные вещи были разыграны в лотерею между эмигрантами, которым достались лишь карманные часы, золотое обручальное кольцо, одна юбилейная серебряная монета достоинством в 10 крон и простые шахматы ручной работы с такой же самодельной доской⁹. Думается, хранитель донских казачьих реликвий был из породы русских подвижников-бессребреников и заботился не о себе лично, а в первую очередь о сбережении вверенных ему сокровищ. Скромную зарплату же он получал не от государственных органов Чехословакии, а от находившегося в Париже Войскового Совета, перед которым был ответственен за коллекции.

Сам факт пребывания в Праге и месте хранения музейного собрания из Новочеркасска Скачков старался держать в тайне или во всяком случае широко не афишировать совсем по иной причине. Прежде чем назвать ее, обратим внимание на то, что в отличие от документальных фондов Донского архива о нем ни слова не упоминается в справочных изданиях, опубликованных российскими эмигрантами в Чехословакии в конце 1920-х–30-х гг. Как известно, сам РЗИА располагался тогда в барочном Тосканском дворце на Градчанах, недалеко от

резиденции президента Чехословацкой Республики. Но в вышедшем в 1936 г. справочнике-путеводителе по РЗИА далеко не случайно даже не указан точный адрес местонахождения его Донского отдела. Отмечено лишь вскользь, что он получил «приличное помещение» рядом с Тосканским дворцом. Ничего не говорится о донских реликвиях и в воспоминаниях Д.И.Мейснера, работавшего многие годы в РЗИА, знакомого с представителями казачьей эмиграции в Чехословакии и не забывшего рассказать о деятельности В.Ф.Булгакова по созданию Русского культурно-исторического музея в Збраславе. В действительности на основе специального соглашения коллекции Донского музея все эти годы числились на временном хранении в фондах Национального музея в Праге.

Нам не удалось пока выявить подробную информацию с полным перечнем музейных коллекций из Новочеркасска в составленных в 1934 г. в Праге документах. В рукописном «Проекте условий передачи материалов Донского Казачьего архива в фонды Р.З.И. Архива при МИД Чехословацкой Республики» говорится только об архивных материалах. В частности, в пункте 2 подчеркивается: «По установлению в России некоммунистической власти все материалы Донского казачьего архива передаются в Россию, в Донской войсковой архив или иное равноценное на Дону учреждение»¹⁰. Как явствует из машинописного же экземпляра «Проектов основных положений для организации Комиссии по Казачьему отделу при РЗИА», коллекции из Новочеркасска музея истории донского казачества обозначались термином «войсковое имущество». Пункт 21 этого документа гласил: «Имущество донского Архива с его описями, в полном объеме подлежит возврату его собственнику - Войску Донскому по требованию Войсковой власти, основанному на постановлении Представительного органа - Войскового круга, с ведома и согласия Общегосударственной Российской некоммунистической власти, признанной Правительством Чехословацкой Республики. Если в течение тридцатилетнего срока в России не наступят все, указанные выше

условия, это войсковое имущество подлежит возвращению в Донской музей в Новочеркасске»¹¹. Как видим, предусматривался даже вариант передачи ценностей в Советскую Россию при условии сохранения большевистского режима через 30 лет, то есть к середине 1960-х гг.

Но в 30-х гг. XX в. возможность развития событий по такому сценарию не стояла еще на повестке дня. Тогда, на наш взгляд, хранители святынь истории донского казачества стремились не допустить слишком широкой огласки сведений о них из опасений, что, получив официальную информацию о музейных ценностях, вывезенных из Новочеркасска, правительство СССР, заключившее в 1935 г. с Чехословакией договор, предъявит иск чехословацким властям. По этой же причине казачьи знамена, оружие, ордена, медали, атаманские регалии, к сожалению, были недоступны для осмотра широкой публике из числа эмигрантов, не использовались они и в научной работе. А частые перемещения неблагоприятно сказывались на состоянии раритетов, особенно знамен.

В 1942 г. архивные материалы и музейных коллекции Донского отдела РЗИА были переданы по требованию фашистской оккупационной администрации в архив Министерства внутренних дел и Национальный музей, находившиеся под ее строгим контролем. Лишь в 1946 г., наконец, закончились многолетние странствия архивных и музейных реликвий Донского казачества. 115 казачьих знамен и штандартов, атаманские регалии, ордена, медали перевезли из Праги в Москву, где их вернули через Комитет по делам культурно-просветительных организаций при Совете Министров РСФСР на законное место – в экспозицию и фонды Новочеркасска музея истории донского казачества¹². В путеводителе по музею упоминается о возвращении 2700 экспонатов, а по описи, хранящейся в Государственном архиве Российской Федерации было передано 1040 единиц хранения¹³. Такое несоответствие в цифрах объясняется применением разных систем учета материалов.

Документы же из Донского архива на долгие годы упрятали в закрытые фонды

Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации) вместе с ними туда передали и явно музейную вещь – прекрасный серебряный массивный ларец весом 30 кг работы московских ювелиров (около 1817 г.), которые мастерски изобразили батальные сцены, повествующие об участии казаков в Отечественной войне 1812 года¹⁴. Ларец был предназначен для хранения царских грамот, данных Войску Донскому, и место ему, конечно, не в архивных стенах, а в Новочеркасском музее, где им могли бы любоваться гораздо больше посетителей.

Приложения

¹ Новочеркасский музей истории донского казачества. Путеводитель. Ростов-на-Дону, 1978. С. 7.

² «Наше великое дело близко к полной гибели». Дневник последнего донского атамана А.П. Богаевского // Источник. 1993. № 3. С. 13, 16–17.

³ Источник, 1993. № 2. С. 23–26.

⁴ См.: Воспоминания генерала А.П. Богаев-

ского. 1918 год «Ледяной поход». Издание Музея белого движения и Союза первоходников. Нью-Йорк, 1963.

⁵ Материалы о комитете по подготовке выставки находятся на хранении в ГА РФ (Ф. Р – 6053).

⁶ Часовой. 1936. № 164. С. 30; Путеводитель. Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000). М., 2001. С. 413–414.

⁷ Скачков П.А. Среди казаков. Ответ на открытое письмо ген. П.Н. Краснова к казакам. София, 1922.

⁸ Глазков В.Г. Как и почему Донской музей-архив был передан в руки русских // Казакия. 1935. № 6. С. 51.

⁹ Акт о проведении лотереи хранится в ГА РФ (Ф. 7055).

¹⁰ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

¹¹ Там же. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

¹² Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 26, 28.

¹³ Новочеркасский музей истории донского казачества. С. 9; ГА РФ. Ф. 5142. Оп. 10. Д. 2221. Л. 30.

¹⁴ Перегудова З.Н. Неожиданный ЦГАОР // Советский музей. 1992. № 37. С. 58.

В мире новостей

• Информационный сайт portal-credo.ru сообщил о социологическом опросе «Свобода совести в современной России», проведенном Институтом свободы совести совместно с юридическим факультетом Московского педагогического университета (МГПУ) в школах Москвы. Ряд вопросов был посвящен проблеме преподавания религии в государственной школе. В частности, на вопрос «Какие предметы следует преподавать в средней школе в рамках обязательной программы?» 12 % респондентов выбрали ответ «Предметы, обучающие религии (например, основы православной культуры, основы исламской культуры и т.п.)». Предметы, дающие знания о религии и иных формах мировоззрения (например, религиоведение, история религий, история атеизма и др.) назвали 41 %, ответ «вышеперечисленные предметы не должны преподаваться в средней школе» – 46 % преподавателей. Таким образом, процент сторонников преподавания предметов, обучающих религии, составил 12 %. Процент противников – 87 %.

В то же время, большинство респондентов высказались в пользу получения дополнительных знаний по вопросам совести, светскости и – государства и государственно-конфессиональных отношений.

А.В. Васильев

Советская интеллигенция на службе вермахту

Одной из малоизученных страниц отечественной истории остается вопрос о сотрудничестве советских граждан с немецкими оккупационными властями в годы Великой Отечественной войны. В немногочисленных работах советского периода эти люди в основном характеризовались как моральные извращенцы, патологические преступники и отбросы общества. Касаясь же их социального статуса в предвоенный период то, как правило, сообщалось что были: уголовники, бывшие белогвардейцы, кулаки и прочие антисоветские элементы. Однако вопрос об участии различных социальных групп советского общества в коллаборационистском движении намного проблематичней и мало изученный, чем представляла его советская историография. Ярким тому примером является вопрос о сотрудничестве представителей советской интеллигенции с немцами.

Так после занятия противником Смоленска 20 июля 1941 г. представители смоленской интеллигенции были собраны в комендатуре, где немецкий комендант заявил им следующее «Вы должны вместе со всеми оставшимися интеллигентными людьми работать по организации жизни оставшегося в Смоленске населения»¹ Бургомистром (или начальником города) согласился стать В.Г. Меньшагин. В Гражданскую войну семнадцатилетним юношей он вступил в ряды РККА и прослужил в ней восемь лет. В связи с религиозными убеждениями был уволен. Получив юридическое образование, работал юрисконсультom в Москве, затем – адвокатом в Смоленске. Защищал крестьян в период коллективизации, «врагов народа» в годы массовых репрессий. В ходе «дела» о

вредительстве в животноводстве дошел до генпрокурора Вышинского и добился пересмотра ряда смертных приговоров.² Ему назначили двух помощников профессора физики и астрономии Б.В. Базилевского и приехавшего вместе с немцами Г.Я. Гандзюка.

Борис Васильевич Базилевский родился 26 мая 1885 г. в г. Каменец-Подольский. В 1914 г. преподавал физику и математику в во 2-м Варшавском реальном училище. В 1915–1917 гг. публиковал статьи по методике преподавания астрономии в журнале Московского математического кружка «Математическое образование». В 1919 г. Базилевский перебирается в Смоленск, где становится профессором Смоленского университета, а после его расформирования в 1930 г. – профессор Смоленского пединститута. Во время работы в университете в течение десяти лет был деканом физико-математического факультета, а в предвоенные годы заместителем директора по учебной части. До 1941 г. он также являлся заведующим кафедрой астрономии и директором обсерватории, где проживал с семьей. Известно, что в годы своей работы в Смоленском университете он выступил против беспринципности составления учебных планов Наркомпросом в 1929 г., против установки на свертывания курса астрономии и геодезии, за что подвергался критике на партсобрании СГУ.³

Во главе отдела просвещения стал профессор В.Е. Ефимов, отдел искусства возглавил художник Мушкетов, отдел городского врача доцент К.Е. Ефимов, городским ветеринаром стал врач К.И. Семенов, жилищный отделом руководил профессор В.А. Меланьев⁴.

На Кубани первым бургомистром Краснодара стал Алексей Алексеевич Анонсов. Это имя было уже достаточно известно в то время среди геологов, а также среди людей в той или иной степени с горной и нефтяной

¹ Александр Валерьевич Васильев – преподаватель истории в ГОУ «СПО Технический пожарно-спасательный колледж № 57».

промышленностью. На черноморских и кавказских нефтяных промыслах Аносов был одним из самых крупных специалистов в области разведки нефтяных и газовых месторождений и оценки их запасов. В соавторстве с известным академиком Губкиным он работал над составлением карты нефтяных месторождений Советского союза, которая известна в научном мире как карта академика Губкина. В 30-е годы получил десять лет тюрьмы. После отсидки вернулся домой и Азово-Черноморским трестом был назначен главным консультантом в Краснодарское геологическое бюро.⁵

Помогал немцам и поэт Филиппов Борис Андреевич (настоящая фамилия Филистинский). Он родился в 1905 г. в Ставрополе. Его отец был офицером погибшем в I мировую войну. В 1924–1928 годах он изучал монголистику в Ленинградском институте восточных языков. В 1936 году окончил Ленинградский вечерний институт промышленного строительства. В 1936 году был арестован органами НКВД и отправлен в лагерь, а затем выслан в Новгород.⁶

Когда же в город вошли немцы, он предложил им свои услуги в качестве шефа русского гестапо.

Во время оккупации Гатчины в местном театре сознательно работал на нацистов заслуженный артист РСФСР, солист Ленинградского государственного театра оперы и балета им. Кирова, советский орденосолец бывший партнер Галины Улановой Михаил Александрович Дудко. Тесно сотрудничал с этим коллективом один из самых популярных оперных певцов 30-х годов народный артист РСФСР, кавалер ордена Ленина Николай Константинович Печковский. О его концертной деятельности 16 октября 1942 г. писала орловская газета «Речь» «..Артист Мариинского оперного театра Николай Константинович Печковский на дня дал во Пскове три концерта. Псковичи с нетерпением ждали знаменитого русского артиста и чрезвычайно были рады дорогому гостю, поразившему население своими прекрасными песнями. Печковский не пожелал следовать с красной ордой, вожди которой, несомненно, желали иметь при себе такого крупного деятеля искусства. «Я рад служить своему народу и его освободителям – германским войнам», – говорит Николай Константинович» Помимо этих артистов в Гат-

чинском театре выступали и другие известные ленинградские артисты: баритон Иван Корнилов, сопрано Элеонора Богданова и аккордеонист Эдуард Сакс⁷.

В оккупированном Киеве некоторое время жил и работал В. Блюменталь – Тамарин. Он руководил театром русской драмы. Это был одним из самых популярных драматических артистов довоенной поры, играл Рогожина и Дона-Карлоса, Чацкого и Гамлета. Сын знаменитой актрисы Марии Блюменталь-Тамариной, которая в числе первых десяти советских актеров была удостоена звания «Народный артист СССР» сам он не признавал казенной «службы» в каком – то одном театре и разъезжал с гастрольями по стране.

В октябре 1941 года В. Блюменталь – Тамарин оказался в занятом немцами городе Истра, рядом с которым находилась его дача. Когда немцы отступили, он вместе с еще несколькими дачниками – соседями, в том числе знаменитым вахтанговским актером Освальдом Глазуновым, ушел на запад. Самой знаменитой его ролью «Киевского периода» стал советский генерал Горлов в злой сатире «Так они воюют». В основу спектакля легла пьеса «Фронт» советского драматурга Корнейчука. Блюменталь – Тамарин выступал на радио и в печати и очень хлестко критиковал режим Сталина⁸.

Сотрудничал с немцами и знавший Анну Андреевну Ахматову Н.С. Давиденков. В своих записках об А. Ахматовой Л.К. Чуковская писала «...29 июля 39 А. Ахматовой рассказала мне, что Левин приятель, студент Ленинградского университета, Коля Давиденков – арестованный в одно время с Левоной выпущен из тюрьмы...28 августа 39...На следующее утро, ровно в восемь, ко мне вбежал запыхавшийся Коля...Мы решили по дороге зайти к Анне Андреевне...»⁹.

Впоследствии давая ему характеристику Чуковская напишет «...Николай Сергеевич Давиденко 1915 – 1950 – биолог и литератор, сын заслуженного деятеля науки, знаменитого невропатолога С.Н. Давиденкова. Он был приятелем Льва Гумилева, арестован сидел в тюрьме одновременно с ним; но в 39-м прихотливом году, в отличие от Левы, Коля, вместе с целой группой студентов, был отдан под обыкновенный суд, оправдан и выпущен.

Вскоре я подружилась с Колей и стала

редактором популярной книжки о Дарвине, которую Давиденков начал писать для Дома Занимательной Науки...¹⁰

Попав в плен, он пошел на сотрудничество с немцами завербовался в «РОА» и участвовал в работе пропагандистского отдела, его перу принадлежало ряд стихотворений опубликованных в коллаборационистской прессе. После войны он окажется в одном лагере с А.И. Солженицыным который в «Архипелаге Гулаг» (Т.III, гл 18) посвятит несколько строк ему как режиссеру театра для заключенных. О другом поэте Юрии Павловиче Ивсаке, журналисте, активно сотрудничавшем с немцами в газете «Северное слово», выходявшем на территории Ленинградской области, а заодно еще и в полиции. В Словаре поэтов Русского зарубежья написано следующее «...Литературовед, эссеист, критик, профессор – славист...Марина Цветаева называла его «стихолоб и архивист» и признавала его одним из лучших истолкователей ее творчества»¹¹.

Сотрудничали с немцами и журналисты. Так редактором газеты «Утро Кавказа» был Б. Н. Ширяев (1889–1958) дворянин, гусар офицер царской армии. В 1918, 1922 гг. приговаривался сначала ЧК, а затем ГПУ к расстрелу. Был сослан на Соловки, где стал редактором газеты «Перековка»¹².

Одним из сотрудников «Утра Кавказа», был фельетонист А.Е. Капралов, писавший под псевдонимом «Аспид», специализировался он на антисемитских и антисоветских произведениях. До революции он был одноклассником и другом М.А. Булгакова по киевской гимназии.¹³ Там же. С 346–347

Затем он работал библиотекарем Киевского военного училища, где был арестован по сфабрикованному делу НКВД «Весна», отсидел срок, оказался сосланным в Ворошиловск¹⁴. Другим корреспондентом был бывший сотрудник газеты «Молодой Ленин» Михаил Бойков, который в 1937 году прошел через все круги ада ставропольской внутренней тюрьмы НКВД. Работали на газету и Е.Б. Польских и Л.И. Польских писавшие в предвоенные годы о пребывании Ю.М. Лермонтова в Ставрополе.¹⁵

Однако самым известным журналистом, который помогал немцам был Мелентий Александрович Зыков. По его словам во время гражданской войны он был политкомиссаром. Позже стал литературным кри-

тиком, преподавал в институте им. Герцена и публиковал в различных изданиях статьи о русской литературе XVIII в. Зыков также заявлял, что в качестве журналиста сотрудничал в «Известиях» при Бухарине, а потом женился на дочке наркома А.С. Бубнова и вращался в высших партийных сферах, потом подвергся репрессиям. А во время войны в 1942 г. попал в плен и стал редактором газеты «Заря».¹⁶

В написании манифеста Комитета Освобождения Народов России в октябре 1944 г. принимал участие Н.А. Троицкий по специальности архитектор – строитель, с 1935 г. вплоть до своего ареста за «контрреволюционную деятельность» в апреле 1937 г. работал над диссертацией по архитектуре театральных зданий. В составлении этого манифеста участвовал и А.Н. Зайцев который окончил биологический факультет МГУ, а затем учился в аспирантуре АН СССР. Стоит также отметить, что в высший орган русских коллаборационистов президиум «КОНР» вошли профессора Ф.П. Богатырчук Н. Н. Бузелевичи С.М. Руднева, а кандидатами были избраны профессор П.Н. Иванов и Ю.А. Музыченко¹⁷.

Ярким представителем интеллигенции, не признававшей советскую власть изначально был Разумник Василий Иванович (1878–1946), писавший под псевдонимом Иванов-Разумник. До революции он был известен как историк русской общественной мысли и влиятельный литературный критик. Его первая книга «История русской общественной мысли: Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века» вышла в 1907 году и до революции выдержала 5 изданий. В годы перед Первой мировой войной имя Иванова-Разумника было тесно связано с журналом эсеровского направления «Заветы», выходящим в 1912–1914 гг. в Петербурге. С «Заветами» были связаны многие писатели того времени Постников, Ремизов, Замятин, Пришвин, Клюев, Балтушрайтис, а также эсеровские деятели В.М. Чернов, О.Е. Колбасина – Чернова, С.Д. Мстиславский.

Во время Первой мировой войны Иванов-Разумник был непоколебимым пораженцем. К началу революции он стал фактическим главой вдохновляющей его идеями группы «Скифы», выпустившей в 1917–1918 два сборника под этим названием. Следую-

щим и последним взлетом деятельности «вечного скифа» в послереволюционные годы была организация и активное участие в работе Вольной философской ассоциации (Вольфилы), существовавшей в Петрограде в 1919–1924 годах. В это время Иванов-Разумник был другом Белого и Блока. После революции неоднократно подвергался арестам, как он напишет в берлинской газете «Новое Слово» от 10 мая 1942 г.

Судя по статьям в газете «Новое Слово» Иванов Разумник отрицательно относился к большевикам.

В статье той же газеты от 17 мая 1942 г. он пишет: «Как мог я, всю литературную жизнь борющийся с русским марксизмом, да ещё в лице самого умного его представителя, Георгия Плеханова, – как мог я на минуту поверить в возможность хоть на минуту поверить в возможность хоть временного «пакта» с большевизмом, с его обманной «диктатурой пролетариата», с его компромиссами и всем тем, что восхищает его сторонников: «нет краше зверя сего!». Зверь сей сумел, сперва прикинувшись лисой, поодиночке проглотить всех: в январе 1818 года – учредительное собрание и правых эсеров, в апреле – анархистов, в июле – левых эсеров... Да что там эсеры! Вот и четверть века прошло, а лисий хвост и волчья пасть остаются, верны себе: теперь зверь сей пытается обмануть Черчилля с Рузвельтом...»¹⁹

Как видим из приведенных выше биографии часть представителей советской интеллигенции открыто пошла на союз с немецко-фашистскими оккупантами и предложили им свои разнообразные услуги. Как видно из приведенных биографии многие представители интеллигенции пострадали

от Сталинских репрессии что обусловило их переход на сторону противника. Участие представителей интеллигенции в коллаборационистском движении подчеркивает сложный характер событий происходивших на оккупированной территории.

Примечания

¹ Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 М.*, 2004. С. 44.

² Смыслов О.С. *Пятая колонна от Кутепова до Власова. М.*, 2004. С. 93.

³ *Меньшиагин Б.Г.* Воспоминания. Париж, 1988. С. 222–223.

⁴ Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 М.*, 2004. С. 44.

⁵ *Крикунов П.* Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: 2005. С. 255.

⁶ *Антология поэзии русского зарубежья 1920–1990 (первая и вторая волна). Книга 3. М.: 1994 г.* С. 371.

⁷ Ковалев Б.Н. *Указ. соч.* С. 355–358.

⁸ Смыслов О.С. *Указ. соч.* С. 93.

⁹ *Тимофеев Н.С.* Война и Судьбы. Невинномысск, б.г. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 780.

¹¹ Ковалев Б.Н. *Указ. соч.* С. 342.

¹² *Беликов Г.* Оккупация. Ставрополь, 1998. С. 117.

¹³ Там же. С. 346–347.

¹⁴ Там же. С. 119.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Андреева Е.* Генерал Власов и русское освободительное движение. М., 1993. С. 32.

¹⁷ *Окороков А.В.* Антисоветские формирования в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 112, 118.

¹⁸ *Встреча с эмиграцией. Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946.* Москва-Париж, 2001. С. 8–9, 307–308.

¹⁹ Там же.